

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№7-8 (125-126), 2024

Государство-цивилизация

В этом номере журнала используются чеканные работы Виктора МОРОЗОВА.

Виктор МОРОЗОВ родился в 1949 году. Живет в Нижнем Новгороде. Занимается чеканкой более 40 лет. В своём творчестве возрождает технику старинных европейских и древнерусских мастеров чеканки по металлу, в основе которой лежит многократная ручная проковка каждого миллиметра поверхности металлического листа.

Произведения отличаются неповторимым сплавом мощи и монументальности образов с ювелирной тонкостью и точностью обработки материала.

Художником создана богатейшая галерея на исторические, мифологические и фольклорные темы и сюжеты. Основные формы работ мастера — крупные настенные панно и декоративные воинские щиты, предназначенные для просторных интерьеров.

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Религия Труда
- 8** Загадка «русского Сфинкса»
(из материалов конференции Изборского клуба)
- 22** Русская традиция-цивилизация на новом перевале.
Поиск модели самоописания
(авторский доклад Изборскому клубу Виталия АВЕРЬЯНОВА)
ВВЕДЕНИЕ (стр. 23)
1. МЕТОДОЛОГИЯ ТРАДИЦИИ-ЦИВИЛИЗАЦИИ (стр. 25)
2. УРОВНИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (стр. 28)
3. «ДОГОНЯЮЩАЯ» МОДЕЛЬ САМОСОЗНАНИЯ (стр. 31)
4. РУССКИЙ ПСЕВДОМОРФОЗ И ДВЕ ПРОГРАММЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ (стр. 32)
5. ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: КИТАЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ (стр. 39)
6. ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: РУССКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ (стр. 41)
7. БЫТЬ ГОСУДАРСТВОМ-ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ ДАНО НЕ КАЖДОМУ (стр. 45)
- 48** Валерия СПИРИДОНОВА.
«Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке
- 56** О методологии государства-цивилизации. Русский ракурс
(авторский доклад Вардана БАГДАСАРЯНА)
- 74** Сквозные платформы цивилизационной идентичности России и осевое мировоззрение
(авторский доклад Сергея БАРАНОВА)
- 88** Сергей КЛЮЧНИКОВ.
Главные достижения России
- 100** Максим КАЛАШНИКОВ.
Из цикла работ «Нужда в прорывных проектах»
ПАТРИОТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН? (стр. 101)
ВОССТАНОВИТЬ «МОЗГ» СТРАНЫ! (стр. 107)
О ЧЁМ ГОВОРIT «КОЛЬЦОВСКОЕ ЧУДО»? (стр. 115)
ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ: ИНСТИТУТ ЯДЕРНОЙ ФИЗИКИ (стр. 121)
- 130** Денис СТУПНИКОВ.
«Песни гордые про тесто»
- 138** Библиотекарь
- 139** Хронология мероприятий клуба
- 140** Владимир ЕЛИСТРАТОВ.
«И живы мы духовной жатвой...»
(стихи)

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» №7–8 (125–126), 2024 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора – Андрей КОБЯКОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 04.02.2025

Отпечатано в ООО «Типография «Печатных Дел Мастер»

Тираж 700 экз. Заказ № 250457

/ Александр ПРОХАНОВ /

Религия Труда

Есть заводы градообразующие, заводы государствообразующие. А есть священные заводы. Уралвагонзавод — священный. В годы священной войны он построил танк Т-34, танк священной победы. Это был лучший танк того времени, лучший танк мира. В нём сидел лучший в мире экипаж. Его строили лучшие в мире рабочие. Лучший в мире завод.

Сегодня Уралвагонзавод строит танки для украинского фронта. Это великолепные танки, наследники Т-34, танки Победы. Эти танки спасают государство Российское от истребления. Они — священные танки.

По цехам Уралвагонзавода проходит линия фронта. Здесь в три смены работают лучшие люди России, гении инженерной мысли, гении-

управленцы, гении труда. Уралвагонзавод был и остаётся плодом государства Российского. В нём лучшее, чем мы обладаем. Если хотите понять, кто он, русский человек, пройдите по цехам Уралвагонзавода, посмотрите в утомлённые прекрасные лица рабочих и инженеров.

Танк Т-34 стоит на перекрёстках всех русских дорог, на всех русских площадях. Он, как часовня, перед которой останавливаются люди, и их глаза наполняются молитвенным светом. Уралвагонзавод — это храм русского труда. Здесь совершается великая литургия — литургия русской победы.

Завод, железный, огненный, дымный. Трясенье земли, лязги, уханья, скрежет. Покров металлической шерстью, грызёт, хрипит, плюёт огнём, зыркает ненасытно глазами. Голубые слепящие вспышки. Красное угрюмое тление. Высоковольтные мачты, как длинноногие скороходы, бегут к заводу. Теплотрассы серебряными драконьими туловами оплели территорию. Тепловоз, воя, бежит по рельсам. Лязгает эшелон. Цеха, трубы, котельные, газовые станции, шипенье пара, блеск сварки, язык расплавленной стали. Огромный чертёж, упавший с неба, пропитавший землю огнём, окалиной, мутным чадом. Могучие силы ворочают механизмы, вращают валы, режут, куют, плавят, сотворяют невиданное изделие, непосильное одному человеку. Тысячи людей текут к заводу, каждый со своим умением, ловким навыком, мастерством. Растекаются по цехам; сверлят, бьют, шлифуют, варят швы, смотрят в микроскоп, считают на компьютере, меряют излучение, куют непомерные глыбы, шлифуют поверхность, срезая микронные слои молекул. Уралвагонзавод — гигантский сгусток энергии, воли, ума, собранный для исполнения великой задачи — сбережения государства. Созвал народ в огромную самозабвенную артель.

Сборочный цех. Уходящая вдаль бесконечность. Две параллели, которым не дано пересечься. Железное небо в стальном тумане, в перекатах грома, в синих лучах, бьющих в закопчённые окна. Краны проносят в клювах добычу. Чавканье, лязги конвейера. Сдвигаются земные платформы, тёмные глыбы ползут, глухо ударяют друг друга. В рокотах грома падают синие молнии, происходит зачатие. Цех сотрясается, в нём мука, конвульсия. Дрожат железные мышцы. Из бесщёстных железных пылинок, из разящих лучей, из огненных поцелуев, из железных объятий, из тяжких вздохов и истошных вскриков сотворяется плод. Железная матка рождает младенца — корпус танка.

Он стоит на конвейере, полный, из множества плоскостей и углов, с пустотами люков, сваренный из брони, пахнущий краской, ароматный, как железный цветок. Его уступы, изгибы, углы созданы по геометрическим законам войны. Они вписаны в будущий бой. В рикошеты пуль, скрежет осколков, лобовые удары гранат, взрывы противотанковых мин, атаки дронов, пике штурмовиков, выстрелы встречных танков. Танк ещё в матке, ещё не родился, а его броню терзают будущие взрывы, лижет огонь, мажет кровь погибшего экипажа.

Корпус, как хитин жука, наполняется органами. Могучая мускулатура движения. Валы с торсионными катки, зубчатые ожерелья гусениц. В литой неподвижности — скорость, гибкость, звериный прыжок, хрипящий рывок. Он вихрь, волчок, летящая балерина, пляшущий вприсядку танцор. В нём изящество взлетевшего к небу кита, грациозность бегущего по тайге медведя, плавность танцующего слона. Танк создан для жизни в природе, и этой природой является война, и природой войны является смерть.

В танк помещается двигатель. Он приходит из неба. Его доставляет птица, несущая в клюве добычу. Двигатель серебряный, драгоценный. Он дар небес. Его создавали небесные ювелиры. Он — сердце танка. Его размещение — кардиологическая операция по пересадке сердца. Сердце медленно, точно опускается в разъятую грудь танка, в сумрак стальных рёбер, ветвистых сосудов, электрических нервных волокон. Их сочетание с сердцем — таинственное колдовство, магический обряд. Пульсируют вспышки огня, клубятся голубые дымы, падают с неба лучи. Звучит хорал колокольных ударов, стрекочут свёрла, шипят электроды, звякают накидные ключи. Сердце вживляют в танк, и кажется, кругом ликует вся железная природа завода. Танк обретает могучую сердечную мышцу, не ведающую инфарктов, перестающую биться при прямом попадании снаряда.

В туманном небе, под сводами цеха, плывёт угрюмая темная тень. Без крыльев, овальная, как летающая тарелка. Попадает в луч — и вспыхивает синева брони, качается жуткий отросток, принимается ноздрей, выискивая на конвейере танк, над которым начинает снижаться. Башня с пушкой — головной убор танка. Изящная, как парижская шляпка, элегантная, как широкополая шляпа, величавая, как чалма, весёлая, как тубетейка, лихая, как кепка козырьком к затылку.

Башня — черепная коробка танка с пустыми глазницами, ждущая наполнения хрупким трепетным мозгом. Операция по пересадке мозга. Искусные нейрохирурги вживляют в башню драгоценную, как хрусталь, оптику, лазерные дальномеры, прицелы ночного видения, системы космической связи. Танк через космос связан с удалёнными командными центрами, со штабами, с соседними танками. Компьютер открывает огонь, управляет боем, ведёт счёт поражённым целям, считает потери. Танк окутан облаком радиоволн, делающих его невидимкой. Танк навстречу ракете поднимает тучу металлической пудры, в которой сгорают ракеты. Активная броня окружает танк встречными взрывами, гасящими кумулятивный удар. Танк, глазастый, с рыльцем пулемёта, с громадной предвкушающей выстрел пушкой, стоит на конвейере, как спортсмен на низком старте, весь в напряжении, ожидании, в мощи застывших мускулов. Танк сотворён. Творец создал ему плоть. Дуновенье творца, его поцелуй — и вся громада брони, весь рык мотора, вся мощь ударных систем помчит танк с конвейера на эшелон, на Украину, под Херсон или Харьков, в горящие хлеба, по которым пойдёт ревущий танк, гремя огнём, сверкая блеском стали, пока прямое

Завод, как гигантская рыба, хлюпает жабрами, нерестится танками, и их уносят тёмные потоки войны. Тысячи прекрасных трудолюбивых людей из разных домов города текут к заводу. Копятся у входа, просачиваются сквозь узкость проходной, растекаются по заводу. Надевают комбинезоны и каски и берутся за дело. Мнут гигантскими прессами стальные болванки. Режут синим языком автогена листы металла. Зажигают на конце электрода шипящую звезду. Садятся за пульт тепловоза. В стеклянной кабине крана плывут над конвейером. Скрепляют болтами разъёмы. «Перстами лёгкими, как сон», вживляют в броню хрупкую оптику. Чёрными от копоти кулаками хватают разводные ключи. Ударом зрачков запускают станки, вылизывающие лазером зеркальную поверхность металла.

попадание «Джавелина» не превратит его в груды дымящей брони.

Завод, как гигантская рыба, хлюпает жабрами, нерестится танками, и их уносят тёмные потоки войны.

Тысячи прекрасных трудолюбивых людей из разных домов города текут к заводу. Копятся у входа, просачиваются сквозь узкость проходной, растекаются по заводу. Надевают комбинезоны и каски и берутся за дело. Мнут гигантскими прессами стальные болванки. Режут синим языком автогена листы металла. Зажигают на конце электрода шипящую звезду. Садятся за пульт тепловоза. В стеклянной кабине крана плывут над конвейером. Скрепляют болтами разъёмы. «Перстами лёгкими, как сон», вживляют в броню хрупкую оптику. Чёрными от копоти кулаками хватают разводные ключи. Ударом зрачков запускают станки, вылизывающие лазером зеркальную поверхность металла.

Их труд от Бога. Бог, создавая когда-то бабочку, цветок, Уральский хребет, теперь поручил рабочим свою работу. Они творят, создавая танки, эти железные бабочки войны, стальные цветы поля боя. Изгоняя из рая Адама и Еву, Бог дал им заповедь в трудах добывать себе хлеб насущный. Труд есть Божья заповедь, Божий наказ человечеству, присутствие Бога в Человечестве. Рабочие, сойдясь на заводе, исполняют Божий наказ, следуют божественной заповеди. Завод — место священного труда, Божий верстак, на котором Бог руками рабочих точит свои изделия. Трудом добывается хлеб насущный, трудом утверждается государство, трудом строится лестница, ведущая из чёрных подвалов в Царствие Небесное. «Рабочий и Колхозница» Мухиной есть Адам и Ева, они исполнили заповедь Бога и возвращаются в Небесное царство.

Рабочий человек — драгоценность страны. Он сдержан, умён, благороден, наделён великим умением, великим терпением, знает, что выбран Богом, утверждает богоподобие человека. Приближает ли танк богоподобие мира? Об этом расскажет фреска в храме Дмитрия Донского, что у проходной завода. Армада краснозвёздных танков громит Рейхстаг, и над танками летит восторженный Божий ангел.

Советский Союз жил мечтой о новом человечестве, о новой стране, свободной от зла, где нет попрания, тьмы, корысти, где устраняется самая великая несправедливость в мире — смерть. Мечта Советского Союза — это мечта

об идеальном бытие, о бриллиантовом коммунизме. Эта мечта достигается великими трудами, денными и ночными.

Советский Союз начинался с бревна, которое несли на кремлёвском субботнике рабочие, солдаты и вожди революции. С годами это бревно превращалось в величайшие стройки мира, в великие заводы и лаборатории, оно превратилось в ослепительную победу 1945 года, в космические пуски и атомные электростанции. Труд в Советском Союзе был религией. Через труд достигалось идеальное бытие. Не верящий в Бога советский человек не мог прийти в храм и увидеть в куполе лик Пантократора — владыки мира. Но в песнях того времени пелось: «Владыкой мира будет труд». Труд был божеством, верховным правителем мира. В атеистическом Советском

Союзе была создана религия труда — синонима сотворения мира.

У труда были свои религиозные праздники: День сталевара, День хлебороба, День учителя, День танкиста. У этой религии были свои каменные иконы: скульптуры сталеваров, лётчиков, крестьянок с хлебными снопами, академиков с книгами. У этой религии были свои подвижники, герои, мученики. Был свой храм труда — Выставка достижений народного хозяйства. И был бесподобный символ — мистический памятник Мухиной «Рабочий и Колхозница». Это были Адам и Ева, когда-то изгнанные из рая с божественным напутствием: «Идите и в трудах добывайте хлеб свой». И теперь они, пройдя земную историю и сотворив рай земной, возвращались в рай небесный, показывая Господу

орудия труда, которыми был сотворён этот рай, — молот и серп.

Советский Союз, обожествив свободный творческий труд, приблизился к сокровенной мечте.

Разгромив Советский Союз, враг уничтожил мечту — бриллиантовый коммунизм. А вместе с ней уничтожил религию труда, которым достигалась эта мечта. Враг разрушил множество заводов, лабораторий, научных центров, рубил гильотинами советские подводные лодки, высмеивал подвижников и героев. Идеал труда был подменён идеалом торговли.

Русский человек — великий работник и великий трудник, вдруг оказался без работы. У него отняли великое, данное ему Богом задание — возделывать и одухотворять землю

между трёх океанов. И тогда началась трагедия: русский офицер стал стреляться. Русские женщины перестали рожать. Книги и поэмы русских писателей и поэтов наполнились образами ада. Золотой телец был Богом. Деньги были живой и мёртвой водой. Всё можно было купить, всё имело цену. Сердце, вырезанное из тельца младенца, имело цену. Цену имел Байкал. Цену имела Волга. Цену имела Россия, которой торговали с молотка адские брокеры. Цену имело звёздное небо. Цену имел сам Господь Бог. Это было время великих продаж — продажное время.

Не завод, не космодром, не ядерный центр стали символом нового времени, а рынок, «Черкизон», деньги. Героем стал миллиардер, финансист, талантливый одиночка, сумевший добиться успеха, состояния, стать богачом.

Страна, недавно строившая и созидавшая, превратилась в огромный рынок, где профессора торговали китайскими игрушками, а рабочие и крестьяне ездили челноками в Китай. Страна была опустошена, обессилена, потеряла свои лучшие территории, отдала в рабство тридцать миллионов своих сыновей.

Но попранная и умерщвлённая мечта в порабощённой России стала пробуждаться слабым, редким мерцанием. Ещё не осознанная, не всесильная, она проснулась в русских десантниках, которые вопреки указаниям НАТО прошли молниеносным броском сквозь всю Сербию в косовскую Приштину, показав, что у России есть воля, и русская энергия жива. Эта мечта воссияла в 1993 году над защитниками Дома Советов, которые погибали под выстрелами ельцинских танков, сражались с иггом и умирали в этом священном сражении.

Мечта засверкала в президенте России Путине, который повёл русский народ из плена. И сегодня Россия вновь обрела мечту и охвачена неусыпными трудами для её достижения. Мы, потерпев стратегическое поражение, возвращаем себе место в истории, вновь движемся от великих потрясений к величию.

Трудятся рабочие на вновь возведённых уникальных заводах, создавая небывалые ледоколы, самолёты, сверхзвуковые ракеты. Трудятся крестьяне, снимая урожаи пшеницы, невиданные в прежние времена. Появляются уникальные управленцы, губернаторы, главы районов, для которых их земля или их завод являются родными детищами, и они кладут жизни на их процветание. Религия труда вновь возвращается в русскую жизнь, попирая праздность, безделье, сибаритство, тупое стяжательство, господство богача над бедным. Банкир, финансист, ещё недавно хозяин жизни, сегодня уходит в тень, отвратительны его пороки, его неправедность.

И рабочие, которые в три смены трудятся на заводах, строят танки для украинского фронта; инженеры, возводящие заводы в Арктике; солдаты, в непомерных ратных трудах берущие на Донбассе город за городом; учёные, сотворяющие квантовые компьютеры, — это исповедники религии труда.

Великий план Путина «Алтари и оборонные заводы» уравнивает труд рабочего и труд священника. Рабочий строит самолёты и лодки, защищающие русские земные пределы. Священник, монах, молящийся день и ночь у алтаря, своей великой духовной работой защищает духовное небо России.

Русский человек — великий работник и великий трудник, вдруг оказался без работы. У него отняли великое, данное ему Богом задание — возделывать и одухотворять землю между трёх океанов. И тогда началась трагедия: русский офицер стал стреляться. Русские женщины перестали рожать. Книги и поэмы русских писателей и поэтов наполнились образами ада. Золотой телец был Богом. Деньги были живой и мёртвой водой. Всё можно было купить, всё имело цену. Сердце, вырезанное из тельца младенца, имело цену. Цену имел Байкал. Цену имела Волга. Цену имела Россия, которой торговали с молотка адские брокеры. Цену имело звёздное небо. Цену имел сам Господь Бог. Это было время великих продаж — продажное время.

У труда есть мера — справедливость. Религия труда есть религия справедливости. Ибо труд вознаграждается по совести, не терпит обмана, и богач-стяжатель, присваивающий себе результаты труда, ставится вне закона. Труд — священный, ибо трудами создаются не просто заводы, мосты, великолепные автомобили. Но трудами создаётся великая, священная, божественная Россия с её мечтой об идеальном государстве, в котором живёт самый счастливый, просветлённый, добрый, трудолюбивый народ, не ведающий печали, не знающий смерти. В новую российскую Конституцию, которая неизбежна после нашей победы, труд будет внесён как высшая ценность, как высшее национальное достояние.

Сергей Есенин написал стихи, которые звучат как гимн труду.

*Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.*

В России появится ещё один государственный праздник — День труда. И появятся великий скульптор, великий художник, великий композитор, которые создадут симфонию труда, напишут эпическую оду труду, воздвигнут памятник труду — этой священной русской религии.

Загадка «русского Сфинкса»

(Из материалов конференции Изборского клуба)

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*заместитель председателя
Изборского клуба, доктор
философских наук:*

— Название нашей сегодняшней темы звучит довольно тяжело-весно, но мы надеемся, что она будет не чисто академической, а живой, животрепещущей. Называется она «Цивилизационная идентичность России. Поиск новой модели самоописания».

Мы над этой темой работаем много лет, Изборский клуб посвятил ей ряд коллективных трудов. Мы привлекаем и экспертов со всей России, которые не входят в клуб в качестве постоянных членов. И сегодня мы расскажем о новом проекте, над которым работали в последнее время и который продолжает мировоззренческий проект Изборского клуба, вышедший год назад¹. Посвящён он теме

цивилизационной идентичности, т.е. тому, кто мы есть, России как целому, не только как феномену, но и как ноумону, т.е. тому, что сокрыто в её сущности, что не всем бывает понятно, доступно и вызывает массу споров о «русском Сфинксе». Мы поговорим о Русском мире, о государстве-цивилизации, о других возможных форматах описания России-целостности, о русском мессианизме и о других вещах.

¹ Мировоззрение Русской цивилизации: Путь к себе. Доклад Изборскому клубу. // Изборский клуб. 2024. № 1.

Но прежде чем мы начнём разговор, хотелось бы, чтобы наше мероприятие открыл председатель Изборского клуба Александр Андреевич Проханов.

Александр ПРОХАНОВ,
председатель Изборского клуба, главный редактор газеты «Завтра»:

— Это метафизическое начинание — то, чем занят Изборский клуб, — связано, мне кажется, с авангардным прорывом в область, где предстоит совершить философское открытие. До недавнего времени наши изборские метафизики, так же как русские философы прошлого, занимались собиранием разбросанных и растерзанных великих композиций, которые пошатнулись, были рассечены, частью уничтожены, частью расшвырены по огромным историческим пространствам. И работа по возвращению «философского парохода», по собиранию этих осколков, стремление создать из них матрицу, выстроить гармоничное целое — это колоссальная работа по систематизации разорванных фрагментов. Эта работа во многом завершается.

Открытие, которое предстоит сделать, связано, по-видимому, с категорией «Россия — государство-цивилизация». Эта формула была введена сравнительно недавно. Она родилась, скорее всего, всё-таки в политических кабинетах, а не в философских лабораториях. Но, родившись там, она сразу перешла в руки настоящих философов, людей, способных прозревать, формулировать высокие метафизические константы.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Тема цивилизации, так называемая цивилиционистика, — это не просто тема научной

дискуссии. Это тема острейшей концептуальной борьбы, можно даже сказать, войны, которая идёт уже более века. А сейчас она обострилась. Одно из объяснений этому заключается в том, что само понятие «цивилизация» используется разными силами в своих интересах. Это понятие полисемично: у него много значений. Два основных значения таковы. Одно утверждает, что существует много локальных цивилизаций, мир состоит из большого количества культурных или социокультурных вселенных. Вторая трактовка: цивилизация — это уровень развития, уровень цивилизованности, он для всех единый, и все должны под эту гребёнку, так или иначе, причёсываться, под неё подстраиваться и в соответствии с этими нормативами развиваться, оценивая и себя, и других.

Эта полисемия, двойственность настойчиво сохраняется, в том числе и в науке. И это не случайно. Метод, который мы взяли за основу в своей работе и используем уже не один год, — это взгляд на все социальные процессы через призму традиции-цивилизации. Это такое социокультурное понятие-бином. Традиция и цивилизация рассматриваются неотрывно друг от друга, в их внутренней глубинной связи. Понятно, что элементы цивилизации могут извлекаться из этого целого и распространяться, внедряться в другие культуры, но тем не менее в плане генезиса эти два понятия, с нашей точки зрения, нерасторжимы. Традиция относится к ядру, к внутреннему измерению любой цивилизации и любой цивилизованности в конечном счёте потому, что любая цивилизованность тоже рождается не из абстрактного мира людей, а из конкретной культуры, которой всегда

присуще конкретное сакральное ядро. Многие теоретики эту истину о культурном фундаменте цивилизации признают, и тем не менее двусмысленность сохраняется.

К примеру, Хантингтон, который, казалось бы, бросил вызов некоторым застарелым предубеждениям теории модернизации, на одной и той же странице начинает критиковать эту полисемию, о которой я только что говорил, и вдруг опять скатывается к тому, что есть и то, и другое: есть и локальная цивилизация, но всё равно есть глобальная цивилизация. Очень не хочется западным учёным и идеологам отказываться от этой двусмысленности — и это неслучайно.

Субъектность культуры выносится вовне, она работает не изнутри, а по периферии культуры. Посредник, шпион, меняла, рахдонит на Великом Шёлковом пути, клан Сассунов, которые торговали опиумом, и стал важнейшим фактором развязанных Британией опиумных войн; Ост-Индская кампания, также сконцентрировавшая интересы нескольких крупных торговых кланов и сделавшая это ради порождения колониальной системы, — всё это в понимании Запада в конечном счёте и есть настоящая цивилизация. В мир-системном подходе эти факторы именуется «системными связями», которые возникают между разными мирами. При этом то, что содержится внутри, в глубине этих миров, не так уж существенно. А существенно именно то, что возникает на границе — посредническая, дипломатическая, разведывательная среда, среда всевозможных «медиаторов».

Это такой, можно сказать, вывернутый наизнанку мир. Вместо дара, который лежит в основе сакральности любой

культуры, — принцип торга, регулирующий жизнь секулярной периферии. Торг вместо дара. Цивилизация-коммуникация, не создающая, а лишь приумножающая уже имеющиеся богатства и ценности, манипулирующая ими, — против цивилизации, производящей человека, культуру, ценности, в том числе и материальное богатство (его добыча, его накопление в хозяйстве, в поколениях, в строительстве культуры и конкретного цивилизационного мира).

Русская философия за последние 150 лет развивалась вокруг цивилизационной эстафеты, идущей от почвенников, от Достоевского, от Данилевского, о чём мы в этом зале уже неоднократно говорили. У русских проявился определённый талант — любоваться многообразием Божьего мира. У любимого мной поэта Велимира Хлебникова есть такая строка: «На свете потому так много зверей, что они умеют по-разному видеть Бога». Понятно, что Хлебников говорил здесь не только о зверях. В контексте такой вот цивилизационистики, от слова «цивилизация» как «цивилизованность», получается, что не так важно, какие бывают звери, а важно, какие в зверинце клетки. Хорошая, качественная, красивая эффективная клетка — это и есть цивилизация. Западный мир видит себя в роли то ли зоологов, то ли охранников этого зоопарка.

Но, что интересно, самые крупные западные мыслители, обращавшие взгляд на Россию, так и не смогли, мне кажется, до конца разгадать нашего сфинкса. Кого мы ни возьмем — Освальда Шпенглера, Фернана Броделя, Уильяма Макнила, любого из заметных цивилизационщиков — все они колебались и сомневались в том, является ли

Россия абсолютно самостоятельной, или она всё-таки, по крайней мере, в послепетровскую эпоху, примыкает к западному миру. Однозначного ответа никто из них не дал. Разве что Арнольд Тойнби — как исключение — утверждал, что, несмотря на флёр вестернизации, русские всё равно остались сами собой, и Запад в результате этих преобразований затронул Россию только на поверхностном уровне. Но не так давно, 10 лет назад, председатель Европейской комиссии Жозе Баррозу заявил: «Россия — это континент, который притворяется страной. Россия — это цивилизация, замаскированная под нацию».

Понятно, что это во многом была реакция и на Мюнхенскую речь Путина, и на разговоры о России-цивилизации, которые уже тогда начинались. Но сама фраза Баррозу взята им от китаеведов, потому что ещё в начале 1990-х годов Люциан Пай, к которому многие возводят самое понятие «государство-цивилизация», заявил, что Китай — это цивилизация, которая притворяется национальным государством.

Именно на Китай впервые указали как на государство-цивилизацию. Это не случайно. В Китае особое отношение к государству, очень не похожее на то, что мы видим в других культурах. И, безусловно, не похожее на отношение к государству в России. Здесь я хочу подчеркнуть ещё одну важную вещь. Когда мы говорим о моделях самоописания разных цивилизаций, мы должны понимать, что каждое самописание глубоко своеобразно. Если даже мы применяем один и тот же термин, например, «государство-цивилизация», к разным культурам, это не значит, что они похожи. Это значит, что лишь в каком-то отношении можно

обобщить это множество. В случае с государством-цивилизацией можно сказать, что и та, и другая цивилизация тяготеют к политическому единству.

Конечно, в чистом виде государств-цивилизаций не бывает, поскольку границы политические и границы цивилизационного ареала до конца нигде не совпадают. Любая цивилизация дышит, отступает, наступает; существуют диаспоры, которые частично, скажем, в культурном плане, принадлежат одной цивилизации, а в социально-экономическом — функционируют в другой. Есть пограничные сообщества, которые постоянно делают свой «цивилизационный выбор», колеблются, к какой цивилизации им себя причислить (их ещё иногда называют лимитрофами). Эти границы подвижны, кроме того, часто цивилизации существуют в виде нескольких государств. В Китае это Большой Китай и Гонконг до момента их воссоединения, а теперь — Большой Китай и Тайвань. В современном Русском мире как минимум у нас есть два государства — Российская Федерация и Беларусь, — в которых сами лидеры признают, что оба государства входят в одну цивилизацию. Можно говорить, что в каком-то смысле Казахстан, Приднестровье и многие другие территории относятся к исторической России, но политически от неё отторгнуты. Это не отменяет тезиса о государстве-цивилизации. Это говорит лишь о том, что здесь наблюдается постоянная геополитическая динамика.

Тема самоописания связана, конечно, с деколонизацией, с тем, что наступила новая эпоха в социогуманитарных науках, которая предъявляет эти новые попытки самоописания. Наша

русская мысль была в этом отношении пионерской. Достаточно назвать евразийцев, например, Николая Трубецкого, который в работе «Европа и человечество» не только подчеркнул цивилизационный подход и создал теорию неорганической традиции, но и бросил клич к интеллигенции всех западных стран о необходимости восстания против влияния Запада. Что интересно, настоящее восстание цивилизаций начинается только теперь. Получается, что Трубецкой становится сегодня необыкновенно актуальным с этой его работой. Он предвидел, а в некотором роде и программировал события более чем на 100 лет вперёд.

Не случайно в современной России одновременно с утверждением представлений о самобытной цивилизацииросло понятие Русского мира. Понятие «Русский мир» стало очень важным и ценным. Хотя все цивилизации, так или иначе, метафорически называют «мирами»: например, западный, китайский, индийский, исламский миры. Но в русском языке слово «мир» нагружено мощным словом иных, чем в других языках, коннотаций. Это не чисто языковая проблема, а проблема картины мира. То есть у нас такая

картина мира, в которой само слово «мир» имеет несколько иной вес.

Через понятие «мир» мы соприкасаемся с огромным количеством вещей. Это Вселенная, космос, Земля как планета, символический шар державы в руке у государя. Это такой важнейший архетип, как община, общество, мир. Русский народ всегда называл свою социальную ячейку этим словом, полностью совпадающим с понятиями «вселенная» и «космос» и являющимся как бы их синонимом. Кстати, другие культурные общности, жившие рядом с великороссами, тоже это принимали. В южных регионах, включая Украину, есть понятие «громада» — это абсолютный аналог понятия «община» и «мир». На восточных территориях понятие «юрта» исторически сблизилось с понятием «мир» и «община». Это видно, например, в словаре Даля — описывая эти явления, он чётко показывает, что они аналогичны в разных регионах. Поскольку понятие «мир» настолько нагружено содержанием и пронизывает всю нашу реальность, получается, что мы видим совпадение смыслов на самом высоком уровне, на уровне макрокосма и микрокосма.

Русский мир действительно не похож на другие миры, и формируя исторический процесс сближения разных народов, культур, религий, формируя вместе с ними совместную картину мира, общую судьбу, общий проект, какую-то эмпатию, он тем самым формирует единый цивилизационный код.

Самое важное, на чём я завершу своё вступительное слово и что отмечают практически все исследователи, не только российские, но и те, кто наблюдает со стороны: для Русского мира характерна ненасильственность, высокая степень уживчивости между разными этнокультурными компонентами, характерна комплементарность, о которой говорил Лев Гумилёв и на основе понимания которой построено современное евразийство. Об этом свойстве склеивания миров в русском пространстве писали и Данилевский, и Достоевский, и Константин Леонтьев. Вальтер Шубарт предложил целую концепцию иоанновского, или иоаннического, человека, то есть человека мессианского, дух которого пропитывает всю эту огромную цивилизационную культуру, все народы, которые живут на территории России и рядом с ней. Николай Лосский и особенно Иван Ильин под-

хватили эту идею и подняли на ещё большую высоту обобщения. На сегодняшний день это уже, конечно, достояние нашего национального самосознания – восприятие пафоса центрального характера русского народа на евразийском пространстве.

Евразийцы-основатели в 20-е годы XX века не просто первыми предложили концептуальное понятие «русский мир» (это сделали не постсоветские диссиденты Гефтер, Щедровицкий и Павловский, а именно евразийцы в лице, прежде всего, Петра Савицкого). Евразийцы заговорили о русском мире как о главной движущей силе Евразии. В этом смысле они 100 лет назад внесли огромный вклад в понимание того, о чём мы сегодня говорим.

Вардан БАГДАСАРЯН,
декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения, доктор исторических наук:

– В этом году произошла очень большая победа: впервые на государственном уровне –

на уровне указа президента – было заявлено, что Россия есть государство-цивилизация. Это указ о формировании государственной политики в сфере исторического просвещения. Теперь, как бы ни хотели все противники и как бы этому ни сопротивлялись либералы, заявлено, что в плане преподавания, в плане организации школьных учебников мы должны смотреть на исторический процесс через призму подхода к России как государству-цивилизации.

До этого доминировала, где-то явно, где-то латентно, так называемая теория модернизации. Эта концепция имеет вполне определённое содержание, она возникла в рамках американской культурной антропологии в конце 50-х годов. Суть этой концепции заключалась в том, что есть традиционное общество, которое вариативно, и современное общество, которое универсально. Путь от традиционного общества к современному есть модернизация. Но возникает вопрос – а где же тут традиционные ценности, где суверенитет России, где право-

славие? Ничего этого нет. Это всё архаика, помеха на пути модернизации. В этом отношении коллизия возникла уже в 2022 году в связи с концепцией традиционных ценностей.

Более того, теория модернизации подводила к выводам, зачастую прямо заявляемым, что Россия вообще не модернизируема. Не модернизируемо, во-первых, российское государство, которое воспроизводит автократическую империю; не модернизируем, во-вторых, русский народ, который воспроизводит антииндивидуалистическое сознание; не модернизируема Русская православная церковь. А поэтому Россия есть помеха и враг прогрессу. На основании теории модернизации был выстроен историко-культурный стандарт. И то, что сейчас в противоположность этим установкам выдвинут другой концепт – государство-цивилизация, – это, безусловно, победа.

Сейчас все либералы возбудились, идут попытки выхолостить содержание концепта «государство-цивилизация», подменить его чем-то другим, заменить пусть не слова, но содержание. Поэтому для нас сейчас принципиально важно в научном плане застолбить тему «государства-цивилизации» и того, что из этого вытекает, – сам цивилизационный подход. Время течёт быстро, если мы опоздаем, противники этого концепта сделают своё чёрное дело и осуществят эту подмену.

В России концепт «государство-цивилизация» впервые был озвучен в 2012 году президентом. За 12 лет ни в учебниках, ни в программах это никак не отразилось. То есть налицо фактически концептуальный саботаж заявленного на уровне президента концепта. Между тем он действительно имеет большие следствия.

Во-первых, если мы – государство-цивилизация, мы берём цивилизационный подход за основу. Второе следствие: значит, российская государственность отличается от других государственных, и действует третий закон Данилевского о запрете экстраполяции: нельзя взять одну модель и перенести из одной цивилизации, из одного историко-культурного типа в другой существенные черты, механизмы, принципы этой модели. Третья позиция: цивилизация основывается на цивилизационно-идентичных ценностях. Значит, у нас свои особые ценности, которые отличаются от ценностей других сообществ. Четвёртое следствие: цивилизации исторически воспроизводятся. Цивилизация – это не о переменных, цивилизация – это о константах. Значит, Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, современная возрождаемая Россия – это всё одна цивилизация, и она воспроизводится. Пятая позиция: если мы государство-цивилизация, для нас имеет принципиальное значение наш суверенитет, он вытекает из наших цивилизационно-идентичных ценностей. И более того, пока есть суверенитет, сохраняются наши цивилизационно-идентичные ценности. У Данилевского это, по-моему, второй закон. Шестая позиция: отступление от принципов государства-цивилизации приводит к цивилизационному кризису. Эта так называемая Смута возникает, когда мы отступаем от своей собственной цивилизации, от своих ценностей. Седьмое следствие: наши конфликты с другими цивилизациями могут носить характер конфликтов цивилизационных. Именно так надо понимать наши конфликты

с Западом. Ещё очень важное следствие: не бывает правых и левых цивилизаций. Взгляд с правой или с левой стороны на историю – это, по большому счёту, воспроизводство гражданской войны. Цивилизации не правые и не левые, цивилизация – это о другом. Цивилизационный подход в этом отношении объединяет и консолидирует общность поверх идеологических борений.

Не знаю, имели ли в виду и осознавали ли все эти следствия, когда вводили на уровне государственной власти данный концепт, но эти следствия объективно есть. И более того, если мы заявили цивилизационный подход, из этого следует вывод, что та модель государственности, которая сложилась и была установлена в начале 90-х годов, не соответствует теперешней модели российской цивилизации. Значит, эту модель надо менять и возвращаться к себе. Капитализм антицивилизационен, он противоположен и российской цивилизации. От антицивилизационных привнесений надо отказываться, отбрасывать их.

Сейчас термин «государство-цивилизация» пытаются заменить на «страна-цивилизация». Но это не одно и то же. Страна-цивилизация – тут мы ничего нового не привносим. Он означает, что есть некая территория, которая относится к цивилизации. А государство-цивилизация – это более напряжённый концепт. Он предполагает, что государство руководствуется в своей политике цивилизационными ценностями, несёт эти цивилизационные ценности, которые и являются основаниями его политики. И во-вторых, государство-цивилизация выступает собирателем цивилизационной общности. Российское государство-циви-

лизация, – а есть и российская цивилизация, которая более широка, – собирает эту общность. Государство-нация эту общность не собирает. Государство-нация – это одноуровневая идентичность: либо идентичность гражданская (французская версия нации), либо этнокультурная (немецкая трактовка нации). Государство-цивилизация предполагает как минимум двухуровневую идентичность. Есть множество различных этнических групп. Кем был Пётр Багратион? Кто скажет «грузин», будет прав. Кто скажет «русский», тоже будет прав. Потому что государство-цивилизация предполагает и этнический, и цивилизационный уровень, и в этом его принципиальное отличие от государства-нации.

Скажу больше, если мы государство-нация (этот концепт, который нам пытались внедрить, исторически сложился на западной почве, когда они не могли решить проблему религиозного сосуществования; концепт государства-нации – это Вестфальский мир), нам нечего делать на Украине. Там государство-нация, здесь государство-нация – 15 государств-наций осталось после роспуска СССР. Но если мы государство-цивилизация, мы обязаны вернуться в наш цивилизационный мир и осуществлять там соответствующую ценностям этой цивилизации политику.

Ещё раз хочу обратить внимание, что коль скоро открылось окно возможностей, возникла точка опоры, её надо использовать, и если мы не используем её сейчас, противники повернут это в другую сторону. Давайте активно над этим концептом государства-цивилизации поработаем, чтобы все попытки злоумышленников отыграть назад эти положения не имели более шансов.

Валерия СПИРИДОНОВА,
*главный научный
сотрудник Института
философии РАН, доктор
философских наук:*

— Само понятие «государство-цивилизация» было произнесено западными учёными. Это явление с самого начала было воспринято ими как вызов. Впервые это понятие появилось в книге британского историка Мартина Жака, который долго жил в Китае и осознал глубокую тысячелетнюю традицию особой китайской культуры, которая живёт своим миром и практически идёт своим путём, сохраняет свою историческую, культурную, социальную самобытность, несмотря на то, что её вписали в западный мир. Вернувшись на Запад, Жак выпустил книгу, которая называлась очень симптоматично: «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка». То, что это было произнесено, показывает, что сама концепция задумана в конфликтном ключе. И воспринимается эта проблема как вызов существующему порядку, вызов глобализации, и прежде всего — американской гегемонии.

В единой универсалистской, прогрессистской логике развития, о которой здесь говорилось как о модернизации, существуют некие варварские государства (все государства для Запада являются таковыми), а конечной точкой развития, естественно, является такой образец, как западное общество. Эта прогрессистская элементарная схема предполагала включить в глобальное пространство все страны мира. И тут вдруг неожиданно появляются страны, которые не желают следовать по это-

му пути. Это было воспринято как самый серьёзный вызов. Однако, несмотря на это, вызов был принят, причем китайцами, которые всегда стремятся идти по пути гармонии и ликвидации напряжённости и конфликтов. Ответная книга китайского профессора Чжан Ванвея называлась «Китайская волна: рождение цивилизационного государства».

Когда возникла первоначальная дискуссия, предполагалось, что термин «государство-цивилизация» идёт в контрверзе термину «государство-нация», который, собственно, и относился фактически к западной цивилизации. Новая идея была подхвачена веером по всему миру, и одна за другой несколько стран на правительственном, государственном уровне заявили, что они являются государствами-цивилизациями или желают быть таковыми, по крайней мере, стремятся построить такую модель. Среди них были такие крупные входящие экономики, как Индия, Бразилия, Турция и Россия. Впоследствии о том же заявили Египет, Армения и ещё несколько государств, которые концептуально это никак не обосновывали. Массовость этого явления сразу вызвала напряжение в западном мире, к термину «государство-цивилизация» стали относиться очень серьёзно.

Известный шведский социолог Йоран Терборн тщательно исследовал концепцию «государства-цивилизации» и сделал резкое заявление. Он считается самым цитируемым социологом в мире, поэтому его высказывание было значимым. Терборн сказал, что это не просто консервативные, а откровенно реакционные проекты. В научной

среде началось обсуждение концепта государства-цивилизации, и вся аргументация, которая представляла собой его разрушение, строилась на том, что оно несовместимо с институциональной сущностью понятия «государство», которое относится к организациям. Ведь под государством на Западе понимается не более чем правительственный аппарат или механизм, всего-навсего инструмент управления. Это один из многочисленных институтов общества, который наравне с другими может быть легко ликвидирован, без которого любая страна может обойтись (к чему, собственно, всегда и стремилась западная социология). А цивилизация — это некий организм, который, согласно тому же Тойнби, рождается, живёт и умирает. И на основе такой элементарной аргументации выстраивалась вся критика. Такой политологический спор, казалось бы, не слишком серьёзный, неожиданно выявляет очень глубокие мировоззренческие разногласия между западным и незападным восприятием, потому что в незападных странах, как свидетельствуют практически все наши исследователи, само государство воспринимается отнюдь не как государственный аппарат, а как система организации общества, которая возникла в конкретных исторических условиях.

Итак, этот концепт был воспринят в западных странах как инструмент разрушения мирового порядка и выстраивания грядущего нового порядка на иной основе, отличной от прогрессистской схемы движения от варварского традиционного общества к современному.

Андрей ИВАНОВ,
директор Центра
гуманитарного
образования Алтайского
государственного
аграрного университета,
доктор философских наук:

— Я начну с позитивных моментов, связанных с понятием российской цивилизации, а потом сделаю несколько критических замечаний.

Если мы говорим о евразийцах, надо помнить, что они выделяли три крупные цивилизации, внутри которых есть субцивилизационные образования. Это восточная мега-цивилизация (можно использовать такой термин), западная мега-цивилизация, которая доминировала в последние века, и евразийская мега-цивилизация, Северная Евразия, которой принадлежит Россия. Когда-то Гегель сформулировал закон, что дух истории, или история, движется с востока на запад и завершает свой путь в Германии. Потом Владимир Соловьёв уточнил, что мировая история и цивилизационный дух не только движутся с востока на запад, но и погибают опять на восток в Россию, которой суждена определённая историческая цивилизационная миссия. А Пётр Николаевич Савицкий открыл ещё один удивительный закон: центр цивилизации неуклонно смещается из южных районов в более северные.

Поэтому я бы сформулировал так: центры цивилизационного развития смещаются с востока на запад к северу и опять на восток, в сторону нашей российской, евразийской цивилизации, у которой особая миссия, особенно в нынешнюю эпоху, когда Запад вступил в ситуацию кризиса. Становится очевидным, что мы действительно не Запад и не Восток. У нас своя задача в мировой истории, это всемир-

ная задача. Должны произойти фундаментальные изменения в экономической сфере, в политических отношениях, в отношении к природе и, конечно, в сфере духа. У такой цивилизации, как российская, которая практически совпадает с Северной Евразией, просто не может быть великого исторического проекта, тем более в то время, когда мы находимся в ситуации глобального кризиса.

И здесь, когда мы начинаем осмысливать цивилизационную проблематику с разных сторон, нужно быть очень аккуратными в использовании терминологии. В этом смысле я позволю себе покритиковать термин «государство-цивилизация» — не для того, чтобы от него отказывались, но, по крайней мере, чтобы мои критические замечания учли. Честно говоря, я этот термин не использую. Бывает опасно соединять разные понятия, тем более предельно общие, связывая их воедино и написав вот так, «через чёрточку». Категории «государство» и «циви-

зация» вводились для осмысления разных сфер общественной жизни. Государство, я хочу это подчеркнуть, предназначено для осмысления властных отношений, систем управления, которые существуют в обществе, политических отношений и так далее. Но понятие цивилизации гораздо более фундаментально. Оно подразумевает, что кроме политических отношений, сферы управления есть экономические отношения, хозяйственно-бытовые установки, система ценностей, наконец, территория, где цивилизация развивается. То есть цивилизация — это понятие более фундаментальное и более общее.

При этом я совершенно согласен с профессором Багдасаряном, что любая самобытная цивилизация требует своего собственного государственного образования, которое эту цивилизацию удерживает, развивает, проявляет её существенные свойства. То есть государство должно органически укореняться в той или иной цивилизации.

Государственные структуры, система управления, политические отношения, вырастая из цивилизационной, культурной почвы, должны работать на её развитие и укрепление.

Однако государство порою может делать всё, чтобы разрушить собственное цивилизационное основание. Приведу несколько примеров. Возьмём византийскую христианскую цивилизацию. Что делает Юлиан Отступник? Он, используя государственный аппарат, фактически разрушает формирующиеся христианские основы византийской цивилизации. Мы говорили про Китай — действительно, там государство всегда играет фундаментальную роль. Но в истории Китая были периоды, например, величайшая эпоха Тан, эпоха императора Сюань-цзуна, когда всё процветало, и государство хорошо работало. Но Сюань-цзун говорит так: всё в Китае поднебесном идёт прекрасно, я теперь с моей любимой Ян-гуйфэй буду заниматься поэзией, писать картины лаком, а в государстве

пусть всё идёт своим чередом. И буквально через несколько лет цивилизация там практически рухнула, долгое время пребывала в хаосе, когда возник уйгурский мятеж генерала Ань Лушаня. То есть государство может работать на разрушение цивилизации. Посмотрите на наш недавний пример — государство Ельцина в 90-е годы. Оно занималось тем, что разрушало цивилизационную основу существования России. Это было инородное тело в русской цивилизации.

Если вспомнить историю России, например, освоение Севера, — разве оно велось с помощью государства? Монахи уходят в пустынь, потом к ним подтягиваются крестьяне. Другой пример — Сибирь. Сначала туда идут сформированные на деньги Строганова отряды Ермака, а потом государство действительно помогает двигаться дальше в Сибирь. Надо помнить это различие — что есть общественные организации, есть сфера культуры, которую, конечно, государство должно

поощрять и защищать. Но это все-таки самостоятельная сфера.

Теперь по поводу Русского мира. Виталий Владимирович правильно сказал: это фундаментальное понятие, которое мы должны защищать. Кстати, впервые, насколько я знаю, его использовал Василий Осипович Ключевский, который показал, что Русский мир прорастает во все другие миры — тюркские, буддийские, угро-финские, — у нас много разных миров. Он их пронизывает, цементирует, делает нашу российскую цивилизацию единой. Вот что пишет Ключевский. «Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес. А мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом самом лесу новый русский мир».

В этом — величие русского мира. Кстати, одно из фундаментальных свойств нашего национального характера, единственного в своем роде, — это способность перешагивать через национальный эгоизм. Не быть такими же эгоистами, как другие народы. Тот, кто себя забывает, собой жертвует, тот больше всего и прирастает. Это не значит, что мы должны продолжать чем-то жертвовать, но эту нашу русскую миссию мы, конечно, должны постоянно проводить и защищать.

И последний момент, на котором я хочу остановиться. А что всё-таки главное в существовании и защите цивилизации? Во-первых, это должен быть глобальный проект, над которым предстоит поработать. Во-вторых, это максимальная защита фундаментальных ценностей, которые коренятся в самом нашем языке. Есть слово «мир», как было правильно сказано, есть прекрасное слово «правда». А есть великолепное слово «верность». Ни в одном языке нет такого слова.

Государство будет стоять до той поры, покуда оно эти ценности утверждает и защищает. Это самое главное. Ценности — это то, что позволяет государству укореняться в цивилизационной почве, а если государство эти ценности пропагандирует и воплощает в собственной деятельности, тогда цены нет этому государству. Вот тогда действительно это будет сплочённое — через ценности — государство-цивилизация.

Роман БАГДАСАРОВ,
кандидат исторических наук:

— Первая мессианская идея в русской, российской культуре явно артикулирована в Начальной летописи, где говорится о том, что Русь как народ, объединённый вокруг православия и власти великого князя, является преемником в путях, в промысле Божьем ветхозаветного Израиля, является адресатом ветхозаветных пророчеств. Собственно, русская летопись была построена на проективной эсхатологии, то есть эсхатология не воспринималась как нечто абстрактное, отвлечённое от истории, от текущей политики, но эсхатологические смыслы усматривались в текущей политической ситуации, именно с этой точки зрения всё осмысливалось.

Вторая идея, которая возникла хронологически уже в период, можно сказать, Московского царства и того, что ему предшествовало, в частности, в Новгороде, — Русь как центр иафетической экспансии. Существует представление, не только христианское, но и авраамическое, о трёх сыновьях Ноя, за каждым из которых закреплена определённая, можно сказать, мегацивилизационная миссия. За Иафетом закреплена

миссия расширения, а затем с ним был ассоциирован чин царства. Таким образом, иафетические народы, к которым относилось большинство европейских народов, а также Русь, были наследниками этой цивилизационной миссии.

Здесь нет чего-то оригинального. Если мы почитаем скандинавскую литературу, Снорри Стурлсона, исландские саги, европейские хроники и тому подобное, — там всё это есть. Но у нас это было конкретно осмыслено ещё до возвышения Москвы в Новгороде через существование так называемой Обонежской пятины. Это вектор расширения Новгородской республики на восток, не ограниченный никакими пределами. Воспользовавшись недавним выражением президента, границы Обонежской пятины нигде не заканчивались, они простирались в некую неизвестную даль до восхода Солнца.

Следующий вектор мессианизма, который до сих пор никем, мне кажется, не описан адекватно: во время ордынской зависимости русских княжеств возникает очень высокий нравственно-этический стандарт отношения к администрации, который связан с Великой Ясой Чингисхана. Все, за исключением представителей коренных династий Чингизидов, уравнивались перед лицом государства, и уровень ответственности администрации был чрезвычайно высок. Мы можем это наблюдать сейчас в явном виде в Китае, но этот стандарт периодически, вспышками проявлялся в разные периоды русской истории и был усвоен народным сознанием как императив отношения к чиновникам. Если уровень ответственности чиновников не был достаточным, народ не воспринимал это чиновничество как что-то серьёз-

ное и легитимное, он над ними скорее насмехался. Такие представления и установки не могли произойти из феодальной городской культуры самоуправления на Западе, где уровень ответственности никогда не достигал подобной высоты.

Четвёртый момент — комплекс идей, связанных с Третьим Римом. Он, можно сказать, тройственный. С одной стороны, это идея церкви, чистоты церковных догматов, противостояние Ватикану как западному церковному центру. Здесь, в частности, мало обращается внимания на то, что Петербург строился как модель Ватикана, развёрнутая в масштабе целой столицы. Казанский собор во многом воспроизводит внешнюю архитектуру собора Святого Петра, а в основании Петропавловского собора лежат мощи святого Андрея Первозванного как апостола Руси. То есть это претензия на апостольство Русской церкви, которая до сих пор не реализована. Почему Русская церковь обладает слабой позицией? Потому что она не признаёт собственного апостольского происхождения. Это какой-то нонсенс, но это так.

Второй момент идеологии Третьего Рима связан с идеей царства, с идеей софианства, ответственности за судьбу христианских народов. Начиная с Алексея Михайловича и заканчивая греческим проектом Екатерины происходило осмысление русской истории в категориях греко-эллинской культуры, её сакрализации, когда в XVIII веке «Илиада» и «Одиссея» рассматривались в качестве сборников христиански преломленных пророчеств. Это было не возвращением в язычество, а неким иносказанием, понятным лишь для утончённой элиты.

Всего существует десять таких напластований русского

мессианизма, которые реализовывались постепенно. Они соотносились с самосознанием элиты внутри страны, а внешне — с текущим политическим моментом, потому что была понятна исключительность России как некоего интегрирующего центра Севера Евразии. И в зависимости от политического момента возникало, актуализировалось то или иное учение, которые на самом деле взаимосвязаны (это своего рода многосторонняя объёмная фигура).

В советский период возникла идея России как гаранта многообразия мира. Именно через национальную политику, в которой мы усматриваем много неудач, был провозглашён такой принцип: для нас ценен каждый народ, каждая культура, каждый язык, и их потери мы рассматриваем как потерю для себя, как нанесение ущерба нашему государству. Отсюда — национальная политика СССР, которую можно критиковать, но которая была уникальной в мировом контексте. И сейчас она в плане преемственности выдвигает нас как гаранта многополярности в международной политике.

Наконец, последняя идея, которая сформировалась в тот момент, когда индустриализация и новая научная советская система стали приносить плоды, заключалась в следующем: СССР претендовал на то, что он является авангардом в развитии человеческого прогресса как такового. Эта миссия была вначале больше теоретической, но затем воплотилась в реальность и уже к концу существования Советского Союза ни у кого не вызвала сомнения. Мы её сейчас должны каким-то образом вернуть. Но здесь важно понимать, что человеческую цивилизацию, если она понимается как некая монада, нельзя отделять от истории Земли. Это совершенно

невозможно сделать в плане высокой науки после открытий Вернадского в плане ноосферы, после различных вариаций холистического мировоззрения, явленных в XX веке. Мы уже назад отступить не можем, и поэтому эта идея остаётся актуальной, и к ней должен быть общепланетарный подход.

Алексей БОЛДЫРЕВ,
*заслуженный
преподаватель МГУ,
кандидат философских
наук:*

— О государстве-цивилизации, основах российской государственности учебники пишутся, книжки издаются... А я берусь доказать, что в основах российской государственности лежит анархическое начало, как это ни покажется странным и парадоксальным. Тут я сошлюсь на авторитет мыслителя, который мне лично симпатичен. Это Николай Бердяев, который много писал о русской цивилизации под термином «русская идея». Но он и сам был манифестацией русской идеи. Он обратил внимание на такую вещь: русская цивилизация содержит в себе полярные, противоположные начала. Одну из таких полярностей он попытался описать в следующих терминах. Русский народ — бунтарь, русский народ способен на восстание, русский народ — анархист. Это тезис. Антитезис: русский народ создал великую государственность, русский народ — государственник, русский народ способен нести крест государственности. В евразийстве существует такое понятие, как «тягловое государство».

Как эти вещи соотносятся? Откуда этот анархизм, склонность к бунту и откуда это государственничество? Это какая-то цивилизационная шизофрения или они взаимообус-

ловливают друг друга, глубоко связаны между собой?

Тут я обращусь к авторитетам. Мы много говорим о русских кодах и часто умножаем сущности, эти коды начинают друг друга повторять. Существует красота не только эстетическая, но и теоретическая. И одним из проявлений теоретической красоты выступает принцип простоты, когда работает бритва Оккама, отсекаются лишние сущности. Пушкин кратко, но ёмко сказал: особенности нашей культуры и цивилизации — в особом характере греческой веры. Для него это была в общем очевидная вещь. Но лишь много позже, когда светская культура уже захлестнула европейские страны, Макс Вебер написал нашумевшую работу «Протестантская этика и дух капитализма», в которой развернул мысль о религиозном характере культурогенеза. Кургинян сейчас работает над проектом «Православная этика и дух коммунизма». То есть в глубинном основании нашей цивилизации, нашей культуры тоже ищут и находят религиозный фактор.

Так вот, я считаю, что бунтарский, анархический элемент глубоко укоренён в особенностях православной культуры. Все отмечают, что православная традиция, в отличие от западноевропейских версий христианства, это подлинное христианство, оно радикально, оно в большей степени неотмирно. Этот потенциал неотмирности — тот духовный «термояд», который лежит в основании цивилизации. Это вечная новизна, вечная весна, отсюда черпается энергия.

Любая цивилизация проявляет себя в своих высших достижениях. Хочешь понять русскую цивилизацию, посмотри на её высшие достижения. А кто создаёт высшие достижения? Триумвират — герой, гений,

святой. В основе гражданского героизма лежит духовный подвиг. Герой может быть необразованным человеком, но он поднимается над суетным мещанским дрожанием, над своим жалким земным существованием, он демонстрирует свою победу над смертью уже сейчас, в этой жизни. И в это мгновение подвига, даже того, который заканчивается смертью героя, он бесконечно возвышается над посюсторонним.

Русский героизм имеет православные греческие основания. Это анархическое начало есть начало мироотрицания как духовного подъёма — а дух есть отрицание бытия, как правильно говорил Гегель. Налагаясь на эту форму государственности, на форму патриотизма, энергия духовного термояда рождает героизм. Если же это энергия в форме каких-то культурных ограничений, то мы имеем дело с гением, а если речь идёт о внутреннем духовном восстании против мира вообще, против мировой данности, как у Ивана Карамазова, то это религиозная гениальность или святость.

Интересно, что анархизм в русской традиции рассматривался не только в его политической версии. Даже у Бакунина, одного из столпов и основателей анархизма, анархическое начало имеет метафизическое измерение. Бакунин говорил: человек тем отличается от животного, что он, во-первых, наделён разумом, сознанием (это очевидные вещи, бросающиеся в глаза), а во-вторых, он по природе своей бунтарь. Я соединяю эти вещи и утверждаю, что само по себе сознание — это уже бунт против мира сего, против этой данности, потому что человек обладает уникальным качеством смотреть на мир со стороны. Иными словами, он набирает дистанцию, он посторонний

в этом мире. Острое сознание этой *посторонности* является началом настоящего духовного пробуждения. Поэтому человек, как разумное существо, революционер по природе своей.

В случае с русской цивилизацией мы имеем дело с экстремальной духовностью. Поэтому она так нуждается в жёстких, строгих государственных рамках. Иначе она очень часто выливается в Смуту, в безгосударственность. Я не выступаю апологетом политического анархизма, поймите меня правильно. Я скорее выступаю апологетом мистического анархизма. Тем более что такое было в начале XX века в России. Это поэт Чулков, это Вячеслав Иванов; отчасти причисляют сюда и Толстого, который срывал всяческие маски, по слову Владимира Ильича Ленина, что тоже считают мистическим анархизмом.

Конечно, анархизм, который выливается в механическую безгосударственность, когда в каждом уезде свой Стень-

ка Разин, — это ужас, это ад. Но можно мечтать о свободной федерации общин, о соборном единстве, о котором говорили мистические анархисты. Наш русский анархизм не индивидуалистичен, как у Штирнера на Западе. Штирнер — взбесившийся буржуа, по слову Маркса. А наш анархизм всегда соборен, как у Кропоткина: он исповедует солидаризм, солидарное начало как новые формы безгосударственного, но высшего устройства общества. Это заложено в русской цивилизации, в русской культуре, и мы должны это обязательно учитывать.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Дело даже не в том, что сама русская натура такая анархическая, а в том, что у нас своеобразная историческая судьба. С одной стороны, государство — это прибежище в условиях страшных кризисов и испытаний, как крепостная стена, спасающая от нашествий.

А с другой стороны, государство наше было вынуждено регулярно вставать на путь сверхэксплуатации, сверхмобилизации. Это циклически повторялось. И отсюда стремление русской вольнолюбивой стихии разбегаться от государства, отсюда и первопроходцы, и казачество, и бегуны, и странники, и даже монахи, которые уходили не только от мирских грехов — они уходили ещё от этого своего рода скопления общества-государства. Они уходили в скиты, в пустыни. Но, что удивительно, все они не разрывали при этом внутренние связи с цивилизационно-культурной маткой. То есть таких отщепенцев, которые уходили и растворялись во внешней стихии, было очень мало. Подавляющее большинство русских бегунов, включая казачество, не разрывали связи, а своим движением вдаль расширяли пространство для русской цивилизации. И в этом один из её секретов. Своей жёсткостью, своей сверхэксплуатацией государство парадоксально побуждало русский мир расширяться. Этот расширяющийся фронт был

вторым контуром цивилизации. Первый контур жёстко фиксировал исторические завоевания, а внешний контур пульсировал. Это пульсирующее взаимодействие двух контуров и составляет драму, а иногда и трагедию нашей истории.

Михаил КИЛЬДЯШОВ,
кандидат филологических наук:

— Дорогие друзья, братья и сёстры, в той работе, которой мы занимаемся, очень важное значение имеет источниковедческий вопрос. Мы, конечно, идём от вершин, от книг, которые можно назвать книгами-университетами, книгами, равновеликими прожитой жизни. Но тем не менее в русской философии есть своеобразный Китеж-град, потаённый кладёзь идей, который таится — если говорить о собраниях сочинений какого-либо философа, — как правило, в последних томах, до которых редко кто доходит. В тех томах, где содержатся письма, записные книжки и прочее. Но тем не менее вот в та-

ких словах, которые я называю несказанными, недосказанными или несказанными, порой таится гораздо более ценное и значительное для нашей цивилизации и государства, может быть даже, нежели в каких-то фундаментальных работах.

Пример. Флоренский пишет письмо Вернадскому, восхищённый идеей ноосферы. «Владимир Иванович, как бы хорошо по аналогии с вашей ноосферой предложить термин “пневмосфера” — сфера духа, в которой сопрягнутся культура, молитва и творческий порыв». Термин только прозвучал и не получил должного развития. А ведь в нём очень много сущностного для русской цивилизации. Пневмосфера — не атмосфера, она не даётся даром и изначально. Её надо созидать. И может быть, весь мир её созидает, но только наша мессианская цивилизация в ответственности за неё. И когда эта сфера приобретает чёрные дыры, нам приходится их латать.

Иной пример. Запись из лекции по литературе Бахтина, которую успел сделать кто-то из студентов. Бахтин говорит: «Князь Мышкин — это жертва, не нужная миру». Как жутко и страшно! Оказывается, может быть жертва, которая не нужна миру. И ты с содроганием думаешь, что Россия порой — это жертва, не нужная миру. И не беда жертвы в этом, а беда мира, потому что он до поры не вмещает в себя эту жертву. Но когда мир оказывается на краю бездны, он вспоминает о ней и пытается искупить себя самого через эту жертву.

Из записной книжки Андрея Платонова. «Притча. К Богу на страшный суд приходят два человека, один измождённый и умирающий, другой — полный и в силах. Бог спрашивает первого — что ты делал всю

жизнь? Я умирал во имя твоё. Ради чего? Чтобы преодолеть смерть. Бог спрашивает второго — что ты делал всю жизнь? Я берёг своё тело, потому что я боюсь смерти. А ради чего ты его берег? Очень страшно умирать. Вы оба боялись смерти, говорит Бог. Один из вас отрёкся от живого тела, другой из вас отрёкся от живой души. Вы оба неправы. Что же нам делать? — вопрошают двое. Воскресните, чтобы понять самих себя».

Это притча о нашей цивилизации. Только из неё можно было развернуть целый учебник о сопряжении духа и тела — тела России в её государственности и её духа в её цивилизационности.

Эта грибница потаённых, не сказанных идей для нас очень важна. Потому что мы должны быть преемственны в этой работе, но не вторичны. Можно ли создать самостоятельную философию на основе интерпретаций? Александр Андреевич, вы очень верно сказали: интерпретаторов много, историков в философии много, а философов, как в Серебряном веке, сегодня великий дефицит.

Но, например, книга Лосева о Платоне — это не биографическая книга. Это философский трактат. «Алексей Фёдорович, почему вновь античность?» — спрашивали его. «А как иначе я могу высказаться о своей родине?» — гласил ответ.

Ленин вычёркивает, как известно, Ильина из расстрельного списка, говоря: «Ильина не трогать, он написал лучшую книгу о Гегеле». Флоровский пишет «Пути русского богословия», охватывает десяток веков, а фактически пишет историю своего XX века. Мы тоже пишем историю века, и мне думается, что браться за всякое слово есть смысл только тогда, когда ты этим словом в своём

летописании хотя бы на слово опережаешь текущий век, и это слово тебе подсказывает, какой день творения нынче на часах. Есть ощущение, Виталий Владимирович, что хотя бы на слово в своём труде мы век опережаем.

И ещё два слова по поводу того, что сказали наши сибирские друзья относительно цивилизации и государства. Да, конечно, эти понятия не тождественны и абсолютно не обязаны быть тождественными, и бывают времена, когда они антиподны. Но ничто не исключает тех времён, когда государство и цивилизация могут совпасть. И это благо.

Скажу со своей колокольни, что государство и литература — это тоже не одно и то же. Но в своё время возник соцреализм, возник Союз писателей в том виде, в каком он был на начальной стадии, и возникла симфония государства и литературы из той анархии литературного процесса, которая предшествовала Союзу писателей.

Вспоминаются слова Тютчева, который говорил, что Россия должна была стать великой империей ради того, чтобы вместить в себя православие. Мы не всегда это осознаём, но Российская империя во времена своего величия в пять раз больше Византии, потому что православному духу нужно то самое великое тело. И если переосмыслить эту идею Тютчева, можно сказать, что российской цивилизации нужно великое тело государства, которое способно вместить в себя эту внутреннюю необъятность.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Может быть, главное отличие китайского государства от российского заключается в том, что китайцы на тысячу

лет как минимум, если смотреть от эпохи династии Цинь, успели осмыслить свои смуты (у них их, естественно, было больше) и научились ценить своё государство больше, чем мы. Потому что, как сами китайцы говорят, «для нас самое страшное — это эпоха перемен». Не дай бог, жить в такую эпоху. Лучше эволюция, пусть она даже будет тяжёлая, но мы всё перемелем и выйдем на свой вечный курс. И мы видим по последним десятилетиям, что они перемололи то, что им не нравилось, пересилили свою деградацию, свой кризис и поднимаются вверх.

Русские, конечно, более терпеливы, мы действительно, может быть, моложе как цивилизация, но дело даже не в этом. Научиться ценить своё государство как прибежище — это одно. А с другой стороны, мы всё равно никуда не денемся от того, что русский человек тяготится мёртвыми формами. А самый большой вызов цивилизации, который есть, — это то, что цивилизация может оказаться неживой, и очень часто таковой оказывается. Она, как скорлупа, человека сковывает, сдавливает.

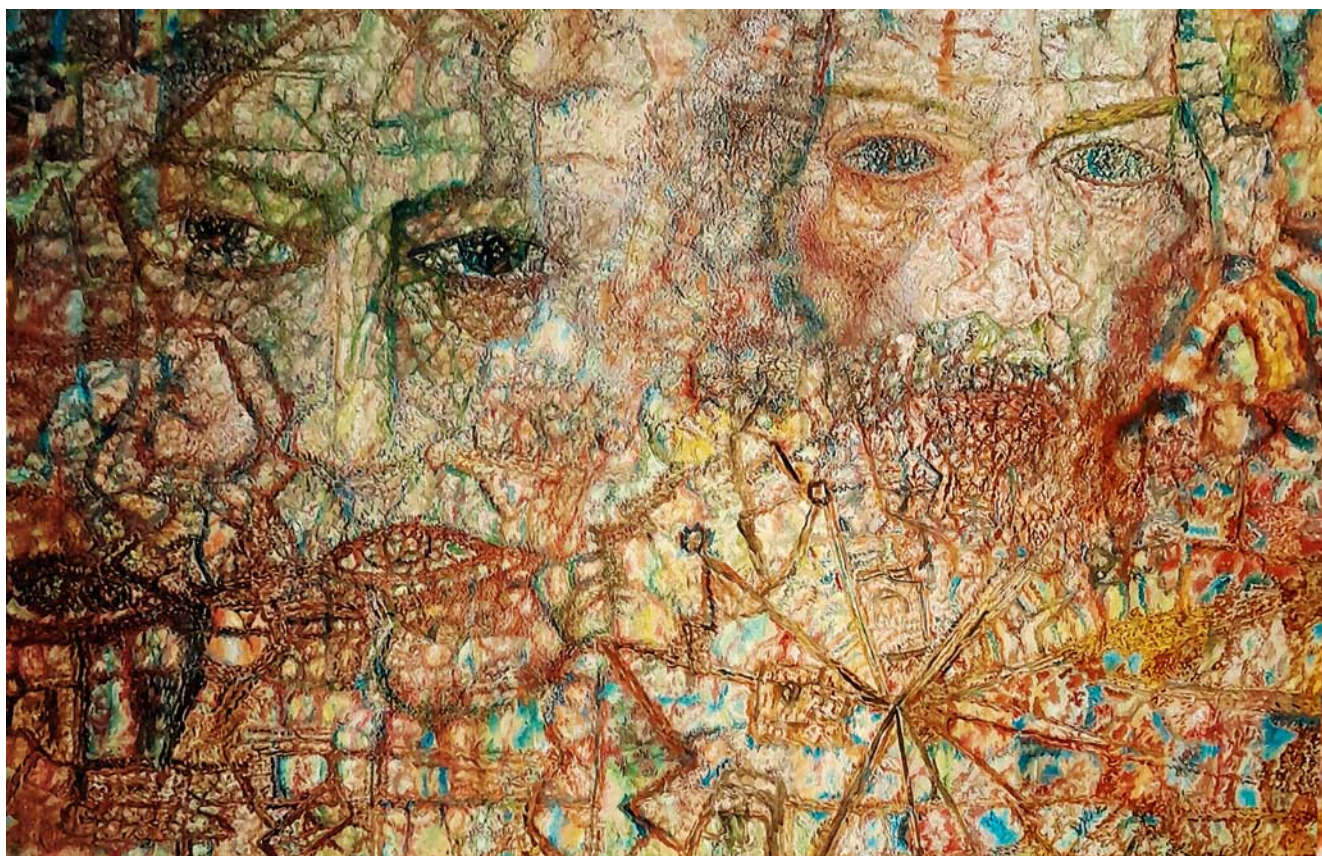
Мне кажется, что главная задача Русского мира — одухотворить, очеловечить цивилизацию, одухотворить машину, госаппарат, вдохнуть жизнь в чиновничество, в функционал. И в этом смысле противопоставить свою цивилизацию мёртвому. Тот же самый Вальтер Шубарт — заметьте, чистокровный немец — в своей книге «Европа и душа Востока» говорил, что утверждение русского начала произойдёт как спасение людей Запада от их мёртвой цивилизации. То есть русские спасут не только свою цивилизацию от поглощения мертвенной стихией, но спасут ещё и иную мёртвую цивилизацию, которая выросла в другом месте.

Русская традиция- цивилизация на новом перевале.

Поиск модели самоописания

(Авторский доклад Изборскому клубу Виталия АВЕРЬЯНОВА)

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит за участие в коллективной разработке Изборского клуба, за предоставленные материалы членов клуба Вардана БАГДАСАРЯНА, Михаила КИЛЬДЯШОВА и ведущих

экспертов клуба [Александра ЕЛИСЕЕВА](#), Андрея ИВАНОВА, Алексея КОМОГОРЦЕВА, Дмитрия МЕЛЕШИНА, Алексея БОЛДЫРЕВА, Сергея КЛЮЧНИКОВА.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время резко актуализировались поиски углублённого понимания «цивилизационной идентичности» на стыке целого ряда наук. Философия при этом призвана выступать в качестве смыслового модератора постижения России-цивилизации как целостного явления, разрабатывая критерии для выявления в научной и общественной мысли «моделей России», в том числе моделей её самоописания, аутопортрета, самопроектирования.

В конце 2023 года на площадках Изборского клуба в Москве, а также Санкт-Петербургского государственного университета стартовал научно-общественный проект «Русское цивилизационное мировоззрение: от полифонии к симфонии», охвативший впоследствии более 15 регионов РФ. Результаты были представлены в докладе «Мировоззрение Русской цивилизации: Пусть к себе»¹ и других сопутствующих публикациях. Настоящая работа во многом продолжает начатое нами тогда исследование и переосмысление мировоззренческого наследия России.

При этом в ходе общения и совместной работы в русле данного проекта с учёными в целом ряде вузов и научных организаций сложилось стойкое понимание дефицита единых критериев и подходов в отношении цивилизационной идентичности России. Несмотря на то что тезис о самостоятельности и своеобразии российского цивили-

зациогенеза разделяют большинство учёных социогуманитарного профиля, в то же время не удалось до сих пор сформулировать общеприемлемое теоретическое представление о таких важных категориях, как государство-цивилизация, Русский мир, российская (русская) цивилизационная идентичность, российский цивилизационный антропотип и др. Эта ситуация парадоксальна с учётом того, что прошло уже более полутора десятков лет, как наметился перелом в официальном позиционировании России в качестве самостоятельной цивилизации, а затем начиная с 2012 года о России на самом высоком уровне было неоднократно заявлено как о государстве-цивилизации².

Парадокс в том, что цивилизационный подход продекларирован, но до сих пор не внедрён в большую часть дисциплин и учебных курсов в системе российского образования, не создано соответствующее сквозное методологическое решение. Высказывается даже точка зрения, что до сих пор цивилизационный подход в социогуманитарных науках и в российской научной среде в целом остаётся отверженным пасынком³. Распространяется в зарубежной и в меньшей степени в отечественной литературе скептическая точка зрения на саму идеологию «государства-цивилизации» как ситуативную, связанную с быстротекущей конъюнктурой, а не глубинным осмыслением природы цивилизаций⁴.

В настоящем докладе обосновывается важность и значимость

цивилизационных определений, в том числе своевременность и неслучайность постановки вопроса о государстве-цивилизации, при том что, безусловно, далеко не все цивилизационные общности могут с полным основанием применять к себе данное самоопределение.

Цивилизационное самосознание и цивилизационная идентичность — сравнительно новый ракурс рассмотрения мировоззренческой проблематики, хотя он и наследует большому корпусу штудий по изучению национальных типов самосознания, национальных картин мира. Новизна и сложность этой постановки вопроса связана, в частности, с тем, что «цивилизационное самосознание» исторически созревает позже «национального самосознания», а также с тем, что само постулирование теории цивилизаций в науке произошло позднее, чем утвердился дискурс о национальной культуре и субъектности народов как акторов исторического процесса. К тому же и после возникновения теории множественных цивилизаций она ещё долгое время в нескольких своих разновидностях пробивала себе дорогу и добивались признания.

В этом отношении сегодня происходит существенный перелом, и он связан с процессами «деколонизации» в общественных науках. Симптомом такого перелома стал повышенный интерес к проблематике «государств-цивилизаций» или «цивилизационных государств»⁵. Сегод-

¹ Мировоззрение Русской цивилизации: Пусть к себе. Доклад Изборского клуба под ред. В.В. Аверьянова. // Изборский клуб. — 2024. — № 1. — С. 6–87.

² Сургуладзе В.Ш. Россия — государство-цивилизация: к вопросу о концептуальном видении роли страны в доктринальных документах государственного стратегического планирования. // Власть. — 2023. — Т. 31. № 5. — С. 22–32; Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. — М.: ИФ РАН, 2016. — 121 с.

³ Багдасарян В.Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко С.П.) Россия и Запад: цивилизационные различия. — Ярославль: СПК, 2023. — С. 12–13.

⁴ Coker C. The Rise of the Civilizational State. — N.Y.: Polity, 2019; Prabhu J.A. Why the Idea of India as a 'Civilizational' State will Simply not Fly. — Firstpost.com. — 08.12.2014. URL: <https://www.firstpost.com/india/idea-india-civilisational-state-will-simply-fly-1839641.html> (дата обращения 08.05.2022); Баранов С.Д. Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). — М.: Институт наследия, 2024.

⁵ Багдасарян В.Э. Россия как государство-цивилизация [Электронный ресурс] // Интелрос. — URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_17_09/11 (дата обращения: 15.09.2023); Weiwei Z. The China Wave: Rise of a Civilizational State. — Hackensack, New York: World Century Publishing Corporation, 2012; Jacques M. When China Rules the World, the end of the western world and the birth of a new global order. URL: <http://www.martinjacques.com/when-china-rules-the-world/book-review-when-china-rules-the-world-the-end-of-the-western-world-and-the-birth-of-a-new-global-order-second-edition-by-martin-jacques-2012/#more-6407> (дата обращения: 28.10.2023).

ня эта тенденция крайне актуальна ещё и потому, что она начинает использоваться самими государствами (в первую очередь, Китаем, Россией, но также о самоидентификации «цивилизационного государства» говорят и в отношении ЕС, США, Индии, Ирана, Турции, Бразилии и др.).

В последнее время стал также популярен тезис о национальной идентичности и политических нациях как о преимущественно инструментальном конструкте, использовавшемся долгое время в качестве средства завуалированного включения тех или иных стран в транснациональные порядки. Во всяком случае, подобное манипулятивное использование идеологием «национального государства» констатируется в отношении целого ряда стран Ближнего Востока, арабских стран⁶. В этом контексте постановка вопроса о цивилизационной идентичности изначально лишена подобных ассоциаций, поскольку она осуществляется под знаком ресувенинизации больших геостратегических единиц (государств, религиозных и социокультурных традиций — при этом понятие цивилизации используется как обобщение весьма разнообразных, а иногда и разнопорядковых сообществ).

Под цивилизацией в нашем исследовании имеется в виду **предельно крупная социокультурная общность, геостратегическая система, включающая разнообразные языковые, этнокультурные, религиозные, политические и экономические подсистемы, в том числе номинально выходящие за географические и правовые границы, непосредственно связанные с институтами данной цивилизации.**

Единство цивилизации определяется такими факторами, как своеобразные ландшафтно-климатические черты пространства её

активности, единство и глубокая взаимосвязь исторических судеб входящих в неё социокультурных общностей, сближение психологических установок, ценностей и картин мира представителей этих общностей, обусловленное их комплиментарностью, исторический процесс формирования единой цивилизационной картины мира, то есть системы цивилизационных кодов, свойственных всем носителям цивилизационной идентичности. (При этом, дабы избежать апелляции к бессознательным, трудно уловимым аспектам цивилизационной идентичности, главным критерием её реального обнаружения мы полагаем способность цивилизации порождать продукты общекультурного самосознания, такие как оригинальные мировоззренческие системы, «осевые» символы и принципы, определяющие и задающие ход развития многих сфер жизни и порядок социально значимой деятельности внутри конкретной цивилизации.) В нашем понимании трактовка духовно-культурного творчества крайне важна — в этом аспекте автор доклада расходится со многими теоретиками-цивилизационистами, которые стремятся вынести духовные, ментальные и мировоззренческие явления за пределы собственно цивилизационного уровня общества. Ниже мы остановимся на методологических предпосылках нашего подхода, отражённых, в первую очередь, в теории традиции-цивилизации.

Россия как цивилизация обладает своеобразным набором уникальных характеристик, о которых подробно говорилось в указанном выше докладе Изборского клуба. Интегральное, опирающееся на многолетний анализ понимание русской цивилизации позволяет указать на следующие характеристики.

1) В геокультурном плане это цивилизация евразийская (в чисто географическом понимании — североевразийская, однако евразийство в русском мировоззрении превратилось в самостоятельный концепт, далеко вышедший за рамки чисто географических привязок).

2) Далее, это поликультурный мир со стержневым положением в нём русской культуры (отчего понятие «русский» приобретает помимо этнокультурного также и свойства цивилизационного маркера «Русский мир» как синоним «Мира-России», «русская культура» как традиция-лидер или «великая традиция» в терминологии А. С. Панарина⁷). Для России было характерно то, что этнокультурные меньшинства допускали обозначение себя как «русских меньшинств», а не только «российских» — несмотря на попытки в постсоветской России разведения словоупотребления в соответствии с принципами конструктивизма в национальной политике.

3) Россия — поликонфессиональная цивилизация с православно-христианским ценностным ядром и со своими весьма устойчивыми стандартами веротерпимости.

4) Это и многоязычная общность с русским языком как средством межнационального общения, а также как языком-носителем одного из самых богатых «архивов» мирового опыта с высочайшей культурой перевода со многих языков.

5) Также это многоукладная геоэкономическая и хозяйственно-правовая система.

6) В основе России как цивилизации (Русского мира, русского цивилизационного ареала) лежит государственная традиция, исторически сменявшая несколько различных образований «имперского» типа, как правило, препятствующих попыткам геополитической моно-

⁶ Maçães B. The Attack Of The Civilization-State [Электронный ресурс] // Noema Magazine. — 2020. — 15 June. URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (дата обращения: 21.06.2023).

⁷ Панарин А.С. Похищение России. // Москва. — 1997. — № 1. — С. 150.

политации (установления форматов «мирового господства»)⁸ и таким образом выступающих стимулирующей силой и катализаторами многополярного мироустройства.

1. МЕТОДОЛОГИЯ ТРАДИЦИИ-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Проблематика теории цивилизации давно уже является не только пространством для академических исследований, но полем острейшей концептуальной борьбы. Происходит это за счёт во многом искусственного сохранения неконструктивной полисемии между несколькими несводимыми друг к другу пониманиями категории «цивилизация». Выход из этого тупика мог бы заключаться в отказе от одного из двух её главных значений (цивилизация как «цивилизованность», «уровень развития» либо цивилизация как конкретно-историческая целостность в стиле теории «локальных цивилизаций»). Но возможен и другой выход: в утверждении методологии комплексного рассмотрения цивилизаций как социокультурных конгломератов, в ядре каждого из которых лежит своеобразная культурная традиция. Этот метод исследования — через призму «традиции-цивилизации» — был предложен в работе «Традиция и динамический консерватизм»⁹. Цивилизация и традиция в таком контексте не существуют одна без другой, при том что исторически элементы конкретной цивилизации могут усваиваться другими обществами.

По своему содержанию цивилизационная идентичность является социокультурной. Данное методологическое замечание в нашем понимании ведёт к такому существенному следствию: понятие-бином «социокультурное» обозначает органическую целостность, комплексность слагаемых факторов, а не их простое

сложение. Из этого следует, что цивилизация по своей природе и способу осуществления всегда привязана к конкретной культурной традиции, и лишь со временем отдельными своими составляющими она может вступать на путь трансфера в другие культурные зоны, отделяясь от материнской культурной традиции.

Используемый нами метод складывается как междисциплинарный, задействовав результаты исследований в области философии, теории культуры, культурологии, сравнительно-исторических исследований, теории систем и синергетики, кибернетики и в определённом плане генетической биологии, параллели с которой в теории социокультурного наследования уже давно стали чем-то существенно большим, чем источник для научных метафор (в качестве примеров — в творче-

стве Ю. М. Лотмана, Э. С. Маркаряна, А. И. Ракитова). В результате сегодня стали уже общераспространёнными представления о культурном коде, социокоде, цивилизационном коде, ДНК человеческого общества и т. п.

В русле методологии цивилизации как социокультурного феномена было предложено обозначать **предельный по масштабу комплексный социальный субъект термином «традиция-цивилизация»**. «Двойственная структура этого понятия (сочленение сферы традиции и сферы цивилизации) означает, что в неё входит весь комплекс цивилизационных явлений, включая технику, материальное производство, быт и т. д. Традиция-цивилизация — это «полная традиция» плюс все её атрибуты и всё оснащение, необходимое для существования на земле»¹⁰.

⁸ В терминологии Н.Я. Данилевского эта миссия России получила название «миродержавия».

⁹ Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. — М.: Центральный издательский дом, 2012.

¹⁰ Там же, С. 96.

Речь идёт о максимально развёрнутой традиции-системе, хотя у неё есть «конкурент» в виде крупномасштабных религиозных традиций-систем, в первую очередь, так называемых мировых религий. Внутри цивилизационной системы как целого сакрально-культурная традиция выступает в качестве формирующего ядра, внутреннего измерения всей системы. Неготовность признать это в цивилизационистике приводит к размытости в понимании цивилизации, в которой не усматривается никакой порождающей модели, кроме пёстрого множества причин и факторов, всевозможных источников технологических, экономических и культурных инноваций. В такой «перевёрнутой» картине цивилизация оказывается зависимой не от внутренних генетических источников и движущих сил её развития, а от активности во внешней сфере, «контактов между цивилизациями», влияниях, распространении цивилизационного

опыта в духе примитивного диффузионизма и т. д. Субъектность выносится вовне, а сами цивилизации превращаются в пассивных получателей внешних импульсов. Этот подход оказывается наиболее удобным для отстаивания доктрины трансграничной глобализации, интерпретации истории человечества как линейного процесса разрастания космополитической эйкуменической «срединной цивилизации» и т. п.

Между тем в нашем понимании актуально действующая традиция-цивилизация является не специфическим способом достигать определённого уровня абстрактной цивилизованности, а конкретной системой культуры, которая по-своему специфично развивается. Сама направленность развития общества не предопределена, вариативна. По выражению выдающегося отечественного культуролога М. К. Петрова, внешний наблюдатель вряд ли имеет право подходить к чужой культуре «с мерками других социокодов

как к проявлению неразвитости»: «Вопрос здесь, похоже, не в том, как далеко они прошли по дороге развития, а в том, по какой дороге, куда, в какую развитость шли»¹¹.

Данная методология позволяет уйти от случайных или намеренных подмен «цивилизации» «цивизованностью» либо упорного различения двух этих представлений, что очень часто оказывается делом как будто само собой разумеющимся. Взять такого внешне объективного автора, как С. Хантингтон, который какое-то время шокировал западную научную общественность своими неполиткорректными на тот момент заявлениями. По интересующему нас вопросу, к примеру, он на протяжении одной страницы выступает с критикой «семантической путаницы», связанной с двойственностью термина «цивилизация», и тут же возвращается к тезису о том, что «универсальная цивилизация действительно зарождается», а «рост цивилизованности был вполне совместим с существованием множества цивилизаций»¹². Здесь у Хантингтона налицо всё та же двойственность, характерная вообще для западной науки (хотя встречаются исключения, особенно часто среди культурных антропологов, занимающихся так называемыми примитивными обществами).

Та же дилемма воспроизводится и в рамках мир-системного анализа, в котором попытки рассмотрения той или иной конкретной мир-империи как «мира в самом себе» в конечном счёте нивелировались через трактовку сущности цивилизации в качестве «сети отношений». Об этом критически высказывался Б. С. Ерасов: «Развитая сеть отношений сама по себе ещё не формирует общества, а может быть продуктом отношений между относительно развитыми обществами, относящимися к разным цивилизациям («Великий

¹¹ Петров М.К. Язык. Знак. Культура. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 99.

¹² Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. / Пер. Черемушкин П. и др. — М.: Алгоритм. — 2016. — С. 203.

шёлковый путь»), или отношений между имперским центром и зависимой от него колонией-периферией (Британская Индия)¹³. У ряда мирсистемщиков (таких как У. Мак-Нил, Д. Уилкинсон, И. Моррис) цивилизация трактуется именно как конвергентная космополитическая среда, экуменическая «срединная цивилизация» с доминирующим антропотипом «посредника» (торговца, пирата, разведчика и т. п.). (Характерно, что данное направление использует понятие «срединного мира» в перевёрнутом виде, заимствуя его из тех культур и концепций, которые в данном вопросе стоят на диаметрально противоположной мировоззренческой позиции — «срединное царство» («чжун-го») у китайцев, «срединный мир» у Ламанского, Менделеева и евразийцев, наконец, сюда можно отнести даже понимание «хартлэнда» в классической европейской геополитике.)

На наш взгляд, феномен государства-цивилизации может быть хорошо осмыслен как частный случай традиции-цивилизации. В каждом из крупных устойчивых «очагов культуры» (в терминологии М. К. Петрова) или «высокой культуры» (в понимании О. Шпенглера) идёт многовековая выработка уникального образа традиции-цивилизации вообще и государства-цивилизации (если оно там имеет место) в частности. Категория традиции-цивилизации способствует рельефному представлению своеобразия конкретных социокультурных систем, идентичность которых носит глубинный характер, то есть укоренена на уровне цивилизационных кодов. Под цивилизацией в таком ракурсе рассмотрения невозможно подразумевать «пустую сущность», безразличную к тем культурам, с которыми

Традиции-цивилизации стремятся создать собственные модели самоописания, обнаружить собственную логику развития, в том числе, реализовать и собственный навык инновационной деятельности по своим внутренним канонам. Привычные категории империи, цивилизации, мир-системы, высокой культуры используются в такого рода самоописании, однако они являются лишь теоретическими приближениями, не носящими исчерпывающий характер.

она вступает во взаимоотношения. Соединение традиции и цивилизации в единый фокус блокирует претензию на абстрактную глобализацию, поскольку, по удачному выражению Л. Н. Шабатуры, «традиция есть препятствие, преграда на пути цивилизационного диффундирования»¹⁴.

Именно в свете такой методологии получает стройное обоснование инаковость социокультурных вселенных. Традиции-цивилизации стремятся создать собственные модели самоописания, обнаружить собственную логику развития, в том числе реализовать и собственный навык инновационной деятельности по своим внутренним канонам. Привычные категории империи, цивилизации, мир-системы, высокой культуры используются в такого рода самоописании, однако они являются лишь теоретическими приближениями, не носящими исчерпывающий характер. Так, если термин «государство-цивилизация» впервые был применён к Китаю, это вовсе не означает, что сторонникам данной концепции имеет смысл искать такие же, подобные китайским, характеристики в России, Иране, Японии или где-то ещё. Государство-цивилизация в каждом случае

своеобразно, и само по себе несходство политической культуры данной цивилизации с другими оказывается косвенным доказательством его реального существования. В своё время П. А. Сорокин с его эмпирическим складом ума писал о принципиальной неоднородности и разнопорядковости человеческих цивилизаций, трактуя их как негэнтропийные культурные суперсистемы, представляющие «не один и тот же класс, но различные типы организованных социальных групп»¹⁵.

Нетождественность цивилизационных матриц уходит в глубину их сакральных основ, о чём писали многие исследователи, сосредоточенные на изучении культурных ядер традиции-цивилизации. Так, Д. Б. Зильберман утверждал, что «функции культурной традиции в различных цивилизациях различны, а порою даже противоположны друг другу»; при этом само «общество в отношении его высших ценностей выступает как “превращённая форма эзотерического коллектива”»¹⁶.

Отсюда возникает не только проблема межкультурного перевода, но и сложная проблема теоретического сопоставления самих феноменов. На неё указывает, к примеру, И. Н. Ионов, когда пишет,

¹³ Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. — М.: Наука, 2002. — С. 116.

¹⁴ Шабатура Л.Н. Традиция в социокультурном развитии личности: Диссертация на соискание уч. ст. доктора философских наук: 09.00.11. — М., 2004. — С. 394.

¹⁵ Sorokin P.A. Reply to My Critics. // Pitirim A. Sorokin in Review. — Durham, North Carolina: Duke University Press, 1963. — P. 413.

¹⁶ Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность. // Вопросы философии. — 1996. — № 4. — С. 82.

что «сравниваемые объекты существуют на одном поле, а категории, их определяющие и задающие содержание исследования, — на другом. Они представляют разные традиции и разные способы мышления. Однако вопрос о взаимодействии этих полей часто даже не ставится»¹⁷.

Большой интерес в этой связи представляет работа В. Э. Багдасаряна, в которой тот приводит многочисленные примеры неэквивалентности политических титулатур в разных культурах (таких как «кинг», «рой», «царь» (кайзер), «халиф», «хуан-ди», «тэнно» и т. д.), принципиальной этимологической и концептуальной несочетаемости самобытных категорий. «Только взяв лишь один титул правителя и потянув за эту цепочку, — отмечает Багдасарян, — мы выходим на раскрытие различных ценностно-смысловых парадигм бытия национальных общностей»¹⁸.

Самобытные категории часто неправомерно переводятся на квазиуниверсалистский язык (к таким категориям относятся, например, базовые понятия «государство», «империя», «варварство» и т. д.). В качестве примера Багдасарян приводит некорректное представление о Византии как Восточной Римской империи, тогда как сами византийцы использовали понятие «Романия василевса», а к понятию *imperium* не апеллировали¹⁹. Приписываемые чужой цивилизации или государственности функции, по мнению Багдасаряна, нередко оказываются неуместными, однако вместо кри-

тического осмысления этого факта многие учёные приходят к выводу «о дефективности самой страны»²⁰ (в этом можно видеть одну из причин распространения ксенофобии).

Здесь нужно подчеркнуть, что речь идёт не о чисто лингвистических изысканиях. Языковые маркеры указывают на картину мира как ментальную основу культуры — широкое понимание картины мира, разработанное в трудах О. Вайсгербера, Р. Редфилда, К. Гирца; к нему примыкает и «тезаурусное моделирование» как логико-информационный аналог картины мира²¹.

2. УРОВНИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Нередко цивилизационную идентичность, как один из вариантов коллективной идентичности, трактуют в чисто конструктивистском ключе — в виде определённых политических и мировоззренческих проектов, реализуемых государствами и властными элитами на определённых этапах развития обществ. С. Хантингтон в одной из работ заявляет: «Вряд ли будет преувеличением сказать, что правительства присваивают людям национальные и прочие идентичности...»²²

Между тем цивилизационная идентичность может рассматриваться на разных уровнях: на поверхностном, связанном с ситуационной самоидентификацией (к чему предрасполагает происхождение

термина «идентичность» из области психологии), но также и на глубинном уровне, который чаще всего рассматривают в связи с представлением о функционировании внутри культуры имеющих длительное историческое измерение культурно-цивилизационных кодов, из которых образуются каркасные структуры цивилизационной картины мира.

Ситуационная трактовка идентичности релятивизирует её, сводит сущность идентичности к соотносительности. По выражению антрополога Т. Х. Эриксона, «идентичность имеет относительный и ситуативный характер, поскольку определить самого себя можно только по отношению к другим»²³. В контексте психологических наук «цивилизационная идентичность» интерпретируется как наиболее масштабная разновидность «проприума», «самости», с подчёркиванием уникальности реализованного в данном — цивилизационном — пространстве образа жизни, мышления и мироощущения. Это **идентичность принадлежности, единения с огромной «культурной вселенной», социальным космосом**. В современной психологии такая принадлежность понимается как парадоксальное единство тождества и инаковости, одновременность процессов дифференциации и интеграции, что в идеале ведёт к продуктивному компромиссу между индивидуальностью и «общим делом»²⁴.

Вместе с тем цивилизационная самоидентификация сама по себе не является более обезличивающей,

¹⁷ Ионов И.Н. Идея «цивилизации» в Европе XIX века в контексте связанной и перекрёстной истории. // Диалог со временем. — Вып. 40. — М.: Институт всеобщей истории, 2012. — С. 30.

¹⁸ Багдасарян В.Э. Матрицы общественного сознания. — М.: Наше завтра, 2021. — С. 210.

¹⁹ Там же, с. 222. Это различие указывает на несовпадение латинской и эллинистической несущей основы двух цивилизаций, что во многом проливает свет на истинную подоплёку мифологизированного «раскола» на цивилизационный Восток и Запад, а также на крайне предвзятый ретроспективный образ Византии в западноевропейской культуре и историческом сознании.

²⁰ Там же, с. 216.

²¹ Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. — М.: Центральный издательский дом, 2012. — С. 17–21.

²² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. / Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. — С. 53.

²³ Эриксен Т.Х. Что такое антропология? / Пер. с англ. А.И. Карасевой. — М.: Высшая школа экономики, 2014. — С. 212.

²⁴ Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ. — СПб: Речь, 2002. — С. 74–75.

чем индивидуалистическая самоидентификация. Для цивилизационного самосознания, как правило, характерно признание высокой ценности разнообразия, единства в многообразии, симфонических и полифонических измерений культурного воспроизводства, того, что К. Н. Леонтьев называл «цветущей сложностью» или «усилением организованной, т. е. дисциплинированной, разнородности», которое он полагал критерием продуктивного развития любой культуры. Полифоничность и многообразие субцивилизационных идентичностей, вписанных в рамочную цивилизационную идентичность, является важнейшим признаком цивилизации как способа социальной организации. С другой стороны, эмансипация эпохи Модерна по отношению к цивилизационной идентичности нередко осуществляется посредством культурной стандартизации и унификации, только с обратным знаком — когда люди примерно одинаковым образом и по единому образцу отдаляются друг от друга, от общего дела

и исторического наследия, добиваются независимости и автономности по отношению к ним. В таком случае «общим делом» для них становится зачастую сама дезинтеграция со своей общностью, без обретения некоего качественно нового конструктивного «общего дела», если не считать таковым банальное участие в рыночной конкуренции.

Интенсивное переживание цивилизационной идентичности сопряжено с идеей «креативного отказа» как сущности локальной цивилизации, о чём писали Марсель Мосс и Фернан Бродель. Становление цивилизационной идентичности в последние полтора столетия происходило в незападных обществах, как правило, через «отграничение и отталкивание» от мифа об универсальной цивилизации. Как отмечают отечественные исследователи, «цивилизация самоутверждается, очерчивает поле самостоятельного существования именно в результате выбраковывания недопустимого для себя наследия. Мишель Фуко называет это словом «разделиться»,

что следует понимать как отвержение той или иной неприемлемой для данного коллективного сообщества ценности». Тем самым цивилизация «выявляет круг собственных ценностей»²⁵.

В действительности на уровне конкретного человека цивилизационное разнообразие и резкость отличия цивилизационных ликов друг от друга чаще всего в полной мере не осознаётся. Лишь сравнительный анализ цивилизаций позволяет взглянуть на этот вопрос в достаточно глубокой перспективе. Де-факто мы имеем дело каждый раз со сложнейшей пёстрой мозаикой культурных элементов и напластований, причём мозаика эта обладает высокой степенью дифференциации не только в разных цивилизационных ареалах, но и внутри них. Это позволяет современному исследователю сравнить общество с неповторимым узором: «в конкретном социальном организме констелляция различных цивилизационных пластов столь же уникальна, как и отпечатки человеческих пальцев»²⁶

²⁵ Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. — М.: ИФ РАН, 2016. — С. 26–27.

²⁶ Смирнова Н.М. Цивилизационная идентичность как методологическая проблема социально-философского анализа. // Вопросы социальной теории. Том X. — 2018. — С. 66–67.

(вспомним здесь утверждение П. А. Сорокина о принципиальном разнообразии и разнотипности цивилизационных феноменов).

Вопрос о глубинной идентичности и цивилизационных кодах напрямую связан с проблемой эндогенного развития традиций-цивилизаций. В свете принятой в нашем исследовании методологии цивилизационные общности рассматриваются в их опоре на преемственность к накопленным достижениям и самобытности социокультурного ядра данного общества. Эта проблематика уже долгое время находится в фокусе внимания отечественной философской мысли. Эндогенное развитие и целостность цивилизационного феномена получили своеобразную трактовку в концепции «органической традиции» Н. С. Трубецкого, в теории истории Л. П. Карсавина, в конце XX века этим вопросом вплотную занимался Б. С. Ерасов. В применении к России эту линию удачно обобщил, с отсылкой к тойнбианской концепции «вызова» и «ответа», А. С. Панарин, писавший, что «русские интерпре-

тируют импульсы из окружающей среды относительно некоей смысловой культурной схемы, которая у этой цивилизации в её ядре, относительно определённых высших, сакральных смыслов и народного духовного опыта, на данный момент образующего целостность. В частности, смыслов правды, справедливости, соборного начала. “Ответ” даётся не в соответствии с данным конкретным вызовом, а с их родовыми смыслами — то есть русские реагируют на факторы окружающей среды чисто по-своему, в соответствии с их и только их моделью адаптации»²⁷.

Цивилизационистика в виде учения о культурно-исторических типах, а также отчасти и в других ранних её в версиях возникла на основании органической гипотезы об обществах, в понимании обществ как организмоподобных образований, она выростала из ощущения родства живого в биологии и в духовной жизни, в культуре и социуме. Только в XX веке эти интуиции были подкреплены с достаточно веской аргументацией в связи с реализо-

ванной в целом ряде наук идеей параллелизма между биологией (в особенности генетикой) и теорией культуры. С этим связана и проблематичность и крайняя неоднозначность прямых переносов из одного цивилизационно-культурного мира в другой подобный мир символов и ценностей, а также проблематичность инноваций, нередко ведущих к цепной реакции разрушительных мутаций в принимающей культуре (тема, разрабатываемая в теории социокультурной традиции в конце XX столетия).

Безусловно, не ситуационистская и конструктивистская трактовка цивилизационной идентичности, а именно её понимание как глубинного базиса культуры, не зависящего напрямую от политических перемен и потрясений, расположенного на более фундаментальном уровне, способна пролить свет на проблему «мутирующей» преемственности при переходе цивилизации на новые этапы своего становления. К примеру, такой острый и даже болезненный в нашем общественном сознании вопрос, как преемственность со-

²⁷ Цитируется по: Глушенкова Е.И. Русская цивилизация в концепциях Н.Н. Моисеева и А.С. Панарина. // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. — М.: Издатель Воробьев, 2015. — С. 102.

ветской цивилизации по отношению к русской дореволюционной цивилизационной формации, может быть разрешён лишь с учётом большого исторического контекста. В самом СССР, а также в русской эмиграции осознание этого контекста стало приходиться к большинству наблюдателей в связи с событиями Второй мировой войны. Обращает на себя внимание тот факт, что нацистские лидеры Гитлер и Розенберг говорили об уничтожении не СССР, а именно России, при том что они не имели в виду РСФСР. Противник воспринимался антагонистами в цивилизационном смысле, и весь советский народ понимался как общность, преемственная по отношению к прежним модификациям российской государственности²⁸.

3. «ДОГОНЯЮЩАЯ» МОДЕЛЬ САМОСОЗНАНИЯ

Выдающегося отечественного мыслителя В. В. Розанова можно назвать прямым учеником К. Н. Леонтьева (как цивилизационного философа), а также учеником Ф. М. Достоевского (отчасти и в плане идейной преемственности, но главным образом — как писателя, творца своеобразного жанра дневниковых эссе, у Розанова — его публицистики и «листвы»). Имея таких предшественников, Розанов был избавлен от необходимости строить собственную цивилизационную теорию. При этом он развивал и уточнял многие их положения, в том числе разрабатывая и весьма оригинальные идеи. Именно ему принадлежит одна из самых ярких и афористически лапидарных версий

разработки концепта «догоняющего» самосознания, о котором идёт речь в настоящем докладе. Идея эта явилась Розанову в форме своего рода ретроспективной утопии. В очерке «1812–1814 годы и их возможное идейное значение» (1912) Розанов сосредоточился на анализе духовно-культурных последствий борьбы России с Наполеоном. При этом он в манере межцивилизационных аналогий описал её как «героическую борьбу юного народа со старыми цивилизациями», наподобие борьбы Александра Македонского с Персией Дария (вызывающая метафора для русских западников, которые во многих случаях предпочли бы трактовать смысл этой войны противоположным образом). В итоге «победитель заразился от побеждённого началами его духа и цивилизации. Мальчик бросился жадно и любопытно на старческие сладости и пороки, на старческую мудрость, на старческую расслабленность и изнеженность. <...> Русский мыслитель ничего не вывел из этой победы, не сумел с нею справиться...» И далее Розанов разворачивает свою ключевую идею: «Славянофильство запоздало родиться на тридцать лет: а если бы оно родилось одновременно с 12-м годом, как духовный плод физических усилий, мы, очевидно, не имели бы декабристов, Герцен не отправлялся бы в эмиграцию, русские вместо запоздалой Государственной Думы имели бы уже к поре освобождения крестьян Земский Собор с плеядой великих умов и характеров того времени. Едва я назвал эти факты, как всякий почувствует, до чего запоздалость славянофиль-

ства имела действительно роковые последствия — общественные и государственные. Между тем славянофильство уже было дано в 1812 году. «Записка о древней и новой России» Карамзина была первым движением сюда, увы, не получившим дальнейшего развития»²⁹.

Заметим сразу, что апелляция к «Записке о древней и новой России» Карамзина действительно имеет в этом контексте глубокий смысл. «Записка» русского писателя и историка, пришедшая не ко двору и оставшаяся сиротливым памятником почти затворнической общественной мысли, не опубликованным далее в течение многих десятилетий, — действительно опережала своё время³⁰.

Точность розановской гипотезы состоит в том, что «догоняющая рефлексия» в интеллектуальном слое России должна была догнать не мифическую «передовую цивилизацию», а нечто иное: самоё себя. Речь тут вообще идёт не об относительной «отсталости» России, а о её «крепости задним умом», её медленной раскачке в связи с новыми историческими вызовами, как правило, связанными с внешней агрессией в силовой либо же в «гибридной» форме. Другой аспект этого же самоотставания — попытка привести самосознание в соответствие с генетически заданной программой развития России, которая была тем или иным образом нарушена вторжением неблагоприятных обстоятельств (задержка в естественном развитии из-за катастроф, нашепств, острого конфликта между цивилизациями, Смутное время,

²⁸ Подробнее см. об этом новую работу о геноциде советского народа, который осуществлялся нацистами: Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Геноцид советского народа в германской оккупационной политике: цивилизационный ракурс «войны на уничтожение». // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2025. — № 2.

²⁹ Розанов В.В. Собрание соч. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.) / Под общ. редакцией А.Н. Николюкина — М.: Республика, 2006. — С. 190.

³⁰ Попытка П.И. Бартенева в 1870 году полностью опубликовать «Записку» привела к вмешательству цензуры и уничтожению тиража. В итоге первую полную публикацию её удалось осуществить только в 1900 году. Тем не менее, по мысли Ю.С. Пивоварова, карамзинская «Записка» с содержащимися в ней интуициями и предславянофильским пафосом «каким-то непостижимым образом» влияла и на Гоголя периода «Выбранных мест из переписки с друзьями», и на мировоззрение Л.Н. Толстого, и на другие русские умы, вплоть до Розанова и новой эпохи (Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России». // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — С. 15.

отбросившее общество и государство назад и возвратившее их к решению уже, казалось бы, решённых задач, наконец, «псевдоморфозные» формы развития, связанные с добровольным принятием чужих цивилизационных влияний).

Догонять себя в области самосознания — значит сместить мировоззренческий центр в направлении к центру тяжести традиции-цивилизации. Россия догоняла исторически тот образ самоописания, который позволил бы ей не только на уровне военно-силового, но и мировоззренческого, культурного, идейного противостояния подняться вровень с вызовами цивилизационного характера, то есть такими вызовами, которые ставят под вопрос существование и своеобразное развитие традиции-цивилизации.

Эта дистанция между текущим уровнем самосознания и образом самоописания и самопроектирования, требуемыми интересам цивилизации, всякий раз существенно сокращалась во время исторической встряски — то были своего рода «рывки», спровоцированные кризисом идентичности. Ниже мы касаемся двух узловых таких рывков: почвенничества, возникшего во многом как реакция на Крымскую войну, и евразийства, сформировавшегося как мировоззренческий ответ на каскад революций начала XX века.

Почвенники выдвинули на арену общественной мысли и горячо поддержали Н. Я. Данилевского, творца первой в мире масштабной цивилизационной теории, изложенной в его эпохальном труде «Россия и Европа». При этом сам труд этот был, несомненно, выстрадан как результат поражения России в Крымской войне и был выражением болезненной метаморфозы в настроениях россий-

ского общества по поводу крушения в нём европоцентристских иллюзий. Так, на почве переоценки ценностей России, стремившейся ранее органично влиться в концепт европейских держав и получивших «от ворот поворот», — и родилась российская цивилизационистика, вклад в которую внесли все основные почвенники, а затем также К. Н. Леонтьев, создавший свою, византистскую, версию теории России-цивилизации.

Ещё более радикальный рывок в самосознании России как цивилизации произошёл после 1917 года. Евразийство явилось наиболее масштабным и целенаправленным результатом этой рефлексии на почве цивилизационного самосознания. До сих пор недооценённый вклад евразийцев в наше самосознание, несмотря всю популярность евразийских идей в постсоветской России, состоит в том, что они предложили и начали реализовывать проект системного, комплексного россиеведения, научного и философского. Эта сформулированная ими задача до сих пор стоит перед нами как важнейшее требование времени.

При этом нельзя утверждать, что цивилизационная идея не получила бы развития, не испытывая такого «толчка» и мотива в виде исторических потрясений. Ни учения Данилевского и Леонтьева, ни представления Страхова и Достоевского, ни тем более евразийская «вспышка сверхновой» на небосклоне русского интеллектуального творчества не были ситуативными. Они были реактивными и проактивными одновременно: осмыслявшими и пережитые Россией травмы, и в то же время предопределявшими будущее развитие и выдававшими потрясающие прогнозы³¹. Безусловно, эти рывки в самосознании были пред-

восхищаемы многими гениями и мыслителями предшествующих эпох. Но потрясения всегда служили могучим толчком для общественного самосознания, они резко увеличивали остроту высказываемых провидцами идей и приближали эти идеи к «среднему уровню» образованных сословий российского общества.

В чём же суть догоняющей модели?

Она не в том даже, что русское мировоззрение своевременно не создаёт достойные продукты, адекватные духу времени и ставящие вопросы, располагающие к правильной постановке России как целого и в мире, и по отношению к самой себе (культурное, цивилизационное самосознание, модели коллективной идентичности). Проблема в разрыве между передовыми мыслителями цивилизационного самосознания и основной массой интеллигенции, политического и управленческого класса, застревающих в парадигме псевдоморфоза.

4. РУССКИЙ ПСЕВДОМОРФОЗ И ДВЕ ПРОГРАММЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Приближение России к цивилизационному типу самосознания началось с древних времён, хотя и вышло оно на концептуальный уровень лишь в XIX столетии. Признаки цивилизационного самосознания можно усматривать уже при самом зарождении русской мысли (в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона), в таких творениях, как доктрина о Третьем Риме, свидетельствующая не столько о продолжении Русским государством старых империй как таковых (*translatio imperii*), сколько о сакральной миссии, переходящей к царствам-наследникам.

³¹ Трудно не согласиться с А.А. Галактионовым, увидевшим в Сталине с его книгой «Марксизм и национальный вопрос», со многими чертами его политики в военные и послевоенные годы, преемство по отношению к Н.Я. Данилевскому, тогда как «законы культурно-исторических типов совпадают по смыслу с признаками нации, названными Сталиным через 40 лет после выхода в свет книги «Россия и Европа»» (Галактионов А.А. Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского. // Российская социология. Межвузовский сборник. — СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1993. — С. 33). О прогностическом даре К.Н. Леонтьева не будем здесь говорить, поскольку об этом уже немало написано исследователями.

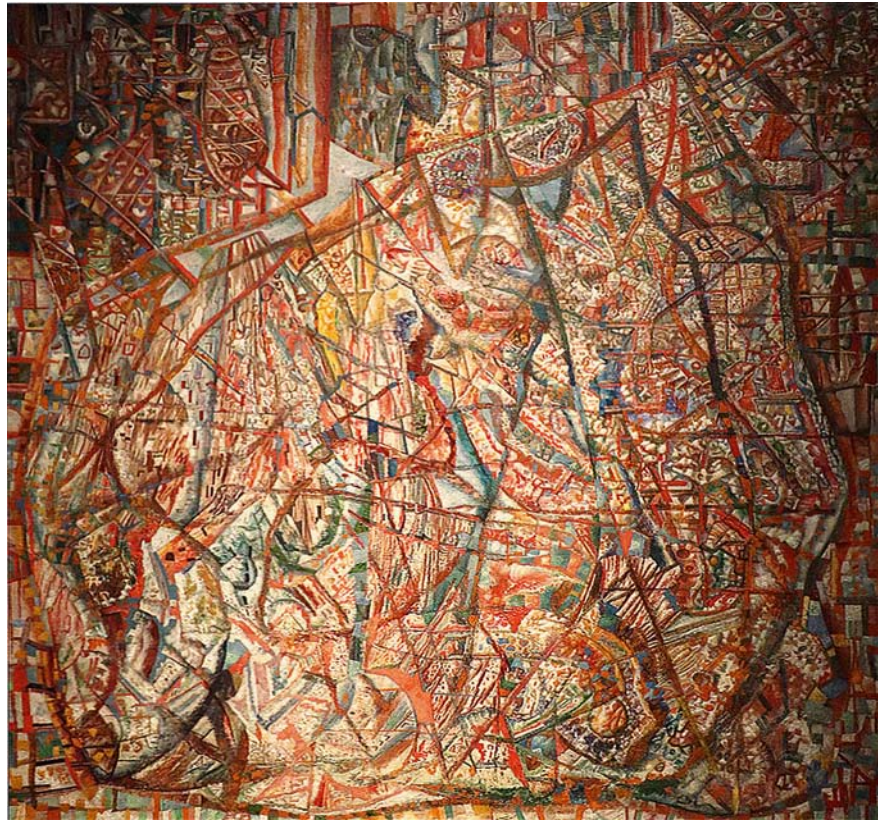

Это же касается ясно выраженных в посланиях и высказываниях царя Ивана IV Грозного представлениях о суверенности России и как государства, и как хранительницы «истинной веры».

Духовно-мировоззренческий кризис XVII века с церковным расколом и фактическим унижением национального образа религиозности и святости перед лицом признанной более аутентичной «греческой традиции» сам был симптомом глубокого коллапса Смутного времени, до конца не изжитого. Травматизм XVII века выразился в дезориентации церкви, её ослаблении (за весь этот век было канонизировано святых меньше, чем в предыдущие века прославлялось за одно-два десятилетия). Петровские реформы с их игнорированием старого мировоззренческого уклада в этом смысле имели для себя хорошо подготовленную почву. И только в XIX столетии начался процесс восстановления сбалансированных форм общественного самосознания.

Ещё до Данилевского идеи цивилизационного взгляда на мир и на свою собственную страну (в духе будущих теорий локальных цивилизаций и многолинейной социальной эволюции) начинают звучать у таких мыслителей, как Александр Герцен, Аполлон Григорьев, а также Николай Страхов, который прямо заявил о «нашей русской цивилизации» как о «другой цивилизации», а не «азиатском варварстве»³².

Ещё ранее у Петра Чаадаева, которого нередко называют предшественником западничества, недвусмысленно звучат мотивы о Западе как целостной цивилизации, чуждой России. При этом Чаадаев хотя и симпатизировал католицизму и говорил в 7-м философическом

письме о желательности отождествления русского ума с Европой, однако же сам не верил в эту перспективу, что радикально отличает его от большинства позднейших русских западников. Именно Чаадаев поставил диагноз дефицита цивилизационного самосознания и, что редко отмечают, для него как особенно чуткого мыслителя было свойственно восприятие разных культурных миров как самостоятельных цивилизаций. Также и Россию он называет не иначе как «наша своеобразная цивилизация» (в скорбной интонации, однако, без тени иронии — что подтверждается и развитием его мыслей в других произведениях)³³.

Немаловажно отметить, что интуиция великой будущности России как самостоятельного мира звучала и у классиков немецкой философии,

в частности у И. Г. Гердера, видевшего в славянах силу, идущую на смену стареющей Европе, а Россию называвшего державой «с самого своего основания шедшей иными, особыми путями по сравнению с западными государствами Европы»³⁴.

В свою очередь, Г. Г. Гегель в одном из писем русскому другу высказывал такую мысль: «Другие современные государства как будто бы уже более или менее достигли цели своего развития; быть может, кульминационный пункт некоторых из них находится уже позади, и форма их приобрела постоянный характер, тогда как Россия, будучи уже, пожалуй, наиболее мощною силою среди остальных государств, заключает в своих недрах неограниченную возможность развития своей интенсивной природы»³⁵.

³² Страхов Н.Н. Борьба с Западом. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 45.

³³ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том I. — М.: Наука, 1991. — С. 402, 323.

³⁴ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. — М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — С. 613.

³⁵ Цитируется по: Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. — М.; Ленинград: Соцэкономгиз, 1933. — С. 90–91.

Рождение цивилизационной теории в России XIX века является крайне важным, конститутивным для нашего самосознания фактом, породившим своего рода **эстафету русской цивилизационистики**, в контексте и в динамике которой мы до сих пор живём и развиваемся. Всё самое глубокое и ценное, что породила отечественная философская и общественная мысль за полтора столетия, было связано не с космополитическими иллюзиями и не с переживанием и осмыслением дихотомического парадокса «промежутка» между Западом и Востоком, самовоспроизводящегося раздвоения, «расколотого общества» и т. п. — а с выявлением, открытием и обоснованием своеобразных кодов Русской цивилизации (причём эти открытия не всегда осуществлялись целенаправленно и осознанно, а зачастую косвенно, но это не отменяет их ценности и значения в сокровищнице русского мировоззренче-

ского канона, который продолжает формироваться).

Термин «псевдоморфоз», введённый Освальдом Шпенглером, завоевал видное место в социально-исторических изысканиях. Под псевдоморфозом понимается конфликт культурных и когнитивных кодов верхних и нижних слоёв данного общества, связанный с подавляющим влиянием чужой, более мощной и сложной культуры. Страницы о псевдоморфозе в главном труде Шпенглера посвящены во многом именно русскому примеру: петровским преобразованиям и той вестернизации, которая, по мнению философа, продолжалась и далее, воспроизводясь с новой силой уже в большевистской революции (большевики, полагал Шпенглер, «прямые потомки» Петра Великого, продолжатели его дела)³⁶.

Шпенглер представил дело весьма драматично: это был, по его утверждению, «псевдоморфоз, втис-

нувший первобытную русскую душу в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия. <...> Прimitивный московский царизм в Петербурге был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы. <...> Народу была навязана искусственная и неподлинная история»³⁷.

Шпенглер не отказывал России в недюжинном потенциале: помимо сил, олицетворяющих псевдоморфоз, он усматривал в ней и ростки нового, в частности, в фигуре Достоевского он видел тот новый тип христианства, который «принадлежит будущему тысячелетию...»³⁸.

При построении своей концепции псевдоморфоза немецкий мыслитель настойчиво использует ту же историческую аналогию, что и до него Розанов в приведённой нами выше цитате — только с обратным знаком. Петровская реформа с насаждением европейских форм и институтов на русской почве рассматривается Шпенглером как буквальный аналог эллинистического влияния на Ближнем востоке в эпоху после Александра Македонского.

Практически одновременно с трудом Шпенглера в России зарождается теория, близкая его концепции псевдоморфоза. Её автор, молодой мыслитель и языковед князь Н. С. Трубецкой, будущий отец-основатель евразийства, в течение нескольких лет вынашивает и создаёт текст своей программной работы «Европа и человечество», прославившей позднее как «катехизис евразийства». То, что у Шпенглера называется псевдоморфозом, у Трубецкого также вырастает вокруг рефлексии о петровских преобразованиях — и он создаёт теорию «неорганической эволюции» («скачущей эволюции»), применяя её помимо российского случая ко всем явлениям, связанным с вестерниза-

³⁶ Шпенглер О. Закат Западного мира. — М.: Альфа-книга, 2014. — С. 650–655.

³⁷ Там же, с. 651.

³⁸ Там же, с. 655.

цией незападных обществ. Пафос Трубецкого, заданный революционными событиями, идёт гораздо дальше его предшественников. Речь у него идёт не просто о выходе России из «неорганической эволюции», освобождении её от псевдоморфоza (этот термин Трубецкой, естественно, не употребляет, поскольку с трудом Шпенглера он познакомится позднее) — но и о революции в мировоззрении нероманогерманских народов, о стратегии пробуждения самосознания и суверенного взгляда на мир в незападных странах³⁹. Само название своего труда «Европа и человечество» Трубецкой осознанно сформулировал как своего рода рифму к знаменитому труду Данилевского «Россия и Европа» — как следующий шаг в том, что предлагается в настоящей работе называть цивилизационной эстафетой русского самосознания.

Возвращаясь к внутрироссийской проблематике, следует отметить, что она попала в поле зрения многих выдающихся разработчиков цивилизационной теории XX века, тем более что Шпенглер сумел весьма талантливо обратить внимание многих коллег на драматизм русской истории и русский псевдоморфоз.

Так, Арнольд Тойнби, говоря в 9-м томе «Постижения истории» о петровских реформах, отмечал, что это был «первый пример добровольной самовестернизации западной страны»; однако, продолжает Тойнби, «Запад так и не оказал глубокого влияния на жизнь и культуру России»⁴⁰. Говоря о послереволюционной России, Тойнби также далек от шпенглеровского максимализма и утверждает, что Россия получила «иностранный иродианскую

идеологию, чтобы использовать её как движущую силу в проведении зилотской политики культурной самодостаточности»⁴¹.

Один из выдающихся аналитиков мир-системного подхода Фернан Бродель в своих капитальных обзорных трудах по истории мировых цивилизаций в размышлениях о России продемонстрировал определённую двойственность и неуверенность — он колеблется между обманчивой европеизированной формой Российской империи после Петра и интуитивно улавливаемой самостоятельностью русского культурного мира. Для Броделя решающее значение имеют всё же экономические и технологические линии развития, и здесь он предлагает формулу: Россия — «Другая Европа», имевшая «тесную связь с Западом»⁴².

С одной стороны, Бродель причисляет Россию к большой Западной цивилизации наряду с собственно Европой, «американской» (США) и «латиноамериканской» малыми цивилизациями. В то же время он неоднократно подчёркивал, что Россия нечто среднее между Востоком и Западом, что Россия вообще долгое время была отдельной мир-экономикой. Он отмечает очень сильную «аккультурацию» со стороны Европы по отношению к России, которая «изменила образ жизни и образ мыслей не только аристократии, но и определённого слоя русской буржуазии и всей интеллигенции, которая тоже строила новую Россию. Философия Просвещения, обошедшая всю Европу, наложила глубокий отпечаток на русские правящие интеллектуальные круги»⁴³.

Его инструментарий не настроен на изучение тех сфер, где и следует

искать разгадку «русского сфинкса», — а это не столько сферы технологии и хозяйственной инфраструктуры, в которых русские охотно заимствуют чужие достижения, — но те сферы традиции-цивилизации, которые располагаются ближе к её духовно-культурному ядру.

Для Уильяма Мак-Нила в его культовом труде «Восхождение Запада» вопрос о России как цивилизации как будто и не стоял. До определённого момента Россия у него — это варварские княжества, затем, когда она попадает в поле передовой цивилизации, появляются её начатки. Наконец, она превращается в окраину Запада, «полузападное государство». При этом автор без всяких сомнений говорит о «великих азиатских цивилизациях» (Китае, Индии, Персии, Турции)⁴⁴. Правда, в поздних статьях Мак-Нил всё же признает, что Россия может рассматриваться как самостоятельная цивилизация. Тем не менее трудно избавиться от чувства двусмысленности в отношении границ между цивилизациями у этого автора.

Вслед за Шпенглером Мак-Нил очерчивает глубину российского псевдоморфоza: он допускает сравнение русской гвардии XVIII века с янычарами, подчёркивая чуждость верхушки петровской империи народу, говорит о разрушении культурной самобытности.

Парадоксальным образом Мак-Нил видит в этой ситуации псевдоморфоza силу России, которая через какое-то время вынуждена встать на путь «воссоздания культурной вселенной», причём это не было уже ни подражанием Западу, ни простым повторением допетровских форм сознания, а в чём-то и опережением

³⁹ Письма и заметки Н.С. Трубецкого. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 12–13.

⁴⁰ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. — М.: Айрис-пресс, 2003. — С. 48, 49.

⁴¹ Там же, с. 51, 52.

⁴² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. — М.: Весь мир, 2008. — С. 500.

⁴³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. — М.: Прогресс, 1992. — С. 455, 456.

⁴⁴ Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. — Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. — С. 789.

В случае длительного конфронтационного противостояния между цивилизациями западный культурный канон претерпит гораздо больший ущерб, чем канон русский. К тому же в России благодаря трёхвековому псевдоморфозу сложился явный перекося и дисбаланс в культурном тезаурусе в пользу Запада, тогда как плоды иных цивилизаций (включая Индию, Иран, Китай, арабский мир) представлены в нашей культуре гораздо слабее.

У России появляется шанс исправить этот дисбаланс и воздать всем по справедливости: стать одной из самых восприимчивых, по Достоевскому, «всемирно отзывчивых» культур — не только по отношению к Западу, как это было до сих пор, но и ко всем остальным.

самого Запада: «В то время как западноевропейцы ещё не сомневались в прирождённом превосходстве своего культурного наследия, поколение русских интеллектуалов времён Достоевского нашло невозможным легко и автоматически принять какую-то одну культурную вселенную. <...> Русская литература XIX в. отразила превосходство и недостатки этой ситуации, как и нашей собственной, предвосхитила многие характерные особенности западной литературы XX в.»⁴⁵.

Следующий в фарватере макниловской концепции цивилизаций отечественный автор Ю. Л. Слёзкин пишет о глубокой провинциальности западной глобализации, в которой при включении голосов внутренних меньшинств и иммигрантов в общеупотребимый культурный канон в этом каноне отсутствуют вершинные творения других цивилизационных канонов, такие как «Рамаяна», Коран или «Шахна-

ме». Что же касается России, исключительность её положения в мире Слёзкин объясняет тем, что она «не просто триста и более лет жила с оглядкой на Европу. Россия триста и более лет жила общей с Европой интеллектуальной и духовной жизнью. Запад может, пусть с трудом, отменить Россию. Россия безнадежно осиротевает без Гамлета, Дон Кихота, Д'Артаньяна»⁴⁶.

Никто и не ставит вопрос об «отмене» в России культуры Запада — риск «осиротеть» в данном случае повисает в воздухе. И в случае длительного конфронтационного противостояния между цивилизациями западный культурный канон претерпит гораздо больший ущерб, чем канон русский. К тому же в России благодаря трёхвековому псевдоморфозу сложился явный перекося и дисбаланс в культурном тезаурусе в пользу Запада, тогда как плоды иных цивилизаций (включая Индию, Иран, Китай, арабский мир) пред-

ставлены в нашей культуре гораздо слабее. У России появляется шанс исправить этот дисбаланс и воздать всем по справедливости: стать одной из самых восприимчивых, по Достоевскому, «всемирно отзывчивых» культур, — не только по отношению к Западу, как это было до сих пор, но и ко всем остальным.

Не занимавшийся специально Россией как цивилизацией Иммануил Валлерстайн также колебался в плане придания ей однозначного статуса (Россия явно не хотела помещаться в классические описательные рамки мир-системного анализа). Говоря об эпохе начала XX века, Валлерстайн даёт следующую формулировку: «В 1914 г. Россия была европейской страной, великой военной державой и страной со значительным промышленным сектором. <...> Одновременно в 1914 г. Россия была неевропейской (или незападной) страной, и преимущественно аграрной страной». «Россия была либо слабой державой ядра, либо сильнейшим из государств периферии. Разумеется, она была и тем, и другим и представляла собой очевидный пример того, что мы сегодня называем полупериферийными странами»⁴⁷. Что касается середины XX века, Россия, по Валлерстайну, уже боролась за обретение полноправного статуса в сердцевине миросистемы. В интервью 1996 года Валлерстайн прогнозирует, что Россия так и останется государством и экономикой, причудливо сочетающей черты ядра и периферии⁴⁸. Любопытно, что эти оценки сочетаются у Валлерстайна с его весьма своеобразной трактовкой капитализма как явления цивилизационного, то есть в целом сводимого к западноевропейской цивилизации, характерного именно для социальной

⁴⁵ Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. — Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. — С. 969.

⁴⁶ Слёзкин Ю. Л. Самобытное государство-цивилизация, его соседи и родственники. // Россия в глобальной политике. — Т. 21. — 2023. — № 4. — С. 44–55. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/samobytnoe-gosudarstvo/> (дата обращения: 15.07.2024)

⁴⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. / Пер. с англ. П. М. Кудюкина. — СПб: Университетская книга, 2001. — С. 254.

⁴⁸ Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика. // Свободная мысль. — 1996. — № 5. — С. 42.

системы и способа производства Запада⁴⁹. Таким образом, парадоксальная позиция России по отношению к капиталистической мир-системе («включённости-невключённости») оказывается маркером её иноцивилизационной природы.

Масштаб и глубина русского псевдоморфоза остаются дискуссионными. Более того, степень вестернизации России, её взаимопроникновение с Западом не просто вызывают споры, но и, как видим, ввергают исследователей в недоумение и приводят к диаметрально развёрнутым выводам.

Россия как будто таит в себе некий секрет, некоторую неясность относительно того, как же она на самом деле относится к Западу, насколько она на том или ином этапе своего развития самоотжествляется с ним ментально и духовно. (Вопрос о технологической и бытовой зависимости, привлекательности модного западного образа жизни — это всё же несколько иной вопрос.)

Мысль о способности устроить жизнь «как на Западе» чаще всего оказывается неким элементом наивной картины мира у представителей образованного или полубразованного класса. Красноречиво сказано об этом у Достоевского в «Дневнике писателя»: «Нужна-де только европейская формула, и всё как раз спешно; приложить её, взять из готового сундука, и тотчас же Россия станет Европой, а рубль талером. Главное, что приятно в этих механических успокоениях, — это то, что думать совсем не надо, а страдать и смущаться и подавно. <...> Чего думать, чего голову ломать, ещё заболит; взять готовое у чужих — и тотчас начнётся музыка...»⁵⁰

Однако эта «наивная картина мира» функционировала не только в головах светских «говорунов» и газетных публицистов, но и в среде чиновничества, и в предпринимательском классе, и в сфере высокого искусства. Псевдоморфоз поэтому носил не поверхностный, а глубокий и, можно сказать, всеобъемлющий

характер. Причём если во времена Достоевского он мало задевал жизнь народных масс, то советская, «большевистская» версия псевдоморфоза, пусть и в политически антизападной упаковке, затрагивала уже широкие слои населения. Однако рассмотрение специфики советского псевдоморфоза выходит за рамки данной работы.

Великий советский композитор Г. В. Свиридов в ретроспективе оценивал преобразования в сфере музыкального искусства в XIX веке как осознанное внедрение элементов псевдоморфоза. Он указывал на то, что создание в России первой консерватории по западному образцу А. Рубинштейном исходило из предпосылки о «дикой, варварской, музыкально необразованной стране». Это не могло не восприниматься лучшими композиторами того времени (круга «могучей кучки») как несправедливость и оскорбление их национального достоинства человеком, который «Россию не знал и не имел желания узнать»⁵¹.

⁴⁹ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — С. XIII.

⁵⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 763–764.

⁵¹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. — М.: Молодая гвардия, 2017. — С. 226–227.

Разработка теории особых цивилизаций стала одним из главных конституирующих актов самосознания России как исторического целого. С этого момента мы можем говорить об эстафетном характере русской цивилизационной идеи, включающей большой спектр теорий и подходов, тем не менее интимно связанной с задачами самопознания России. По существу, русское мировоззрение дало две крупные программы преодоления западнического псевдоморфоза, два связанных между собой узла эстафетной цивилизационной идеи.

Первый такой узел — почвенники, и среди них Данилевский как создатель учения о культурно-исторических типах. Второй узел — евразийцы и Н. С. Трубецкой с учением о типах социальной эволюции. Сегодня можно говорить о том, что эта эстафета передана ими в нашу эпоху, и сейчас завязывается третий узел цивилизационной идеи России, который призван разрешить пока ещё не решённые вопросы.

Почвенничество осуществило парадигмальный синтез различных

мировоззренческих направлений внутри российской интеллигенции, вобрав в себя многие черты славнофильства, западничества, официального консерватизма. Это также и впитывание многих идей народничества и фокусировка их в новом почвенническом фокусе, что особенно плодотворно получилось у Достоевского.

В свою очередь, Н. Н. Страхов в полемике с В. С. Соловьёвым по поводу концепции культурно-исторических типов Данилевского (полемика велась в 1888–1890 годах) предостерегал от того, что на практике универсалистские теоретические модели, страдающие избыточной абстрактностью, неизбежно ведут к торжеству унификационизма, стиранию культур до состояния безликости. Любопытно, что почвенники не отрицали задачи, которые ставили сторонники универсалистских проектов (тот же Достоевский и сам был универсалист), однако они хорошо видели, что этот потенциал христианской традиции находится за пределами человеческой истории, а в истории он склонен вырождаться

в свою противоположность⁵². Эти предостережения почвенников стали особенно понятны в наше время.

Как показали позднее евразийцы, такого рода реализация потенциала христианства не подразумевает глобализационного транснационального смешения на основе расщепления и атомизации обществ, но, напротив, вместо «обезличивания» каждый христианский народ обязан вырабатывать неповторимую культуру: «чтобы христианство оказалось воспринятым органически и интимно слилось с данной национальной психикой»⁵³.

Программа, предложенная Достоевским, Страховым, Данилевским и Аполлоном Григорьевым, будь она принята на вооружение Российской империей в конце XIX века, могла бы изменить ход истории. Однако и «властители дум», и широкие слои образованных классов шли совершенно в другом направлении, усугубляя раскол между разными партиями западнического псевдоморфоза: сторонниками радикального революционного социализма и буржуазного либерализма.

⁵² Страхов Н.Н. Борьба с Западом. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 403–404.

⁵³ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. — М.: Аграф, 1999. — С. 378–379.

При этом в России почвенничеству было на что опереться — существовал мощный запрос в низах общества на выработку собственного, авторитетного по своему происхождению мировоззрения и своеобразного пути. Набирали силу и сторонники консервативного народничества, и артельно-кооперативной, солидаристской самоорганизации. Но интеллигенция в целом предпочитала «лёгкие пути» демократизации и радикализации, без изобретения своего, без создания чего-то нового и цивилизационно своеобразного. Партия почвеннической ориентации и близкие к ней группы политически проиграли, оказавшись в явном меньшинстве.

Вторая программа преодоления псевдоморфозного характера русского самосознания — евразийство — в первые десятилетия своего развития, несмотря на явный успех в среде русской эмиграции, оказалась отрезанной от перспективы прямого воздействия на политику и государство в России, «отложенной» на потом. Её возвращение в Россию в конце XX века можно назвать триумфальным — благодаря усилиям Л. Н. Гумилёва, В. В. Кожина, Д. М. Балашова, других популяризаторов евразийство быстро обрело вес и авторитет в обществе, вошло в политическую повестку многих постсоветских государств и структур евразийской экономической интеграции. Тем не менее и на этот раз Россия вновь подскользнулась на той же самой «запаздывающей рефлексии» и склонности уповать на «лёгкое очевидное решение». В результате мы вошли в новый тридцатилетний виток западни-

ческого псевдоморфоза, на этот раз разыгравшегося на российской почве скорее как фарс, карикатурное повторение черт предыдущих смут⁵⁴.

В исправлении такого рода перекосов ведущая роль традиционно принадлежит государству — именно оно способно наверстать разрыв между цивилизационно ориентированной мыслью и общественным сознанием в целом. Для этого надо решительно избавиться от иллюзий псевдоморфозного характера, от склонности следовать усреднённому обывательскому мейнстриму, который никогда не даёт ответы на вопросы стратегического характера.

Сама по себе выработка зрелого типа цивилизационного самосознания, как нам представляется, способствует разрешению проблемы запаздывающей рефлексии. К этому нас подталкивает осознание того, что катастрофы 1917 и 1991 года были в значительной мере обусловлены неготовностью образованных слоёв общества воспринять достижения отечественной мысли и науки в самоописании России как единственной в своём роде (то есть обладающей собственной программой развития, развития эндогенного) традиции-цивилизации.

5. ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: КИТАЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Представление о «государствах-цивилизациях», или «цивилизационных государствах», получило широкое распространение в последние десятилетия. Чаще всего первооткрывателем этой темы называют

китаевед из Массачусетского технологического института Люциана Пая, который не только долгие годы жил и работал в Китае, но и родился там в семье американских миссионеров-конгрегационалистов. «Китай, — писал Л. Пай, — это цивилизация, притворяющаяся государством. История современного Китая может быть описана как попытка <...> втиснуть китайскую цивилизацию в узкие рамки “национального государства” — изобретения, родившегося на Западе»⁵⁵. Это была, с точки зрения Пая, вынужденная имитация со стороны ослабленного Китая, находящегося в положении «нестабильного государства, расстроенного общества».

Спустя 20 лет после Пая развёрнутую концептуализацию китайского цивилизационного государства предложил английский исследователь Мартин Жак. Статьи и книги М. Жака породили целую волну государственно-цивилизационной рефлексии как в Китае, так и за его пределами. Жак так развивал мысль Пая: «Хотя Китай сегодня описывает себя как национальное государство, он остаётся, по сути, государством-цивилизацией с точки зрения истории, культуры, идентичности и способов мышления. «Геологическая» структура Китая является структурой государства-цивилизации; национальное государство составляет не более чем верхний слой почвы»⁵⁶.

В отношении России чрезвычайно похожую метафору, явно отсылающую к только что процитированным авторам, применил в 2013 году председатель Европейской комиссии Жозе Баррозу: «Россия — это конти-

⁵⁴ Многолетние разработки автора этого доклада, посвящённые феноменологии Смутных времён в России, послужили созданию концепции, которая органично вписывается в методологию традиции-цивилизации (см.: Аверьянов В.В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // *Общественные науки и современность*. — 1996. — № 3. — С. 95–103; Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. — М.: Центральный издательский дом, 2012. — С. 622–648). Согласно этой концепции, в конце XX века наша цивилизация пережила очередное Смутное время, острая фаза которого пришлась на 1986–2000 гг. Термины «Смутное время», «Смута» приобретают в этом контексте не публицистическое, а категориальное содержание, которое постепенно завоевывает своё место в научном дискурсе.

⁵⁵ Pye, L.W. *The Spirit of Chinese Politics*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. — P. 235.

⁵⁶ Jacques M. *Civilization state versus nation-state: China confronts Europe with an enormous problem: we do not understand it*. URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/> (дата обращения: 11.10.2023)

нент, который притворяется страной. Россия — это цивилизация, замаскированная под нацию»⁵⁷. На что редко обращают внимание, за несколько лет до Баррозу и Жака Россию попытался описать в терминах государства-цивилизации отечественный политолог Михаил Ремизов: «Особенность России и нескольких других стран (таких как Китай или Иран) в том, что для них цивилизационный уровень политической консолидации не является в полном смысле транснациональным. Демиургом своеобразной цивилизации в каждой из этих стран выступала конкретная нация (и её сателлиты), а не система однопорядковых наций <...>. Именно поэтому органичной для России политико-культурной моделью является модель государства-цивилизации»⁵⁸.

Но вернёмся к китайскому прецеденту. М. Жак в своих статьях и в книге «Когда Китай правит миром: конец Западного мира и рождение Нового мирового порядка»⁵⁹ предложил одну из детализированных концепций китайского цивилизационного своеобразия. Анализ его работ позволяет представить это своеобразие в следующих главных тезисах.

- Самоописание китайской цивилизации проявляется в таких оригинальных категориях, как «Поднебесная», «срединное царство». Жак указывает на «очень мощное чувство идентичности» у китайцев; так называемая китайскость («чжунхуасин») обладает свойствами не инклюзии, а эксклюзии по отношению к внешней этнокультурной среде.
- Китай, скорее всего, попытается возродить старую имперскую

парадигму «срединного царства», вокруг которого располагаются сателлиты (страны конфуцианского наследия), а также китайские диаспоры по всему миру. Отношения со многими другими странами будут строиться как с «данниками», в число их могут войти части Южной Америки и Африки, а также государства АСЕАН⁶⁰. Кроме того, Китай постарается реформировать не удовлетворяющую его систему международных институтов.

- Весьма своеобразны отношения китайца и его общины с начальством, властями, с государством и империей как целым. Причина, по которой государство пользуется впечатляющей легитимностью в глазах китайцев, лежит в том, что государство выступает как воплощение целостности, хранитель и защитник китайской цивилизации, но при этом рассматривается почти как близкий человек, глава семьи. Китайцы гордятся своим государством как самым долгим непрерывным политическим порядком (восходящим к династии Цинь), а своей цивилизацией — как обладающей, по их мнению, самой мощной толщей культуры.
- Жак подчёркивает, что все главные и определяющие цивилизационный менталитет «идеологии» китайцев (традиции даосизма, конфуцианства и китайского буддизма) не предполагают поклонения сверхъестественному или личному богу и легко адаптируемы к разным видам современного государства и разным системам управления.

Главным в этом менталитете является баланс мировых и природных сил, равновесие Инь и Ян, которое отражено в идеале социальной гармонии.

- Цивилизация, несмотря на её политическую гомогенность, может включать в себя много систем. Так, Гонконг был включён в Китай по модели «одна страна — две системы» и сохраняет свою политическую и правовую своеобразность до сих пор. Китай в этом плане сопоставим не с отдельными государствами Запада, а с западной цивилизацией в целом; именно это даёт право говорить о фундаментальном несоответствии между моделями государства-нации и государства-цивилизации.

В Китае после работ М. Жака стали появляться собственные исследования государства-цивилизации, из которых наибольшую известность и авторитет снискали работы профессора Чжан Вэйвэй⁶¹. Критики упрекали Вэйвэй в апологетике существующей в Китае культурно-политической системы. В то же время нельзя отрицать, что в работах Вэйвэй многие положения концепции М. Жака были развиты и уточнены, многие наблюдения приобрели новое качество глубины. В частности, Вэйвэй убедительно показал, что китайская политическая культура дала своеобразнее прочтение таких ценностей, которые на современном языке именуются меритократией, консультативной демократией, государством-опекуном и др. Кроме Китая Чжан Вэйвэй относит к «цивилизационным государствам» также Россию, Индию и Иран.

⁵⁷ Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России. / Под ред. А.А. Сушенцова. — М.: Эксмо, 2016. — С. 40.

⁵⁸ Ремизов М. Проект Государство-цивилизация. — В сб.: Конституция России. Новый строй. — М.: Институт национальной стратегии, 2005. — С. 59.

⁵⁹ Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. — New York: Penguin Books, 2012.

⁶⁰ См. цитируемый выше материал: Jacques M. When China Rules the World, the end of the western world and the birth of a new global order (...)

⁶¹ Weiwei Z. The China Wave: Rise of a Civilizational State. — Hackensack, New York: World Century Publishing Corporation, 2012; Weiwei Zhang. China, the Civilizational State Narrative and its Implications // Российское китаеведение. — 2023. — № 2. — С. 7–15.

6. ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: РУССКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Многие авторы указывали на то, что для западных стран предложенный им формат государств-наций означал своего рода квазиколониальную манипуляцию, делавшую их уязвимыми⁶², предполагавшую включение механизмов, ведущих к дезинтеграции и цивилизационной дисперсии⁶³. Напротив, в государстве-цивилизации видят альтернативу, способствующую преодолению

кризиса парадигмы национального государства⁶⁴.

Цитированный выше М. Ремизов в своей статье отмечал, что в качестве государства-цивилизации Россия уже оформилась, но «ещё не научилась осознавать и оборонять себя в этом качестве». Существуют трактовки, сближающие модель государства-цивилизации с концепцией «суперэтнуса» в теории Л. Н. Гумилёва⁶⁵ (притом что, очевидно, суперэтнوسы у Гумилёва не всегда образуют политическое единство). По мнению исследователей из Института фило-

софии РАН, «история существования России во всех её формах свидетельствует о том, что она, по сути, всегда была государством-цивилизацией, хотя и не определялась подобным образом в силу доминирования других теоретических подходов»; при этом исключительность России состоит в том, что это единственная в мире государственность, в течение многих столетий «управляющая многоликой цивилизацией как единым целым»⁶⁶.

Представляется, что вопрос о российском государстве-цивилизации не столь очевиден. В русской философии, а также среди крупных русских историков сложился своего рода консенсус по поводу признания исключительной роли в становлении в России государства как главного плода, результата национального творчества, в то же время и как защитника и выразителя идентичности (такие констатации были характерны даже для авторов анархо-нигилистической направленности, а также для тех, кто весьма критично относился к российскому государству). Но формирующийся подход к России как государству-цивилизации является, безусловно, новым, и он ещё далеко не устоялся.

Государство-цивилизация в узком смысле — это такая традиция-цивилизация, которая в политическом плане **управляется централизованно**; если выразиться более точно и в духе реализма, это такая цивилизация, которая **тяготеет к государственному единству**⁶⁷. Специфика российского государства-

⁶² См. цитируемый выше: Mações B. The Attack Of The Civilization-State <...>

⁶³ См. цитируемый выше: Багдасарян В.Э. Россия как государство-цивилизация <...>

⁶⁴ Харин А.Н. Основные компоненты «государства-цивилизации» в творчестве А.С. Панарина, // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. — М.: Издатель Воробьев, 2015. — С. 80–92.

⁶⁵ Володин А.Г. Индия как «государство-цивилизация». // Общественные науки и современность. — 2022. — № 6. — С. 110.

⁶⁶ Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. — М.: ИФ РАН, 2016. — С. 49, 52.

⁶⁷ В чистом виде государства-цивилизации в истории не встречаются, поскольку всегда есть то или иное несовпадение границ политической системы и цивилизационного ареала, политическая система время от времени претерпевает метаморфозы, расщепляется, воссоединяется, утрачивает и вновь обретает свои завоевания. Наконец, всегда имеют место диаспоры, которые в культурном плане принадлежат одной цивилизационной системе, а как социально-экономические группы функционируют в другой; кроме того, существуют социумы-сателлиты, которые лишь частично входят в цивилизационный ареал, являясь пограничными сообществами, и т.д.).

цивилизации — это как раз чрезвычайно высокая геополитическая динамика, несовпадение на каждом историческом отрезке военно-политических и культурно-языковых периметров, чередование периодов сжатия и экспансии, «вдоха» и «выдоха». Взаимоотношения государства и цивилизации как целого у нас носят пульсирующий характер, это всегда сложная изменчивая контaminaция, а не монолитное единство.

Проходя циклически через Смутные времена, находясь в них на грани распада и дезинтеграции, Россия затем собирает себя в новой конфигурации. В её становлении редки и коротки периоды стабильности, практически вся история состоит из переходов, критических рывков и откатов, межцивилизационных войн за пограничные зоны, в результате которых спутники и попутчики то прививаются к стволу государства-цивилизации, то дистанцируются от него, делая тот или иной «цивилизационный выбор».

Государство внутри русской традиции-цивилизации выполняет ряд важнейших функций, которые могут быть суммированы в одном интегральном определении: главной его работой всегда было закрепление исторических завоеваний, будь то территориальная экспансия, вовлечение в орбиту империи новых племён и религиозных общин, либо же завоеваний культурного и научно-технологического характера, связанного с внутренним развитием традиции-цивилизации.

Государство — это оплот цивилизации, хранитель правой веры, гарант порядка и преемственного развития. В то же время государство в критические эпохи и само нуждается в защите и для этого требуется мобилизация всего общества. С другой стороны, государство в России склонно к сверхэксплуатации народа в «служилых» и «тягловых» формах. Этим порою непосильным бременем, закрепощением собственного населения, частым включением мо-

билизационных механизмов объясняется «разбегающийся» характер вольнолюбивой русской стихии, породивший феномены **казачества, странников и бегунов**, породивший и такие конструктивные формы экспансии, как деятельность **переселенцев-колонизаторов**, освоителей огромных северных и сибирских пространств, **первопроходцев**. Активная и инициативная «периферия» русской цивилизации «бежала» от государства на отдалённый хутор, в пустынь, в дикое поле, в непроходимый лес, на край земли, но, в конечном счёте, не избегала окончательно взаимодействия с государством, а, напротив, расширяла потенциальное пространство для русской цивилизации в целом. В наиболее выпуклом виде представлена эта тема в творчестве Н. Н. Алексеева, писавшего: «У нас государство давило по необходимости, но мы не стремились усовершенствовать государство, а уходили от него в степь и в леса. Государство настигало ушедших — они опять уходили дальше. Так и протекал процесс колонизации». Происходил какой-то «вечный выход» вольницы «из государства в дикое поле и в тёмные леса», происходило нечто вроде «бегства от организованных политических форм общественной жизни»⁶⁸.

Это подвижное земское начало, находящееся в сложном диалектическом взаимодействии с государственным началом, — весьма важная специфическая черта России. В эпохи глубоких кризисов оно оказывается двигателем сущностных мотиваций русской цивилизации и действует в едином русле с государством, при этом иногда опережая его. **Обнаруживается это не только в отдалённой истории, но и в наше время** (феномен Русской весны 2014 года, восстание на Донбассе, которое не было инспирировано Москвой, но подстёгивало процесс созревания нового фазиса государ-

⁶⁸ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. — М.: Аграф, 1998. — С. 73–75.

ственного развития; там русские, находясь de jure в другом государстве, de facto продолжали чувствовать и сознавать себя носителями многовековой традиции-цивилизации).

Перебирая цивилизационные архетипы и ключевые коды русской ментальности, мы не найдём среди них буквального аналога западному концепту цивилизации (происходящему от корня civitas — «гражданский», «городской») или китайскому пониманию этого феномена «вэньминь» (выраженному двумя иероглифами 文明, означающими в переводе на русский нечто вроде словосочетания «яркие письмена» или «светлые узоры»). И в том, и в другом случае мы имеем дело с трактовкой цивилизации как «избранного» высокоразвитого сообщества в противовес простому, неразвитому, второсортному. В латинской традиции в оппозиции началу civitas стоит paganus — что переводится как деревенский, неучёный, языческий (отсюда русский атрибутив «поганые»). В китайском контексте цивилизация как утончённая культура противостоит «варварству» народов, не входящих в «срединное царство».

В российском случае акценты расставляются совершенно иначе. Органичный русский ответ на вопрос о сущности цивилизации связан с понятием «мир» (в старой орфографии — «мір»). Это фундаментальное слово-концепт, относящееся к узловым аксиоматическим культурным кодам, входящим в порождающую матрицу русской ментальности. «Мир» означает одновременно такие понятия, как «вселенная», «космос», «Земля» (в значении планеты), сим-

С другой стороны, государство в России склонно к сверхэксплуатации народа в «служилых» и «тягловых» формах. Этим порою непосильным бременем, закрепощением собственного населения, частым включением мобилизационных механизмов объясняется «разбегающийся» характер вольнолюбивой русской стихии. Активная и инициативная «периферия» русской цивилизации «бежала» от государства на отдалённый хутор, в пустынь, в дикое поле, в непроходимый лес, на край земли, но, в конечном счёте, не избежала окончательно взаимодействия с государством, а, напротив, расширяла потенциальное пространство для русской цивилизации в целом. В наиболее выпуклом виде представлена эта тема в творчестве Н. Н. Алексева.

волический шар «державы» в руке государя, наконец, такой важнейший для русской жизни архетип, как «общество», «крестьянская община», через призму которого русские в принципе смотрят на всё мироздание (на Украине — это «громада», в восточных регионах с кочевым населением — «юрта») ⁶⁹. Архетип «мира» — это не только социальное, но и космическое и в то же время антропологическое измерение внутри русской цивилизационной картины мира. Само общество воспринимается как макрокосм по отношению к одиночному человеку. Как подчеркнута в упомянутом выше докладе Изборского клуба, «общество-общество — это не только поземельная соседская община со своей землёй и своей круговой порукой, ответственностью перед внешним миром. Это также и очаг общения

и традиция решения всех дел миром (низовая демократия). Это также и православный приход...» ⁷⁰ Культуролог Ю. С. Степанов отмечает, что важнейшим смысловым компонентом концепта «мир» в русском языковом сознании было представление о «нашем» мире, о пространстве, где живём «мы», «свои» ⁷¹.

Чрезвычайно точно интуитивно схваченной следует признать формулу «Русского мира», утвердившуюся одновременно с официальным признанием России как самостоятельной цивилизации. Существует уже целая литература, посвящённая этому понятию, но в основной массе она публицистическая, и у нас до сих пор не так уж много фундаментальных работ по этой теме ⁷².

Русский мир — не этнографическое понятие, но обозначение геостратегического сообщества на-

⁶⁹ «Мир» как гармония, бесконфликтность является не синонимом, а омонимом «мира-вселенной. После реформы орфографии в 1918 году омонимичная двойственность этих корней в русском языковом сознании была размыта. Только недоразумением можно признать попытку сблизить понятие Русского мира с латинским Pax Romana, носившим юридический смысл (римский пакт, римский договор, оформлявший «замирение» с варварами).

⁷⁰ Мировоззрение Русской цивилизации: Путь к себе. Доклад Изборского клуба под ред. В.В. Аверьянова. // Изборский клуб. — 2024. — № 1. — С. 68.

⁷¹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Академический проект. 2004. — С. 87.

⁷² К ним можно отнести: Кирилл, святейший Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире. — М.: ВРНС, 2015; Проханов А., Аверьянов В., Дугин А., Кобяков А., Платонов О. и др. Доктрина Русского мира. — М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2016.

родов, сформировавших единое цивилизационное пространство, поле культурного притяжения. На наш взгляд, очень важно, что Русский мир (понятие во многом синонимичное «русской цивилизации») означает не какой-то статичный конструкт, но исторический процесс сближения, славивания разных сообществ в их взаимодействии, выработки совместной картины мира, набора ценностей, набора вкусовых, моральных и эстетических предпочтений, образа прошлого и общей судьбы, особой эмпатии между носителями объединяющего цивилизационного кода. Цивилизационная система со временем порождает и свои осевые формулы, творения, канонические произведения, запечатлевает свой дух в памятниках и артефактах, в структуре антропогенного ландшафта.

Для Русского мира всегда была свойственна выдающаяся по сравнению с другими цивилизациями «ненасильственность» экспансии и колонизации; разные авторы и исследователи говорили о характерной уживчивости разных этнокультурных начал внутри Русского мира, комплементарности евразийских народов, характерной для русского цивилизационного кода доминанте принципов над интересами, над эгоистическим началом. Д. И. Менделеев, рассуждая об этом, выдвинул тезис о «включительности» (сейчас бы сказали — «инклюзивности»), то есть ярко выраженной способности Русского мира интегрировать в себя представителей иных культур и иного расового происхождения⁷³. Спустя несколько десятилетий русский идеолог-самородок И. Л. Солоневич попытался определить главную доминанту русской души «в государ-

ственном инстинкте русского народа — или, что почти одно и то же, в его инстинкте общежития»⁷⁴.

Не впадая в излишнюю романтизацию этого феномена, его можно характеризовать и как историческую привычку, когда разные этносы и уклады объединяются общей судьбой и научаются сначала терпеть, а потом и органически принимать друг друга. Но в Русском мире этот процесс привыкания протекал, как правило, быстрее и безболезненнее, чем во многих других цивилизациях. В XX веке этот же цивилизационный инстинкт Русского мира использовался большевиками под личиной пролетарского интернационализма, который вряд ли достиг бы успехов, если бы в его подоснове не лежала вековая русская терпимость и уживчивость.

Евразийская школа русской мысли многое сделала для осмысления данных цивилизационных свойств — в этом плане её представители развивали и уточняли наблюдения Достоевского, Данилевского, Леонтьева о формировании Русским миром хорового «духовного родства» культур, об их притяжении, а не выталкивании. Перспективную интерпретацию этих же свойств предложил Вальтер Шубарт, выдвинувший концепцию «иоанновского духа» России, обладающего огромной силой склеивания, сшивания иноэтнических миров⁷⁵. Концепция Шубарта не осталась незамеченной среди его современников — русских мыслителей. Н. О. Лосский и И. А. Ильин откликнулись на его книгу с большим сочувствием. Ильин развил идею «иоанновского» типа культуры в целом своеобразное учение⁷⁶. Несмотря на то что он упрекал Шубарта в прекрасодушии, это

не помешало Ильину поддержать коренную интуицию, «догадку» немецкого коллеги. Ещё одним имеющим прямое отношение к этой теме цивилизационным кодом Русского мира является принцип «халкидонского многообразия», который напрямую исследовался А. В. Карташевым, но косвенно был запечатлён во множестве философских наблюдений, таких как идея «цветущей сложности» К. Н. Леонтьева, мотивы «хорового начала» у П. А. Флоренского, идеи воссоединения расколотого мира и негэнтропии в русском космизме и ноосферном сознании вплоть до мировоззренческих построений Н. Н. Моисеева и современных последователей этого направления.

Цивилизационные коды в их совокупности, понимаемые как система принципов и установок, как структурные единицы интегральной картины мира, — крайне мало изученная проблематика. Попытка увидеть их как целое была предпринята авторами и экспертами Изборского клуба⁷⁷.

Так же и рефлексия по поводу Русского мира сравнительно молода. Однако ошибаются те, кто возводит её к раннему постсоветскому периоду и творчеству вчерашних диссидентов (М. Гефтера, П. Щедровицкого, Г. Павловского с их предложением, по сути, свести программу Русского мира к чисто языковой, к так называемой «транснациональной русскости» и т.д.). «Русский мир» был совершенно по-другому осмыслен ещё за полвека до того в творчестве одного из отцов-основателей евразийства П. Н. Савицкого⁷⁸. Это было именно концептуальное обоснование своеобразия и особого значения «русского мира» как главной движу-

⁷³ Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. — М.: Эксмо, 2008. — С. 233.

⁷⁴ Солоневич И.Л. Народная монархия. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 204.

⁷⁵ Шубарт В. Европа и душа Востока. / Пер. Антипенко З.Г. и Назаров М.В. — М.: Русская идея, 1997.

⁷⁶ Ильин И.А. О национальном призвании России. Собрание сочинений в 10 т. Том 7. — М.: Русская книга, 1998. — С. 373–414.

⁷⁷ Русские коды. / Под ред. В.В. Аверьянова. — М.: Наше завтра, 2022.

⁷⁸ Само словосочетание «русский мир» встречается и раньше, в том числе даже в древнерусских источниках.

щей силы Евразии, представленное, в частности, в программной работе «Географические и геополитические основы евразийства» (1933). «Силой неустрашимых фактов, — писал Савицкий, — русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света... В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая и самостоятельная историческая сила...»⁷⁹. Евразийцы первого поколения в целом усвоили данный подход, при этом Русский мир в их лексике отождествлялся с такими понятиями, как русско-евразийский мир, евразийский мир, срединный мир и др. Главным пафосом основателей евразийской школы был пафос центрального характера русского народа как основной силы евразийского цивилизационного строительства, при этом действующей не через внешнее принуждение, а через свободное сотворчество с другими народами⁸⁰. У одного из позд-

нейших евразийцев, В. В. Кожина, эта же мысль звучит ещё более резко: «Только русский народ является по своей глубокой сути евразийским. Другие — западные и восточные — этносы приобретали евразийские черты, лишь войдя в состав России»⁸¹.

Но даже многие русские мыслители-универсалисты, далёкие от увлечения идеей самобытных цивилизационных миров, не могли не замечать разительного своеобразия России. Так, отец русского космизма Н. Ф. Фёдоров акцентировал внимание на существенном отличии русской цивилизации, приводя 10 тезисов её уникальности, в первую очередь, носящей нравственный характер и сохраняющей огромный потенциал поворота развития всего человечества к «бессмертному существованию»⁸².

В следующем поколении мыслителей этого направления достижения цивилизационной теории уже учитывались. Яркий пример — В. И. Вернадский, признававший положения

учения о локальных цивилизациях, но при этом не отказывавшийся от универсалистского вектора русского космизма и философии «общего дела». Россию Вернадский относил к европейской цивилизации, мир которой в XX веке, по его мнению, раздвинулся и приобрёл черты общемировой системы⁸³. Главным критерием такой принадлежности для него была научная мысль, и именно с наукой он связывал идею выработки интегральной ноосферной цивилизации.

7. БЫТЬ ГОСУДАРСТВОМ-ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ ДАНО НЕ КАЖДОМУ

Подводя итоги осуществлённому анализу, можно сказать, что в трёх моделях цивилизационного самосознания выражены несводимые друг к другу образы культурных вселенных и предпосылки исторических миссий.

⁷⁹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — С. 297.

⁸⁰ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. — СПб: Лань, 2000. — С. 282.

⁸¹ Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — С. 35.

⁸² Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений в четырёх томах. Том I. — М.: Прогресс, 1995. — С. 198–200.

⁸³ Вернадский В.И. Собрание сочинений в 24 томах. Том 12. — М.: Наука, 2013. — С. 52–53.

В западном понимании цивилизации речь идёт об утверждении величественного порядка, отгороженного («город», «град на холме») от примитивного окружения и внешнего хаоса истории. Отсюда миссия цивилизации может быть описана как силовая модернизация и культуртрегерство, карательный тип «воспитания непокорных», гуманитарные интервенции, приведение к мирному (расіfice) состоянию. Одним словом, это модель «цивилизаторская».

В китайском мироощущении цивилизация зиждется на «светлых письменах», утончённой и развитой культуре, несопоставимой по своему уровню с культурой внешнего окружения, варварскими народами. Здесь уже речь идёт не о миссии культуртрегерства, а скорее о поддержании равновесия и гармонии за счёт того, что Великий Китай займёт подобающее ему положение, иерархически высшее по отношению ко всем остальным обществам, сознающим его превосходство и пользу от взаимодействия с ним.

В модели «Русского мира» закодирован принцип усыновления иных миров («Святая Русь-земля всем землям матери») — формула из «Голубиной книги»). В отличие от западной и китайской модели, это внутренняя глу-

бинная инклюзия не на основе силового политического или финансового господства, не на основе культурного или антропологического превосходства, но на основе «иоанновского» типа культуры, мира-Ковчега, «храма на холме» (в отличие от града на холме, храм на холме символизирует космос, сакральную вертикаль, открытую для всех к ней притекающих). Эта модель полностью соответствует модели русской поземельной соседской общины («общества», «мира», в течение многих столетий выполнявшего миссию воспроизводства антропотипа без жёсткого отсечения инокультурных и иноязычных элементов, но с ориентацией на «общее дело» с ними).

В трёх этих случаях мы видим разные образы цивилизации и, соответственно, разные предпосылки для формулирования мировых миссий, программ универсального развития человечества.

Русская цивилизация в крупных чертах двухконтурна. Это система «Государство — Русский мир», которая до сих пор развивалась в имперской либо квазиимперской форме. Государство выступало как твёрдое, жёсткое начало внутри цивилизационного целого, оно было подобно железному обручу, сдер-

живающему стихийную энергию, не позволяющему её расплескать, собирающему и направляющему её в ключевые точки развития и борьбы. В то же время Русский мир в его негосударственной активности был относительно самостоятелен, он строит собственный контур цивилизационного развития. В этой своей ипостаси Русский мир выходит за пределы ядра государства-цивилизации, не порывая с ним внутренней связи и рассматривая его как свой коренной домен, позволяющий постепенно фиксировать все завоевания, преодолевать смуты, восстанавливать временно утраченные позиции, относясь к нему как к прибежищу в неблагоприятных обстоятельствах. (Феномен двухконтурности Русского мира исследовался в работах уже упоминавшегося выше сборника «Доктрина Русского мира».)

Начинающийся в XXI веке бум государств-цивилизаций представляет собой естественную реакцию незападных обществ, которая была предсказана и отчасти запрограммирована первыми евразийцами, главным образом Н. С. Трубецким в его книге «Европа и человечество» (1920), том самом «катехизисе евразийства», о котором уже говорилось в данной работе. В известном смысле

время евразийства, такого, как оно замышлялось его отцами-основателями ещё в предреволюционные годы, — наступает только сейчас.

Здесь можно говорить и о сходство мировоззренческих ситуаций. Та ситуация, в которой происходило становление евразийства, породила близкие дискурсы. К таковым можно отнести, в частности, дискурс цивилизационного континента или материка. Материковая платформа метафоризировалась сто лет назад как образ для цивилизации. О «материковом сознании» писали русские футуристы, в первую очередь, Велимир Хлебников. Следуя построениям П. Н. Савицкого, о государствах-материках в их онтологической полярности по отношению к Британской империи (колониальной сети) писал К. А. Чхеидзе⁸⁴, и эта концептуализация буквально напоминает современную постановку вопроса о «государствах-цивилизациях» или «цивилизационных государствах».

Если уйти от западнцентристского взгляда, согласно которому концепт «государства-цивилизации» имеет смысл рассматривать только в его противоположении по отношению к «государству-нации», то открываются далеко идущие перспективы, в том числе и в плане научных изысканий. Когда мы не ищем государства-цивилизации среди «только» государств, желающих по тем или иным причинам выйти из общего ряда, а усматриваем их среди цивилизаций, то есть утверждаем их как особый тип цивилизаций, мы встаём на более фундаментальную исследовательскую и мировоззренческую позицию, не только политологическую, но и, главным образом, историософскую.

Диалектической парой государства-цивилизации должны быть

признаны вовсе не государства-нации (поскольку это разнопорядковые явления, как, например, Россия и Эстония, или Индия и Бангладеш) — такой диалектической парой могли бы быть признаны другие цивилизации, которые **не склонны или неспособны к политическому объединению**, исторически развиваются как многополярные в социально-политическом плане системы. Сама идея «государства-нации» зародилась в Западной Европе в довестфальскую эпоху как своего рода выход из тупика «войны всех против всех». В этом выразилось подспудное признание Европой неспособности к становлению на её основе государства-цивилизации (все попытки такого становления от империи Карла Великого, борьбы папы и императора за доминирование, войн за имперское наследство, вплоть до проектов Наполеона, Гитлера и теперь Европейского союза⁸⁵ — быстро приводили к краху такого рода иллюзий).

Цивилизационные платформы — более фундаментальные и устойчивые образования, чем какие бы то ни было государства, они могут переживать многочисленные смены режимов, империй, династий, формаций, разделений и воссоединений народов и союзов. При этом определённые государственные традиции могут быть лидерами цивилизационных ареалов и **постоянно возрождаться** в этом лидерском качестве.

В этой связи, возможно, **более точной была бы не формула «цивилизационного государства», а формула «цивилизационной государственности»**. Мысли об этом навеяны, в частности, не так давно отмечавшимся юбилеем тысячелетия российской государственности (это произошло в 2012 году — как раз в ходе этих юбилейных торжеств

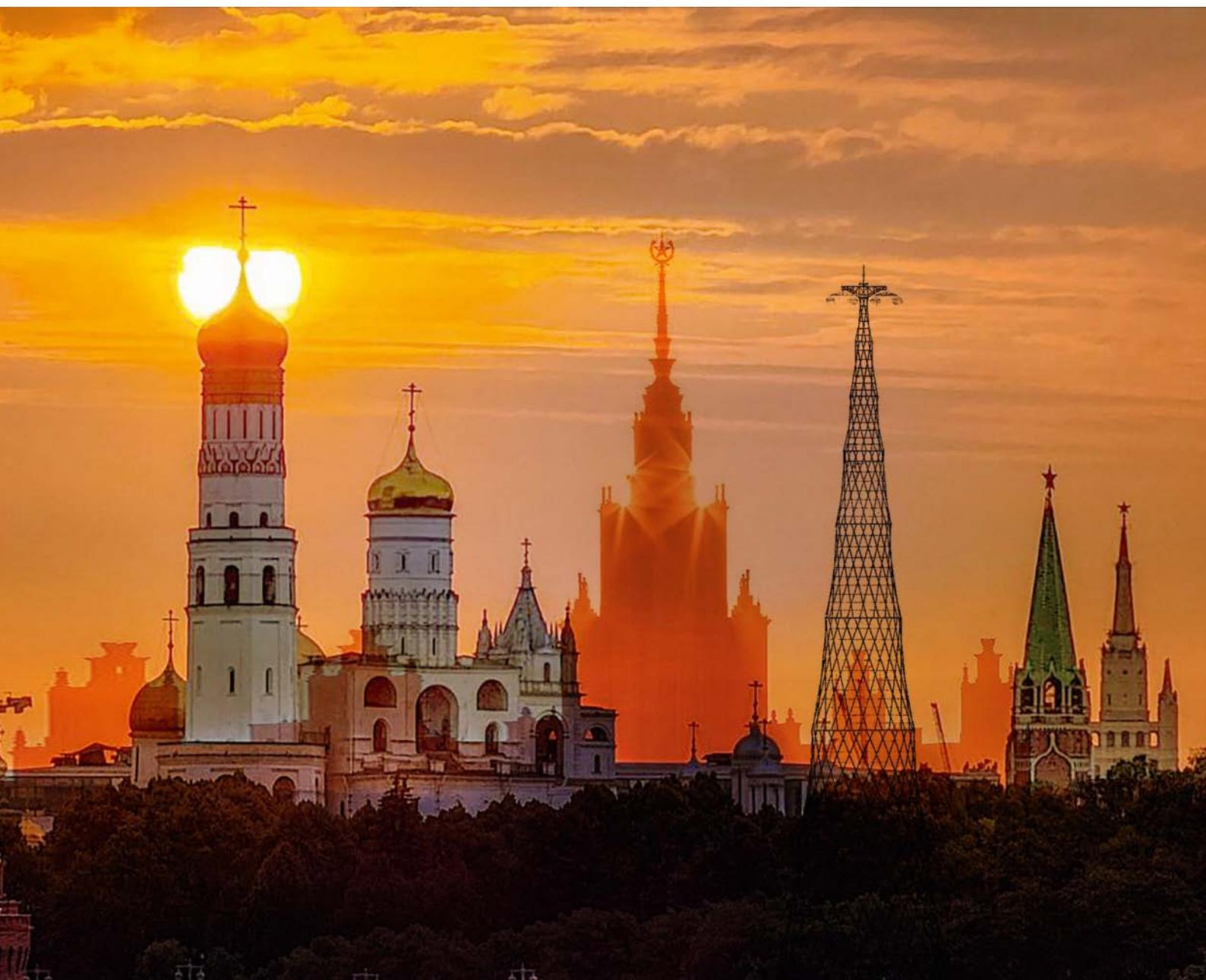
и был учрежден наш Изборский клуб). Для цивилизаций, и в особенности для государств-цивилизаций, характерно высоко ценить не столько конкретную форму государства, конкретный его исторический этап (что было бы чревато политическим фундаментализмом и узко ограниченным взглядом на прошлое), но ценить именно государственность как проходящую сложные и противоречивые перипетии, развивающуюся и воспроизводящую традицию-систему, успешно накапливающую исторически опыт и формирующую своеобразную политическую культуру. Такое бывает свойственно только стабильным и жизнестойким общностям, способным к выживанию и регенерации в особо сложных неравновесных состояниях внешней геостратегической среды⁸⁶. Даже отрицание предыдущего опыта на революционных переломных этапах в конечном счёте изживается и на смену ему приходит осознание более глубоких линий преемственности, которые очень сложно было бы искоренить или отбросить.

Цель настоящего доклада видится, прежде всего, в том, чтобы раскрыть идею цивилизационной эстафеты, которая уже не менее полутора веков осуществляется в пространстве русского мировоззрения, в первую очередь — в социальной философии. Преодолевая сопротивление среды, русские мыслители — творцы цивилизационной идеи — как будто «суживают круги» и приближают Россию как традицию-самосознание к моменту исторической зрелости. Отстающая, запаздывающая рефлексия российского общества, его политических и интеллектуальных элит всё ещё остаётся нашей острой проблемой, но через осмысление траекторий и достижений русской цивилизационистики роковая дистанция сокращается.

⁸⁴ Чхеидзе К.А. Лига Наций и государства-материки. // Евразийская хроника. Выпуск VIII. — Париж, 1927. — С. 32–35.

⁸⁵ См.: Баранчик Ю., Запольскис А. Евросоюз — империя, которая не состоялась (доклад) // Изборский клуб. 2015. № 2.

⁸⁶ Осмысление этих вопросов осуществлено в уже цитированной выше работе: Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм <...>, в которой была дана соответствующая концепция динамического консерватизма. См. также: Аверьянов В.В. Динамический консерватизм: принцип, теория, идеология. — В: Аверьянов В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. — М.: Книжный мир, 2015. — С. 91–126.

/ Валерия СПИРИДОНОВА /

«Государство- цивилизация» как новая формула существования в XXI веке

Три десятилетия кризисного существования России в конце XX — начале XXI в. в стране проводилась попытка радикальной смены экономической, политической и социальной парадигмы, а также приобщения к неолиберальному стандарту. В результате сформировалась ситуация, которая неоднократно имела место в её истории, — возникла необходимость сконцентрировать все силы на восстановлении и укреплении своей цивилизационной субъектности. Самой яркой исторической аналогией такого состояния называют период после поражения в Крымской войне, когда России, как и ныне, противостоял весь коллективный Запад. Она вынуждена была сконцентрироваться на стратегии цивилизационного сосредоточения по известной формуле А. М. Горчакова: «Россия не сердится. Россия сосредотачивается». Реформы начала XX в. также требовали аккумуляции усилий, квинтэссенция которых выразилась в вошедших в историю словах П. А. Столыпина: «Дайте Государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Эта установка получила своё продолжение после революции 1917 г., когда политическая реальность была определена как необходимость так называемой ленинской передышки.

Как в предшествующие периоды, так и сегодня, два главных фактора — внешнее давление сильных мировых держав и внутреннее экономическое неустойчивое — ставят перед страной задачу цивилизационного сбережения с акцентом на сохранении ядра самобытной системы ценностей. Анализируя современную стратегию России, профессор международных отношений и политических наук Калифорнийского университета А. П. Цыганков указывает, что сегодня важно сохранить витальную силу цивилизационного ядра, «используя уже

введённые в общенациональный дискурс идеи «государства-цивилизации» и консервативной державы». Как он замечает далее, «цивилизационщиков отличает от западников и державников убежденность в том, что основной источник процветания и развития находится в нас самих, а не в достижениях западной культуры»¹. Данная стратегия, однако, не означает приверженности политике самоизоляции, отказа от активного взаимодействия с миром, свободного заимствования — тем не менее при данных факторах сохраняются собственные цивилизационные основания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА

С 2010-х гг. в мировой политической риторике начала утверждаться концепция «государства-цивилизации», которая первоначально формировалась как антитеза европейской модели «национального государства». Отторжение идеи «национального государства» современными восходящими экономиком — такими как Китай, Индия, Россия и др. — связано с негативными воспоминаниями либо о колониальном прошлом этих стран, либо о чрезмерном давлении Запада, который продвигал модель государства-нации в качестве универсальной и безальтернативной для всего остального мира. Наиболее полно осознали преимущества пересмотра данной идеи китайские исследователи. Что касается России, она обратила внимание на эту концепцию, когда страна разочаровалась в возможности выстраивать равноправные отношения с Западом, а также возникла угроза суверенному существованию страны.

Более глубокий анализ показывает, что современная инициатива по преодолению европейской универсалистской парадигмы развития

связана не только со стремлением стран, которые считают себя тысячелетними цивилизациями, выйти за рамки навязанной извне модели национального государства. Дело и в императиве расширить само понимание цивилизаций и цивилизационного развития, которое до сих пор воспринимают как «европейское самоназвание», тождественное западному состоянию общества. Термин «цивилизация» в большинстве случаев продолжает подразумевать, что Запад представляет собой уникальную вершину человеческого развития, которая маркирует его отличие от «варварства» и «дикости» остального мира.

В XX в. распространились произведения Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Ф. Броделя, которые перевели дискурс о цивилизациях во множественное число и показали, что этот феномен связан с древними устойчивыми культурными конфигурациями. Соответственно, стало возможным размышлять о цивилизациях как о полноправных инструментах теоретического анализа, а в практической политике — говорить о перспективах «цивилизационных государств» в качестве политических проектов. Сегодня западные аналитики, хотя и считают новые концепции и проекты «цивилизационного государства» политическими изобретениями, экстраполируя на них идеи Б. Андерсона о «воображаемых сообществах», вынуждены признать значимость идеи «государства-цивилизации» для ведущих стран незападного мира. Согласно рассуждениям известного норвежского исследователя, профессора Кембриджского университета Й. Тернборна, «государства-нации» были продуктом европейского модерна, и в этом отношении развитые европейские государства в отдельности могут быть «национальными государствами», но никак не «цивилизационными государствами»,

¹ Цыганков А.П. Цивилизационная геополитика на рубеже эпох. // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. (<https://globalaffairs.ru/articles/sosredotochenie-ne-po-gorchakovu/>).

что вполне приемлемо, например, для таких стран, как Китай и Россия². Отсюда начинают признавать не только право незападных стран на особую форму политического существования, но и то, что у них есть определённое преимущество в плане преемственности с собственной длительной социально-политической традицией. Ибо цивилизации, согласно тезису французского историка Ф. Броделя, есть проявления глубинного слоя актуальной культурной геологии, они — «самый древний персонаж человеческой истории», «старец, патриарх мировой истории», существующий во «времени большой длительности»³.

В современную европейскую научную мысль концепт «государства-цивилизации» пришёл с книгой британского независимого исследователя М. Жака, который несколько лет преподавал в университетах Китая и Японии, а позднее стал научным сотрудником Центра международной стратегии и дипломатии Лондонской школы экономики. Его труд под названием «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка», который увидел свет в 2009 г., стал неожиданным открытием для европейского научного сообщества. М. Жак обратил внимание на то, что Китай не является национальным государством в европейском смысле этого термина, — впрочем, так же как Индия и большинство неевропейских государств. Однако стоит отметить, что в теоретическом плане эта идея возникла не внезапно. Её подготовил С. Хантингтон, который актуализировал цивилизационный аспект анализа международных отношений после окончания холодной войны тезисом о столкновении цивилизаций. М. Жак в своей работе конкретизировал данный тезис на примере подъёма Китая,

который, по его мнению, обозначил состояние «раскола современности», открыл «новую эру оспариваемой современности» (a new era of «contested modernity»)⁴, бросив вызов европейской цивилизации модерна и универсалистскому проекту развития.

На публикацию М. Жака активно откликнулись сами китайские учёные, для которых перестройка мировой системы в сторону многополярности совпала с необходимостью обосновать новую суверенную парадигму развития страны. Наиболее известной работой в данном направлении стала книга китайского профессора Чж. Венвэя «Китайская волна: подъём цивилизационного государства», которая получила широкий отклик в европейском интеллектуальном пространстве. В 2017 г. китайского учёного пригласили в один из старейших университетов Германии — Международный университет Шиллера, где он прочитал лекцию по тематике своей книги, после которой прошла дискуссия в рамках мероприятия «Диалог цивилизаций» по посредничеству между Китаем, США и другими странами.

Признавая своеобразие Китая как тысячелетней цивилизации, европейские учёные, однако, остались в рамках прогрессистской идеологии и сочли, что цивилизационный акцент есть дань «до-современности» как пройденному этапу в эволюции политической и социальной реальности. Ч. Венвэй, напротив, утверждает, что «цивилизационное государство» представляет собой новую модель развития и новый политический дискурс, «которые в совокупности открывают новую страницу в истории человечества»⁵.

В отличие от индивидуалистической основы национального государства, идея «государства-цивилизации» имеет холистскую природу и опира-

ется на синергию культурной традиции и переосмысления западной концепции ценностей демократии и прав человека. Европейский взгляд на сущность государства, по сути, конфронтационный, он видит в государстве неизбежное зло, которому нужно противостоять. В китайском же сознании государство воспринимается в этической парадигме как добродетель. Оно должно сохранять единство «больших пространств», характерных для цивилизационных государств, способствовать формированию солидарности между его многонациональными составными частями и интегрировать усилия для успешного развития экономики в обстоятельствах не слишком благоприятных условий проживания.

Исторически особая ценность категории «общего» в китайском обществе оформилась как реакция на необходимость координировать усилия в борьбе со стихией, ярким примером которой было обуздание мощи двух великих рек Янцзы и Хуанхэ, имеющих решающее значение для китайской экономики и выживания народа. Такие факторы, как указывал представитель французской школы «Анналов» Ф. Бордель, создают фундаментальные основы цивилизаций, отражая давление «материальной цивилизации», формируя «структуры повседневности» и порождая «диалектику возможного и невозможного» в конкретно заданных природных рамках существования.

Сохранение цивилизационной природы китайского государства сегодня позволяет не только решить важнейшие внутренние проблемы страны, но и предложить миру новый проект грядущего развития. В современном Китае в рамках неоконфуцианства продвигается идея обновления фундаментального принципа соли-

² Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. No. 14. P. 234.

³ Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. — С. 60.

⁴ Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. — London: Penguin Books, 2012. — P. 11.

⁵ Weiwei Zh. The China Wave: The Rise of a Civilizational State. — Singapur: World Century Publishing Corporation, 2012. — P. 174.

дарности «всех под небесами» (Тяньси) в формате «Тяньси 2.0», который предполагает не только пересмотр основы внутрикитайского единства под лозунгом «одна система, разные модели», но и преобразование мирового порядка через воплощение принципа «один мир, разные цивилизации»⁶.

Если в основе Вестфальской системы потенциально был заложен принцип конкуренции и стремления к гегемонии, то китайская идея «Тяньси 2.0» подразумевает согласование действий разных государств, однако Запад воспринимает её как «новый китайский универсализм» и претензию Китая на мировое господство. Китайскую инициативу трактуют как стремление создать «всеохва-

тывающую систему управления с центральной ролью в ней синосферы и мировым правительством под руководством Китая»⁷. Поскольку исходной точкой для такой внешнеполитической программы развития стала концепция «цивилизационного государства», последнее рассматривают как фундаментальную угрозу всему неолиберальному проекту. Тем не менее западноевропейское научное сообщество единодушно признаёт, что идея цивилизационного государства оказалась наиболее органичной именно для Китая, который считают едва ли не единственной высокой культурой человечества, обладающей тысячелетней непрерывной традицией. К тому же китайское государство — едва ли не единственное, в котором

исторические границы полностью совпадают с цивилизационными.

В отношении Индии складывается более сложная ситуация, которая и внутри, и вовне вызывает острые дискуссии о том, какой путь должна избрать страна — путь «государства-цивилизации» или «национального государства», близкого к европейскому образцу. Помимо длительного британского влияния немаловажную роль в данном интеллектуальном сомнении играет прерывистость истории индийской цивилизации, отмеченной исчезновением первоначальной культуры долины Инда, а также пестрота современных культурных практик на территории страны, которая затрудняет их отнесение к единой цивилизации.

⁶ Xu J. The New Tianxia: Rebuilding China's Internal and External Order // In: Xu J. Rethinking China's Rise. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. — P. 88–113.

⁷ Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2021. Summer. P. 102.

Что касается России, то универсалистская формула национального государства оказалась мало или вовсе не применимой к российским реалиям, так как она стимулирует дезинтеграцию страны и распад государственности. В то же время другая исторически релевантная политическая идея — идея империи — в период торжества неолиберализма повсеместно подвергалась резкой критике. Находясь под сильным идейным влиянием западной мысли, Россия в конце XX — начале XXI в. не видела возможности вернуться к имперскому образцу существования. На данном фоне отмечались попытки ввести в научный оборот такие абстрактные конструкты, как «региональная интеграция» (А. Неклесса) или «импероподобное образование» (А. Фурсов), которые должны были обозначать новую форму российского политического устройства.

После того как В. В. Путин в 2013 г. впервые использовал термин «государство-цивилизация» применительно к России, во многих западных работах, посвящённых проблеме возвращения цивилизационной тематики в научную повестку, появились разделы, анализирующие «российское евразийское государство-цивилизация» и перспективы его развития⁸. Главное преимущество новой концепции, несомненно, состоит в том, что благодаря интенсификации культурного синтеза в условиях огромной территориальной протяжённости и этнического многообразия России цивилизационный ракурс анализа позволяет решить основную экзистенциальную проблему её многоконфессионального и климатически мозаичного бытия — проблему связности в пространстве и историческом времени⁹.

ОТ «ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ» К «МИР-ЦИВИЛИЗАЦИИ»

С развитием цивилизационного процесса становится всё более очевидным формирующийся императив перехода к новой, макро-региональной структуре мирового сообщества, которую наиболее адекватно можно выразить не столько модусом «государства-цивилизации», сколько более широким понятием «мир-цивилизация». Подобную формулировку впервые обозначил французский историк Ф. Бродель, в трудах которого она присутствует в виде специфической лексической конструкции «мир с тире» («мир-»). Она встречается у него в нескольких сочетаниях: «мир-экономика», «мир-цивилизация», «мир-культура», «города-миры». Сочетание «мир-цивилизация» отражает взаимопроницаемость и глубокий симбиоз разных сфер социальности — экономической, политической, культурной, социологической. Данная конструк-

ция, как поясняет Бродель, означает самодостаточность, независимость от других таких же образований, «в общем, *некий мир в себе, некую целостность*». Её особый смысл состоит в том, что она концентрирует внимание на единстве структур в пространстве и их устойчивости во времени, а также способствует сосредоточению на внутренней сплочённости, что важно для понимания существа цивилизаций, которые находятся в процессе преобразования или восстановления. Введение категории «мир-цивилизация» в современную политическую риторику позволяет указать на расширение области цивилизационного охвата и сферы цивилизационного воздействия, которые выходят за границы конкретно политических интерпретаций государственности, а также за границы наций или этносов. Новое понятие снимает внутреннее семантическое и логическое противоречие концепта «государство-цивилизация», которое возникает между составными элементами данного термина, опи-

⁸ Coker Ch. The Rise of the Civilisational State. Cambridge: Polity Press, 2019; Pabst A. China, Russia and the Return of the Civilisational State // New Statesman. 2019. 8 May. (<https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>).

⁹ Помимо Китая, Индии и России о своей приверженности идее цивилизационного государства в последние годы всё явственнее заявляют другие страны. Среди них выделяется Турция, которая стремится использовать возникший «геополитический вакуум» на Ближнем Востоке и в Центральной Азии для узко прагматических целей расширения зоны своего влияния. К этой четвёрке государств, каждое из которых по-своему восприняло формулу «государства-цивилизации», начинают присоединяться новые страны, у которых пока нет глубокой концептуализации данного понятия. Среди них, например, Египет.

рающимися на разные основания: сугубо институциональное толкование «государства», преобладающее в западной мысли, и духовно-культурный базис «цивилизации».

«Мир-цивилизация» может охватывать несколько политических образований, множество национальных и этнических сообществ. О том, что данный смысл уже присутствует в политической реальности, свидетельствует тот факт, что в политико-философском дискурсе появилось такое понятие, как «синосфера» (Sinosphere). Оно предполагает социокультурное единство целого кластера стран Юго-Восточной Азии, в роли цивилизационного фундамента которого выступает китайская иероглифическая письменная традиция. К области «синосферы», или китайского «мира-цивилизации», в настоящее время причисляют культуры таких стран, как Корея, Япония и Вьетнам.

Недавно данную идею восприняла практическая политика, в результате чего она стала оформляться в виде концепта «китайского мира». Его исходные мотивы были отмечены уже в Средневековье. Указывая на грядущую возможность Китая образовать обширный территориальный «мир-цивилизацию», Ф. Бродель отмечал, что с самого начала Китай окружил себя «гирляндой» зависимых государств — Кореей, Вьетнамом, Тибетом, Монголией. Такое единение признается до сих пор, так как Китай имеет культурно-мировоззренческое влияние на Корею, Японские острова и на Северный Вьетнам — районы, которые сближает материальная цивилизация, основанная на сельском хозяйстве с влажным рисом, а также исторически сложившаяся руководящая традиция классического канона конфуцианской философии.

Интегрирующим моментом для всех стран синской цивилизации

стала этическая система понятий, центральное место в которой занимают категории долга и гармонии, что формирует характерный для этого региона социоцентризм. Европейский акцент на индивидуализме в системе заменяет идеал соразмерности и согласованности, особое внимание уделяется взаимоотношениям и коллективным действиям, создающим такое глубинное единение. Дуализму добра и зла, характерному для западного наследия, противопоставляется стремление избежать антагонизмов в политических решениях, предпочитая конфронтации и обострению мягкое согласование позиций. Ориентация на гармонию в совокупности с долгосрочным планированием — ведущий принцип внешнеполитического курса Китая. Также важной для области «синосферы» стала китайская иероглифическая письменность, которая долгое время была языком общения во всём регионе для образованной части общества, создавая общее культурное поле поверх национальных границ. Идеографическая система письма остаётся составной частью классического образования Восточной Азии¹⁰.

Потенциально схожая ситуация исторически существовала в цивилизационном ареале «индийского мира». Ф. Бродель отмечал, что Ин-

дия уже во времена Средневековья превратила Индийский океан в своё внутреннее море — от восточного побережья Африки до берегов Индонезии — подобно Средиземноморью, создав тем самым основу собственного «сверхбольшого пространства». В настоящее время индийское влияние частично распространяется на современную Индонезию, Камбоджу, Таиланд и Мьянму, которых некогда роднила общность санскритского языка. Данные государства заимствовали свою письменность из Индии, она легла в основу бирманского, кхмерского и лаосского алфавитов. Глубокое влияние индийской культуры проявляется также в формате официальных государственных церемоний: тайские короли и ныне традиционно нарекаются божественным именем Рамы.

В то же время общецивилизационная индийская идентичность находится под вопросом. Несмотря на недавние попытки лингвистической и культурной повторной санскритизации, сама индийская цивилизация имеет хрупкую преемственность. Её центральным религиозным компонентом когда-то был буддизм, но его заменил индуизм. Отсутствие государственной централизации маргинализирует ритуальные индуистско-буддийские концепции как в самой Индии, так и в тех странах, на которые

Введение категории «мир-цивилизация» в современную политическую риторику позволяет указать на расширение области цивилизационного охвата и сферы цивилизационного воздействия, которые выходят за границы конкретно политических интерпретаций государственности, а также за границы наций или этносов. Новое понятие снимает внутреннее семантическое и логическое противоречие концепта «государство-цивилизация».

¹⁰ Японская письменная культура и поныне включает в себя ряд китайских иероглифов, а в Корейском университете Сеула студенты при поступлении обязаны знать в обязательном порядке около 2000 китайских иероглифических символов. Кроме того, именно классическое образование лежит в основе меритократической системы административного отбора, которая сохранилась и признаётся не только в Китае, но также получила распространение в соседних с ним Корее и Вьетнаме. Такое общее цивилизационное наследие на самом деле может стать основой для утверждения структуры совокупного «китайского мира».

сегодня всё больше распространяется влияние соседнего Китая¹¹.

Помимо религиозных противоречий ситуация осложняется последствиями глубокой колониальной травмы. Одним из итогов британского наследия стало замещение санскрита через широкое распространение английского языка среди высшей элиты страны, что порождает раскол внутри самой Индии. Он имеет исторические корни. Немалую роль в его формировании сыграли инициативы историка и члена колониальной администрации Британской Индии Т. Маколея, родоначальника создания новой образовательной системы. Она преследовала прагматические цели формирования класса посредников между англичанами и туземным населением, «класса людей, индийцев по крови и цвету кожи, но англичан по вкусам, мнениям,

нравам и интеллекту»¹². Через данный класс, говорил Т. Маколей, Британия может усовершенствовать местные диалекты страны, обогатить их научными терминами, заимствованными из западной номенклатуры, и постепенно сделать эти термины пригодными для передачи знаний широким массам населения. Выступая против распространения санскрита в индийских учебных заведениях, он писал, что «одна полка хорошей европейской библиотеки стоит всей местной литературы Индии и Аравии». Усилия Т. Маколея принесли свои плоды. Несмотря на то что индийская элита, воспитанная на английской системе образования, в XX в. восстала против Британии, те, кто получил «маколеевское образование», гордятся им и поныне. Сегодня большая часть индусов, ставших оппонентами политической идеи «государства-цивилизации»

и выступающих за «европейский путь» национального государства, относят себя к тем, кто следовал британскому образовательному стандарту.

Идея Ф. Броделя о «гирлянде государств» как характерной черте китайского и индийского регионов получила неожиданное развитие в современных исследованиях Юго-Восточной Азии. Так, американский историк восточных цивилизаций Т. Чунг в духе обновлённой геополитической теории полагает, что Китай и Индия сегодня являются «цивилизационными близнецами Гималайской сферы». Основание для данного предположения он видит в том, что каждая из этих культур рождена в долинах двух великих рек — Инда и Ганга в Индии и Янцзы и Хуанхэ в Китае. Их устья очерчивают контуры, соответственно, «сферы индийской» и «сферы китайской» цивилизаций, не имеющих аналогов в Западном полушарии. Именно такой «сферический» абрис, утверждает он, ведёт к устойчивости культурных традиций на больших пространствах азиатского мира — от отличие от конъюнктурных циклов эволюции государств европейского типа по типу «подъём — расцвет — упадок». Результатом, заключает он, становится приверженность восточных государств пути «государства-цивилизации» в ущерб пути «национального государства», что составляет коренное различие Востока и Запада¹³.

Идея «мир-цивилизации» может оказаться плодотворной и для России. Ее цивилизационная субъектность сопряжена с географическим регионом северной Евразии, что, по единодушному признанию западных экспертов, отличает её от Китая и Японии, где цивилизация и государство исторически совпадали, а также от евро-американской цивилизации, которая имеет идеологическую природу, связанную

Россия отличается тем, что на её территории длительное время сосуществует огромное количество этносов и национальностей. Данное разнообразие намного превосходит индийское и китайское. Если к упомянутому фактору добавить полиэтничность сопряжённых пространств, которые потенциально представляют собой вероятный российский «мир-цивилизацию» в силу долговременных экономических, культурных и исторических связей, то проблема становится ещё очевиднее. В данном контексте идея «мир-цивилизации» представляется действенной для предотвращения центробежных тенденций в развитии этнонациональных идентичностей, равно как и для создания основы консолидации исторически и культурно общего «сверхбольшого» российского пространства.

¹¹ Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. No. 14. P. 231–232.

¹² Macaulay T.B. Minute. 1835. Dated 2nd February. (http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00generallinks/macaulay/txt_minute_education_1835.html).

¹³ Chung T. The Path of “Civilization State” as Against the Road of “Nation State” // Shanghai Daily. 2015. November 20. (<https://archive.shine.cn/opinion/The-path-of-civilization-state-as-against-the-road-of-nation-state/shdaily.shtml>).

с либеральным и неолиберальным проектом. Россия отличается тем, что на её территории длительное время сосуществует огромное количество этносов и национальностей. Данное разнообразие намного превосходит индийское и китайское. Если к упомянутому фактору добавить полиэтничность сопряжённых пространств, которые потенциально представляют собой вероятный российский «мир-цивилизацию» в силу долговременных экономических, культурных и исторических связей, то проблема становится ещё очевиднее. В данном контексте идея «мир-цивилизации» представляется действенной для предотвращения центробежных тенденций в развитии этнонациональных идентичностей, равно как и для создания основы консолидации исторически и культурно общего «сверхбольшого» российского пространства.

Появление в теоретическом дискурсе о цивилизации новой концепции «государства-цивилизации» многие западные исследователи рассматривают как угрозу неолиберальному порядку — и прежде всего, концепции «государства-нации». Такое опасение,

а также то, что евро-американский «мир-цивилизация» всё более очевидно теряет «монополию на ценность», заставляет западных учёных в порядке самообороны сконцентрировать свои усилия на ренессансе и переосмыслении концепции собственной западной идентичности в новых исторических условиях. Возникают сожаления по поводу того, что за завесой универсализма Европа утратила собственное лицо и свою европейскую сущность, превратившись в некую формальную модель, «абстрактную операционную систему» для тестирования возможности её использования в разных регионах мира.

Данные процессы подтверждают тезис о том, что евро-американский «мир-цивилизация» — вовсе не высшая цель всемирной эволюции и обязательный «паттерн» для усвоения странами «остального мира», не проект с универсалистским призванием. Она — всего лишь одна из многих локальных цивилизаций наряду с другими, такая же «мир-цивилизация» макрорегионального характера, как и российский, китайский и индийский «мир-цивилизации». Особенность европейской макросистемы состоит, прежде всего, в том, что во-

лею судеб она оказалась историографически лучше описана, нежели другие. Второй её характерной чертой является то, что благодаря своей активности, переходящей в историческую агрессивность, она сумела перешагнуть через Атлантику и начать историю Европы заново на новом континенте, расширившись таким образом до евро-американского «мира-цивилизации», мессианский характер которого создал претензию на универсальность. Сегодня, однако, становится ясно, что данная локальная цивилизация, возможно, исчерпала свой энергетический импульс и достигла некоторых пределов экстенсивного расширения. Возникают новые центры силы, среди которых прежде всего выделяются такие крупные «мир-цивилизации», как Китай, Россия и Индия. Они находятся на пути самоидентификации, которая неизбежно приведёт к новому абрису мирового порядка, главными чертами которого, несомненно, будет многополярность и многоцивилизационность.

Статья впервые напечатана в другой редакции в журнале «Общественные науки и современность» (2022. № 3. С. 116–127).

О методологии государства-цивилизации. Русский ракурс

(Авторский доклад Вардана БАГДАСАРЯНА)

КОНФЛИКТ С КОНСОЛИДИРОВАННЫМ ЗАПАДОМ КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Конфликт с консолидированным Западом — теперь уже даже не в формате новой холодной, а реальной войны, заставляет, наконец, признать как минимум: мы — другие. То, что Запад является стороной конфликта, — очевидно, и его участие многомерно. Масштабность войны, выражаемая мобилизацией ресурсов всего западного сообщества, позволяет говорить, что конфликт не является конъюнктурным. Противостояние Россия–Запад — это не споры между собой «маркграфа Саксонского и курфюрста Бранденбургского»¹. Проигрыш России в этой войне означал бы для неё цивилизационное уничтожение, а вероятно, и физическое уничтожение как биоматериала населяющих её народов. Поражение же Запада было бы крахом выстраиваемой столетиями западнцентричной паразитарной системы. Так противостоят друг другу, когда не просто различают-

ся интересы (в этом случае можно было бы элементарно договориться), а различаются ценности. И не просто различаются.

Само различие ценностей ещё не программирует конфликта. Есть цивилизации, для которых существование иного, в сущности, индифферентно, ввиду того, что не затрагивает собственно бытия. Конфликт же такого рода, как конфликт Россия–Запад (или правильнее — Запад–Россия, поскольку иницирующей стороной всякий раз в нём выступало западное сообщество), исторически воспроизводимый, предполагает ценностный антагонизм. Без понимания, в чём различаются наши ценности, нельзя и понять природу конфликта. А без этого нельзя понять, из-за чего и во имя чего идёт борьба. Не понимая же, ради чего следует бороться с врагом и даже, если нужно, воевать, невозможно победить².

Возникает очевидная исследовательская задача — изучить себя и изучить противника посредством применяемого в таких случаях компаративистского анализа. Но, не-

смотря на эту кажущуюся очевидность её со стороны тех, кого можно назвать «распорядителями слов» (наука, образование, журналистика, сфера культуры), пытаются размыть, подменить другими. Прежде это делалось откровенно через отрицание права России на собственное ценностно-смысловое генерирование. Мол, есть лишь один универсальный путь, по которому идут все успешные, то есть западные, страны. Однако сегодня самые одиозные западники либо уехали, либо закамуфлировались. Закамуфлированные западники объявляют даже себя патриотами, а то и сторонниками идеи России как государства-цивилизации. Однако за этими декларациями прослеживается протаскивание прежних подходов.

Одним из приёмов такого рода является отрицание ценностной антагонизменности. А если нет антагонизмов, то нет, следовательно, и парадигмальной войны. И если нет антагонизмов, не может быть Добра и Зла. Ну а там, где нет Добра и Зла, они смешиваются и не отделяются друг от друга, общество гибнет. Атрофированность умения отличить

¹ Ульянов Н.И. Исторический опыт России. Нью-Йорк: Printed By Rausen Bros. New York City, 1962. 32 с.

² Багдасарян В.Э. Россия–Запад: цивилизационная война: монография. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2017. 410 с.

Добро от Зла является главным фактором эрозии и гибели цивилизаций в прошлом.

Другой приём состоит в апелляции к науке. Заявляется, будто бы наука не может быть русской или американской, так как всегда адресуется к истине, которая универсальна. А дальше идёт аргументация по принципу, как известно или как признано во всём мире... В итоге западнические идеологические деструктивные концепты протаскиваются под видом общепризнанных научных положений. Таким же образом заполняет когнитивное пространство набор западнических дефиниций, раскрываемых таким образом, что они задают представления о российской патологии и архаике.

В действительности в общественных науках нет ни одного общепризнанного положения и ни од-

ной универсально принимаемой дефиниции. Когда заявляется, что такие универсалии есть, имеет место лукавство, применяемое для их принятия посредством ссылки на признанность. Любые подходы, интерпретации, дефиниции и их раскрытие сопряжены в общественных науках с выбором в пользу некоего ценностного фундамента. Такой фундамент часто задаётся цивилизационными или национальными рамками.

Третий приём состоит в том, чтобы заявить свою приверженность направлению, маркируемому как патриотическое, но наполнить его иным содержанием. Так, например, происходит с использованием определения России как государства-цивилизации. Ввиду использования понятия «государство-цивилизация» на высшем государственном уровне недавние сторонники теории мо-

дернизации как модифицированной версии либерального подхода объявили вдруг себя приверженцами цивилизационного подхода. При этом о цивилизациях говорят как о трендах, выборе развития, совокупности факторных обстоятельств. К цивилизационному подходу это всё не имеет отношения.

Цивилизационный подход — это не тренды, не выбор и не меняющиеся обстоятельства. В основе цивилизационного подхода находится идея констант. Цивилизационные константы исторически воспроизводимы. Меняются формы, политический язык, технологии, но ценности и принципы жизнеустройства остаются неизменными. Их неизменность и позволяет говорить, что та или иная константность продолжает существовать. Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, современная Россия — это всё модификации одной и той же цивилизации — русской. Сегодня имеет место её пятая историческая модификация.

Необходимость обращения к теме цивилизационных различий России и Запада сопряжено ещё и с тем, что до последнего времени рецептура подходов во всех сферах жизнеобеспечения опиралась на западный теоретический и практический арсенал. Будучи адаптивен к цивилизации Запада, он оказывался не просто нефункционален в России, но и имел деструктивные последствия для российской государственности.

Цивилизации — это не только культурные различия народов, но и вырабатываемые тысячелетиями фундаментальные особенности жизни сообщества людей. В этом смысле можно говорить о социальных цивилизационно-ценностных генетических кодах, сходных, по существу, с биологическими кодами живых организмов. И если мы понимаем, что в биологическом случае генетические мутации приводят к уродствам и к гибели организма, то ровно так же попытки вторжения

Заявляется, будто бы наука не может быть русской или американской, так как всегда адресуется к истине, которая универсальна. А дальше идет аргументация по принципу — как известно или как признано во всём мире... В итоге западнические идеологические деструктивные концепты протаскиваются под видом общепризнанных научных положений. Таким же образом заполняет когнитивное пространство набор западнических дефиниций, раскрываемых таким образом, что они задают представления о российской патологии и архаике. В действительности в общественных науках нет ни одного общепризнанного положения и ни одной универсально принимаемой дефиниции. Когда заявляется, что такие универсалии есть, имеет место лукавство, применяемое для их принятия посредством ссылки на признанность. Любые подходы, интерпретации, дефиниции и их раскрытие сопряжены в общественных науках с выбором в пользу некоего ценностного фундамента. Такой фундамент часто задаётся цивилизационными или национальными рамками.

в социальный цивилизационно-ценностный генетический код приводят к не менее опасным последствиям. Как и в биологической природе, в цивилизационном поле действуют принципы наследственности, нескрещиваемости ареальных условий обитания, существенно усложняясь и частично модифицируясь. Цивилизации подобны экосистемам, искусственное вторжение в которые необратимо приводит к их разрушению.

Российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационно идентичном цен-

ностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф.

Реформы в России часто проводились по западническим лекалам. Потом происходила адаптация к российскому цивилизационному контексту. Ценой очередной мобилизации осуществлялось на сле-

дующем акте возвращение к себе, восстановление идентичной модели. Известная фраза, что в России, что бы ни делали, всё равно будет создан автомат Калашникова, может быть отнесена и к российской государственности. Что бы ни задумывали создать, всё равно создавалось Русское царство. Имея в виду этот опыт, было бы целесообразно исходно задать государственные и общественные практики сообразно с природой российской цивилизации. Но чтобы совершить такой шаг, надо первоначально определить её сущностные особенности.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД VS ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСКУССИЕЙ

Доминирующим подходом в российских общественных науках до Специальной военной операции являлась теория модернизации. На основе теории модернизации был, в частности, выстроен историко-культурный стандарт, с которым должны были быть соотнесены все школьные учебники истории³.

Понятие «модернизация», ассоциируемое с идеей развития, многих ввело в заблуждение. Но понятие модернизации и концепция модернизации не были тождественны. Концепция модернизации утверждала определённое видение мирового исторического процесса и связывалась в большей степени с идеей универсальности. Универсальность при этом прочитывалась с позиций западноцентризма⁴.

Теория модернизация начала оформляться ещё в конце 1950-х годов, став новой камуфлированной версией либерального прогресса. Мировой исторический процесс виделся в следующей схематической развёртке. Исходно существовал мир традиционных сообществ, характеризующихся вариативностью. Вариативность задавалась различием религий, производных от них традиций, институций жизнеобеспечения. Но от вариативности Древнего мира человечество должно было прийти к универсальности современного бытия. Путь от вариативности прошлого к универсальности будущего и составляет суть модернизации⁵.

Модернизация, таким образом, есть исторический этап упразднения цивилизационной вариативности и традиций, сопряжённых с традиционными ценностями, к чему и обращается в настоящее время в условиях СВО российское государство. Теория модернизации, к которой апеллировали ранее в дискурсе переходного от либерализма к консерватизму этапа, оказывает-

ся, таким образом, оппозирующим концептом той суверенной системы мировоззрения, которая выстраивается в России в логике противостояния с Западом. И либо делается выбор в пользу теории модернизации, либо — цивилизационного подхода, одно исключает другое.

Исторически западная экспансия и колониализм имели расистское обоснование. Теория модернизации

³ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>

⁴ Дугин А.Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки. // Вестник государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21.

⁵ Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. 207 p.; Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. 165 p.; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London: Free Press of Glencoe, 1965. 466 p.; Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton: Princeton University Press, 1966. 886 p.

не стала, как может показаться, его отрицанием, а, напротив, продолжила расистскую линию в камуфлированном виде.

Расовая теория заявляла деление человечества на высшие и низшие сообщества. На каком-то этапе прямая расистская пропаганда стала выглядеть одиозной и была замещена менее вызывающими концептами. Таким замещением явилась, в частности, эволюционная теория. Она вовсе не отрицала расизм, а корректировала его в проекции времени. Деление на народы высшие и низшие было заменено на народы передовые и отсталые. Передовыми оказывались народы, принадлежащие к западному сообществу, отсталыми — незападные. Незападные народы должны были пройти путь западных народов, заявляемый единственно возможным. Иные варианты развития, чем развитие по пути Запада, даже как потенциальная возможность, не допускались. В отношении же тех случаев, когда некий альтернативный вариант развития был налицо, как в случае с Россией, использовался маркер девиации.

Теория модернизации продолжала логически линию, заданную ранее расовой и эволюционной теориями. Дифференциация человечества на передовые и отсталые сообщества была представлена в ней через дифференциацию на сообщества модернизированные и традиционные. Традиционные ценности и традиционные институты жизнеобеспечения в этой версии осмысления истории оказывались помехами для модернизации.

Теория модернизации задавала подходы, следуя которым пазлы складывались против России если не на первом, то на втором или третьем акте. Для России использование её было несовместимо с собственной идентичностью. Но эта теория пара-

доксальным образом доминировала в российском обществоведческом дискурсе (да и, несмотря на президентские указы, продолжает доминировать). Россия вообще в западном обществоведении оказывалась условным полюсом враждебного мира. Рональд Рейган называл ее Мордором и Империей зла.

В расовой теории Запада русские позиционировались как азиаты и варвары. Они были хуже и опаснее в расистской иерархии, чем другие народы незападного мира. Состоянию дикости в образном ряду западных расистов соответствовал образ «чёрного», варварства — «жёлтого» и цивилизации — «белого». Русские же были белыми, но относились к варварам. Белая кожа рассматривалась как оболочка, за которой скрывалось азиатское содержание. В этой псевдозападности и виделась основная опасность русских. Из определения русских как иных, «неправильных белых» была производна и западная русофобия.

Россия фактом своего существования привносила диссонанс и в теорию эволюции. Она не стояла на месте, очевидным образом развивалась. Но её развитие не соответствовало западным представлениям о том, каким оно должно и может являться. Русское развитие было в западных представлениях неправильным. Более того, оно, утверждая возможность иного, подрывало всю логику эволюционной теории и самоопределения Запада как передового сообщества. Отсюда маркировка русского пути как девиантного, отклонения от направления эволюции⁶.

В теории модернизации Россия стала маркироваться как немодернизируемая страна. Казалось бы, в XX столетии она предъявила миру модель форсированного развития. Но в том-то и дело, что теория модернизации была не о развитии, а о соответствии западной модели развития, выдаваемой за единственно возможную. Россия признавалась немодернизируемой, во-первых,

В теории модернизации Россия стала маркироваться как немодернизируемая страна. Казалось бы, в XX столетии она предъявила миру модель форсированного развития. Но в том-то и дело, что теория модернизации была не о развитии, а о соответствии западной модели развития, выдаваемой за единственно возможную. Россия признавалась немодернизируемой, во-первых, ввиду немодернизируемости российского государства. Она всякий раз после очередной попытки демократизации и либерализации воспроизводила авторитарную империю. Немодернизируемым, во-вторых, объявлялся русский народ, его сознание. Немодернизируемой, в-третьих, объявлялась Русская православная церковь. Из всего этого следовало, что Россия есть «чёрная дыра истории», полюс антимодернизации.

⁶ Меттан Ги. Запад–Россия. Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: АСТ, 2023. 448 с.; Танышина Н.П. Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России. СПб: Евразия, 2020. — 352 с.

ввиду немодернизирруемости российского государства. Она всякий раз после очередной попытки демократизации и либерализации воспроизводила авторитарную империю. Немодернизирруемым, во-вторых, объявлялся русский народ, его сознание. Народ обнаруживал всякий раз, в противоположность пропагандируемым свободам, установки антииндивидуализма. Немодернизирруемой, в-третьих, объявлялась Русская православная церковь. Само определение православных как ортодоксов (перевод понятия православный на латинский и другие европейские языки) подчёркивало его немодернизирруемость. Православию приписывалось устойчивое генерирование идеологии русского имперского мессианизма. Немодернизирруемыми оказывались, таким образом, все составляющие российской цивилизации — государство, народ и церковь. И из всего этого следовало, что Россия есть «чёрная дыра истории», полюс антимодернизации⁷.

ЗАПРОС НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Базовой интегральной категорией политологического препарирования цивилизационного подхода является понятие «государство-цивилизация». Ряд государств мира, чаще в их историческом преломлении, и Россия в том числе, характеризуются в качестве государств-цивилизаций, однако при этом данный феномен лишь заявлен, но не раскрыт, и признаки его не определены. Сложность определения признаков связана,

в том числе, с тем, что предметом цивилизационного анализа является вариативность развития, и нахождение категориальных универсалий для вариативного мира оказывается задачей внутренне противоречивой. Путаницу вносит и одновременное использование имеющего фактически противоположную семантику понятия «цивилизационное государство». В отличие от понятия «государство-цивилизация», оно связано с идущей от эпохи Просвещения традицией выделения цивилизации в единственном числе, противопоставляемой дикости и варварству.

Побудительным императивом к разработке цивилизационного категориального аппарата применительно к политологии и российским политическим реалиям, казалось, должно было стать определение президентом В. В. Путин в Послании Федеральному фобранию России как особого типа государства-цивилизации. Однако ожидаемого отклика использование президентом соответствующей дефиниции в российской академической общественной науке и образовании не вызвало. Представленный в январе 2014 года историко-культурный стандарт на цивилизационный подход не опирался, а скорее в методологическом плане руководствовался сочетанием теории модернизации с теорией истории повседневности, и даже понятие российская цивилизация в нём не использовалось.

К обращению к категории «государство-цивилизация» побуждает также диагностирование на уровне широкого экспертного дискурса кризиса модели государства-нации. Выдвигаемые прогнозы об оконча-

нии системы Вестфальского мира мотивирует обращение к иным типам государствоустроения, которое, в частности, связывается с моделью государства-цивилизации⁸.

Понятие «государство-цивилизация» в дискурсе цивилизационного подхода вызывает наибольшее напряжение. Его пытаются зачастую подменить понятием «страна-цивилизация». Но страна-цивилизация — понятие малосодержательное; любая цивилизация имеет пространственный ареал, а следовательно, является страной. Другое дело — государство-цивилизация, предполагающее определённые требования, предъявляемые к государству, а соответственно, и государственной политике.

Не просто цивилизация, не страна-цивилизация, а именно — государство-цивилизация! С принятия новой Концепции внешней политики Российской Федерации и Указа «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» понятие «государство-цивилизация» окончательно вошло в официальный государственно-стратегический лексикон⁹. Теперь и формирование государственного курса — для чиновников, и преподавание гуманитарных дисциплин — для профессорско-преподавательского состава должно выстраиваться на основании положения о России как государстве-цивилизации. Отрицание этого положения означает (должно означать) невозможность быть государственным чиновником или педагогом в государственных образовательных учреждениях. Итак, определение России как государ-

⁷ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: Высшая школа экономики, 2010. 430 с.

⁸ Кафлен Ш. Есть ли будущее у национального государства. // <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13437.html>; Кортунув С.В. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка. // *Мироустройство XXI: мировоззрение, миропорядок*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. С.75–117; Эко У. Средние века уже начались. // *Иностранная литература*. 1994. № 4. С. 258–267; *Global Trends 2030: Alternative Worlds* a publication of the National Intelligence Council // URL: <http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf>

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>; Указ президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

ства-цивилизации приобрело официальный характер. Соответственно, как бы кому это в академическом и преподавательском сообществе и не нравилось, с этим определением надо как минимум считаться.

КОНЦЕПТ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПРИМЕНЕНИИ К ПОДНЕБЕСНОЙ

Концепт государства-цивилизации не является исключительно российским изобретением. По-видимому, впервые такое определение было применено в 1990 году к Китаю. Понятие «государство-цивилизация» использовали видные западные китаеведы Люсьен Пай и Мартин Жак.

«Наши западнцентричные оценочные суждения о Китае, — призывает признать Мартин Жак, — больше не должны подменять понимание страны в её собственных терминах. Это нелёгкая задача. Китай глубоко отличается от Запада в самых основных отношениях. Возможно, самое основное отличие заключается в том, что он не является национальным государством в европейском смысле этого слова... На протяжении более двух тысячелетий китайцы считали себя цивилизацией, а не нацией. Самые фундаментальные определяющие черты современного Китая, которые дают китайцам чувство идентичности, исходят не из прошлого века, когда Китай называл себя национальным государством, а из предыдущих двух тысячелетий, когда его лучше всего можно было бы описать как государство-цивилизацию: отношения между государством и обществом, очень отличительное понятие семьи, поклонение предкам, конфуцианские ценности, сеть личных отношений, которую мы называем гуаньси, китайская еда и традиции, которые её окружают, и, конечно же, ки-

тайский язык с его необычным отношением между письменной и устной формой... Идея Китая как государства-цивилизации является фундаментальным строительным блоком для понимания Китая в его собственных терминах. И она имеет многообразные последствия. Отношения между государством и обществом в Китае сильно отличаются от отношений на Западе. Вопреки преобладающему западному предположению, что китайское государство не имеет легитимности и лишено общественной поддержки, на самом деле китайское государство пользуется большей легитимностью, чем любое западное государство»¹⁰.

С определением Китая как государства-цивилизации солидаризировался и политолог Бруно Масаеш: «Как цивилизационное государство Китай организован вокруг культуры, а не политики. Связанное с цивилизацией государство имеет первостепенную задачу по защите конкретной культурной традиции. Его охват подразумевает все регионы, где эта культура доминирует»¹¹.

Характерными чертами применения категории государства-цивилизации к Поднебесной определялось:

- государство строит общество, а не общество государство;
- культурный ареал совпадает с государственными границами;

¹⁰ Jacques M. Civilization state versus nation-state. URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/>

¹¹ Mações B. The Attack Of The Civilization-State. URL: <https://marcellus.in/story/the-attack-of-the-civilization-state/>

- в основании государственностроительства лежит культурная идентичность;
- единство при гетерогенности;
- легитимизация через историю и традицию.

Безусловно, российская цивилизация не подобна китайской. Но и в ней государство играло цивилизационнообразующую функцию. Отсюда — возможность использования по отношению ряда государств в мировой истории понятия государства-цивилизации. При этом важно констатировать, что не каждая цивилизация генерировала такой тип государственности.

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КЛАССИФИКАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ

Однако очевидно, что помимо государства-нации и государства-цивилизации имеют место другие рядоположенные классифицируемые типы государственности. Раскрытие дефиниции государства-цивилизации предполагает разграничение её признаков в сравнении с другими типами. Специально предпринятый обзор литературы, связанной с использованием понятий «государство-нация» и «государство-цивилизация», такую классификацию обнаружить не позволил, что побудило к проведению собственного классификационного анализа¹². Классификационный анализ проводился с опорой на исторический материал, позволяющий наряду с актуальными моделями государств рассмотреть и типы государств, существовавших в прошлом. Критерием классификации являлась характеристика ядра государственной модели, задающей субъектность суверенитета и определяющей подходы к формированию политических институций.

Результатом классификационного анализа явилось выделение шести возможных типов государств: «государство-клан», «государство-этнос», «государство-орден», «государство-нация», «государство-цивилизация», «государство-сеть», «несостоятельное государство». Понятия «государство-клан», «государство-этнос», «государство-орден» и «государство-сеть» не прошли еще апробации в научной среде, и, вероятно, они будут как дефиниции ещё уточняться, но выделение их представляется необходимым в осмыслении исторической эволюции государства.

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ГОСУДАРСТВО-НАЦИЯ

Опорной категорией в данном случае выступает принятая дефиниция «государство-нация», обращение к которой предполагает, что есть и иные государства, государствами-нациями не являющиеся. Государства-нации, как известно, возникли на определённом этапе истории Европы по итогам выстраивания международной системы Вестфальского мира. Их формирование было контекстно развитию капитализма на стадии форми-

¹² Changes in Statehood. The Transformation of International Relations. London: Palgrave Macmillan, 2001. 226 p.; Faulks K. Classical Theories of the State and Civil Society. Political sociology: a critical introduction. New York: University Press, 2000. 248 p.

рования национальных рынков, помехами для которого выступали различные институции средневекового обособления локалитетов. Идеологически понимание нации как гражданского единства сложилось в результате Французской революции и получило далее мировую конвертацию. Субъектом суверенитета в этой модели выступала совокупность граждан, а гражданская идентичность нивелировала этнокультурные различия¹³.

Важна фиксация исторической ограниченности этой модели: она существовала не всегда даже в Европе, а сегодня испытывает кризис, в том числе, в стране своего фактического создания — Франции. Отличие государства-цивилизации от государства-нации состоит в том, что идентификация сообщества в нём — культурная, а не гражданско-политическая, связанная с ценностями и смыслами, а не только и не столько гражданская¹⁴. Если государство-нация имеет одноуровневую идентификацию — гражданскую (и для нее этничность не важна), то государство-цивилизация — двухуровневую — этническую и цивилизационную.

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ГОСУДАРСТВО-КЛАН

В Древнем мире и в Средние века многие государства выстраивались институционально вокруг правящих династий, и суверенитет в них принадлежал правящему дому. Су-

ществовали «кочующие» из одной страны в другую монархические семьи. Польский королевич Владислав мог быть избран русским царём, а французский принц Генрих Валуа, прежде чем стать королём Франции, оказался на престоле в Речи Посполитой¹⁵. Такой тип государственности принято приписывать в западной историографии России (в частности, вотчинная теория происхождения русского государства Р. Пайпса)¹⁶. Граждан государства в этой государственной системе нет, а есть лишь подданные верховного суверена.

Определение данного типа государства как кланового связано с тем обстоятельством, что оно структурировано именно вокруг властного клана¹⁷. И такой тип государственности не ушел целиком в историю. Новые виды кланов часто в современных политических

реалиях подменяют своей властью систему суверенности гражданской нации. По отношению к клановым типам государства в настоящее время используются также понятие «государство-корпорация» и метафора «приватизированное государство»¹⁸.

Цивилизационное государство отличается от кланового тем, что выстраивается вокруг всей цивилизационной общности, а не круга лиц. Иван Грозный в переписке с Андреем Курбским показал фактическое различие между государством-цивилизацией и приписываемым оппонентом государством как вотчиной государя¹⁹. Характеристику России именно как государства-цивилизации, а не кланового государства или «государства» (от власти государя) целесообразно акцентировать, в частности, в критике антироссийских исторических мифов.

Цивилизационное государство отличается от кланового тем, что выстраивается вокруг всей цивилизационной общности, а не круга лиц. Иван Грозный в переписке с Андреем Курбским показал фактическое различие между государством-цивилизацией и приписываемым оппонентом государством как вотчиной государя. Характеристику России именно как государства-цивилизации, а не кланового государства или «государства» (от власти государя) целесообразно акцентировать, в частности, в критике антироссийских исторических мифов.

¹³ Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М.: АСТ, 2013. 576 с.; Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. Vol. 21. N. 3. P. 569-591; Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F. World Society and the Nation-State // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103. N. 1. P. 144–181

¹⁴ Jacques M. Civilization state versus nation-state // URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/>

¹⁵ Бобкова М.С. Как Генрих Валуа стал королем Польши? // Семёновские чтения. Труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием памяти профессора В.Ф. Семёнова. М., 2019. С. 178–187.

¹⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 427 с.

¹⁷ Коротаев А.В., Оболонков А.А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ. // Советская этнография. 1989. № 2. С.36–45

¹⁸ Харин А.Н. Корпорация-государство как альтернатива современному государству. // Власть. 2012. № 9. С.76–79; Нравственное государство. От теории к проекту. / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, М.В. Вилицов и др. М.: Наука и политика, 2015. — 423 с.

¹⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подготовили Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Л.: Наука, 1979. 432 с.

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ГОСУДАРСТВО-ЭТНОС

Государство-этнос, в отличие от государства-нации, исходит из суверенности не всей гражданской общности, а определённой этнической группы, позиционируемой в качестве государствообразующей. Характерный политический режим для этого типа государства — этнократия²⁰. Титульный этнос в таком государстве преподносится как народ-хозяин, другие в той или иной мере дискриминируемы. В современном мире ряд конституционно позиционируемых государств как гражданских общностей выступают де-факто государствами-этнотами. Такая подмена модели государства-нации государством-этнотом проявляется в большей или меньшей мере во всех постсоветских республиках.

Государства-цивилизации, в отличие от государства-этнотам, надэтничны. Будучи этнически гетерогенны, они выстраиваются как сложная система, мир-миров, в которой может быть ядро, но нет этнической дискриминации. Маркер ядра может выступать в государстве-цивилизации одновременно и как цивилизационный маркер (например, русские в Российской империи одновременно и как русский этнос, и как надэтничная общность).

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ГОСУДАРСТВО-ОРДЕН

В истории известен и опыт выстраивания государств в качестве особого религиозного ордена. Условно такой тип государственности определяется в представляемой классификации как государство-орден (государство-церковь, государство-умма)²¹. Выс-

ший суверенитет в этих государствах принадлежит не нации и не персоне правителя, а Богу. Положение о суверенитете Бога встречается в ряде современных конституций исламских государств, что, соответственно, задаёт иную модель государства, чем при претендующей на универсальность модели государства-нации. Этническая принадлежность в государстве-ордене не играет роли, так как этничность упраздняется религиозным посвящением и может даже рассматриваться как выражение антирелигиозности. Представление о глубокой архаичности такого типа государства опровергается современной попыткой реализации проекта ИГИЛ (организации, запрещённой в России), формируемой идеологически на радикально исламистской платформе, организационно — по подобию орденской системы.

Впрочем, орденский тип государства не всегда выстраивается непосредственно на платформе религии в классическом её определении. Секулярные идеологии эпохи модерна (которые можно трактовать как квазирелигии) также могли задавать исторические проектные основания формирования государств орденского типа. Такого рода тенденции имели место, в частности, на ранней стадии советского проекта. Не только партия виделась как «орден меченосцев», но орденном убеждённых строителей коммунизма мыслилось всё государство «нового типа». Этого не случилось, и Советский Союз фактически был воспроизведён как государство-цивилизация. Многие мыслители в русском зарубежье от Н. В. Устрялова до Н. А. Бердяева рассуждали о том, что революционная трансформация привела фактически к восстановлению на парадигмальном уровне

и под новыми вывесками старорусской системы государственности с царём, общиной-миром, коллективистскими-соборными идеалами, всеобщим государственным тяглом и мессианством²².

Государство-орден объединяет с государством-цивилизацией предъявление некоей идейной миссии. Для государства-цивилизации эта миссия может трактоваться как цивилизационное послание миру (русско-православное, даосско-конфуцианское, индуистско-буддистское, арабско-исламское и т.д.). Но отличие от государства-ордена состоит в адаптации государства-цивилизации к среде существования, историческом преемстве в развитии. Государство-орден, напротив, разрывает преемство, отрицает этнокультурную традицию, выдвигает идеал-утопию и требует отречения от мира.

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS ГОСУДАРСТВО-СЕТЬ

При обращении к футурологии как утверждаемая модель политической организации будущего описывается государство-сеть. Её институционализация связывается с современными глобализационными процессами, тенденциями трансграничного развития. Основу государства-сети составляет уже не гражданская нация, а человек-индивидуум и различные формируемые по интересам сетевые сообщества. Государство-сеть может рассматриваться как переходная фаза к отмиранию государств в их классическом соотношении с территорией, с государственными границами. Государство в этой проекции перестаёт соотноситься со страной, и пространственные характеристики оказываются при-

²⁰ Тощенко Ж.Т., Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

²¹ Гусев И.Е. История орденов Средневековья. Минск: Харвест, 2007. 432 с.; Зуева М.В. «Государство» иезуитов в Парагвае. // Западно-Уральский институт экономики и права. Анналы научной теории развития общества. 2012. № 2. С. 123–151.

²² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Азбука, 2016. 224 с.

менительно к нему менее важны, чем прежде²³.

Очевидно, что государство-сеть строится на совершенно иных принципах, чем государство-цивилизация, соотносимое с локализуемыми в пространстве и имеющими свой ареал распространения цивилизационными общностями. Государство-цивилизация есть одновременно сложная (понятие «цветущей сложности» К. Н. Леонтьева вполне применимо как характеристика к цивилизационному типу государства) и холистическая система, холистичность которой задаётся высшими ценностями и смыслами²⁴. Государство-сеть единых смыслов и ценностей не задаёт, а соответственно, холистической общностью не является.

ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ VS НЕСОСТОЯТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Нельзя в проводимом классификационном анализе пройти и мимо модели «несостоятельного государства». В представленной классификации особое внимание из аспектов несостоятельности (в интерпретации несостоявшегося государства Дэниэлом Тюрером) имеет отсутствие у субъектов соответствующей государственной общности реального суверенитета²⁵. Номинально государство заявляется суверенным, по факту же действует режим внешнего управления. В Новое время по отношению к такому типу государств использовалось преимущественно понятие «полуколония». Сегодня, несмотря на наличие других признаков государственной состоятельности (позволяющих, в частности, относиться к разряду благополучных

в рейтинге недееспособности), большинство из более чем 200 государств мира не обладают реальным суверенитетом, что позволяет их отнести к группе несостоятельных. Ряд из них могли обладать реальным суверенитетом в прошлом, но его

исторически утратили. Эта оговорка определяет использование понятия «несостоятельное государство» вместо другого распространенного понятия «несостоявшееся государство»²⁶.

Государство-цивилизация обладает, в отличие от несостоятельного

²³ Харин А.Н. Государство в условиях глобализации: новые подходы. // Власть. 2015. Том 21. № 6. С. 65–69; Biswas S. W(h)ither the Nation-state? National and State Identity in the Face of Fragmentation and Globalisation //Global Society. Vol. 16. № 2, 2002. P. 175–198.

²⁴ Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия. 1992. 320 с.

²⁵ Подвинцев О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте. // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. Вып. 7. С. 204–215; Thurer D. The «failed State» and international law. // International Review of the Red Cross. 1999. N 836. P. 731–761.

²⁶ Пономарёва Е.Г. Суверенитет в условиях глобализации. // Свободная мысль. 2007. № 11. 2007. С. 95–110.

государства, не только собственно, политическим суверенитетом, но что ещё более важно при раскрытии их природы, — суверенитетом духовным. Духовная суверенность подразумевает выстраивание их институций и механизмов функционирования в соответствии с собственной идентичной системой ценностей²⁷. Ценностные ориентиры определяются в государстве-цивилизации собственным историческим опытом жизнеобеспечения, а не внешними установлениями. Внешние заимствования перерабатываются и переосмысливаются, как это было, в частности, и в Российской империи, и в СССР, сообразно с собственной цивилизационной матрицей.

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Таким образом, в качестве характерных признаков государства-цивилизации, отличающих его от других типов государств, можно выделить следующие:

- адаптивность системы государствостройства к цивилизационной среде, к традициям жизнеобеспечения;
- двухуровневая идентичность, включающая уровни этнической и цивилизационной идентификации;
- надэтническая идеология;
- гетерогенность системы, неунифицированность, интегративная роль цивилизационного ядра;
- наличие идентичной, исторически преемственной системы ценностей и смыслов, цивилизационного проекта;
- политическая суверенность, опирающаяся на духовный суверенитет цивилизационной общности;
- государственная субъектность цивилизационной общности, легитимизация власти по критериям соотнесения с идеалами государства-цивилизации;
- позиционирование в качестве ядра цивилизационного мира, выходящего, как правило, за рамки границ соответствующего государства.

Важна при этом оговорка про несоответствие реальных государств любым чистым моделям. В реальности каждое из государств совмещало разные модельные принципы. Но в то же время можно говорить о доминанте того или иного принципа, задающего вектор развития соответствующего государства. В применении к государству-цивилизации речь может идти о приближении или отдалении от описанной выше чистой модели.

Московское царство, Российская империя, Советский Союз — все перечисленные государственные воплощения в отечественной истории соответствуют приведённым выше характеристикам государства-цивилизации. Установившаяся в 1990-е годы система постсоветской государственности с очевидностью вышла за рамки цивилизационной парадигмы. Заявленное в 2012 году президентом положение о России как государстве-цивилизации может скорее рассматриваться сегодня как возможный целевой ориентир, нежели диагностирующая характеристика.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ПРОЕКТА ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Потенциальный проект государства-цивилизации сталкивается в перспективах реализации с рядом препятствий как внешнего, так и внутреннего свойства. Выстроенная система международного права не учитывает цивилизационной вариативности мира. Позиции цивилизаций вообще никаким образом не отражаются в международных политических институциях, включая ООН. Воплотить цивилизационный подход на уровне международных политических клубов (такая перспектива связывается, в частности, с БРИКС) пока также даёт пробуксовку. Права человека в принятом истолковании специфику цивилизационного понимания также не отражают.

²⁷ Матвейчев О.А. Суверенитет духа. М.: Эксмо, 2009. 448 с.

Если говорить о России, то, несмотря на информационный конфликт с группой западных государств, она в значительной степени за постсоветский период развития интегрировалась в мировую систему, и возвращение на позиции государства-цивилизации потребовало бы включения механизмов политической мобилизации, готовность к которой как элит, так и общества находится под большим вопросом. Перспектива восстановления модели государства-цивилизации объективно приведёт к противодействию со стороны отдельных достаточно влиятельных групп интересов. Речь, прежде всего, идёт об олигархической группировке, функционально связываемой с моделью государства-корпорации. Следует ожидать протестов и со стороны приверженцев модели гражданской нации, которая ожидаемо будет отстаиваться в либеральной части общественности. Не исключены протесты и со стороны групп националистического сегмента, отстаивающих модель этнократии. Определённая сложность с реализацией проекта «Россия — государство-цивилизация» связывается также, как отмечалось выше, с отсутствием соответствующей теоретической проработанности проекта, слабой ориентированностью современных российских общественных наук на проблематику цивилизационной оптики государственной политики.

Но все эти сдерживающие обстоятельства не отменяют той общей оценки, что жизнеспособность России сопряжена именно с моделью государства-цивилизации. При других моделях её потенциалы как минимум будут ослабевать, а при вероятном негативном сценарии, связываемом, в том числе, с внешним давлением, не исключены и катастрофические последствия. Предположительно, при должной информационной подаче проект России, как государства-цивилизации, будет поддержан большинством российского населения. Следует ожидать также и поддержку в национальных регионах, что обу-

словливается акцентированностью в нём сохранения этнокультурных идентичностей в рамках единой идентичности цивилизационной. Во внешней политике заявляемый ориентир установления модели многополярного мира также корреспондирует с типом государства-цивилизации, который как концепт может транслироваться и в страны — партнёры России, выступающие сторонами системы многополярности.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД — ЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Представление России как государства-цивилизации с 2012 года вошло в содержание публичных выступлений президента Российской Федерации. Несмотря на то что такие выступления на уровне посланий Федеральному собранию имеют статус документа Стратегического планирования, этого для сдвига управленческой машины оказалось недостаточно. Посыл президента для сфер образования и воспитания оказался в таком формате, как оказалось, недейственным. История России, равно как и её современное состояние, излагалось в иных парадигмах, но не с позиции заявленного В. В. Путиным цивилизационного подхода. Минуло 12 лет... За это время при использовании

цивилизационного подхода было возможно пройти законченный цикл воспитания будущих граждан России от 1-го класса школы до 1-го курса вуза. Но этого не произошло. Причины игнорирования концепта России — государства-цивилизации, предложенного президентом, могли быть разные: 1. Неумение работать с методологией цивилизационного подхода; 2. Бюрократическая инертность; 3. Саботирование со стороны идейных противников в сферах науки и образования. «Глубинное государство» относится, очевидно, не только к реалиям Соединённых Штатов Америки. Потребовался другой уровень позиционирования России как государства-цивилизации — Указ президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения».

Действительно, положение о России как государстве-цивилизации имеет целую цепочку следствий.

Следствие 1

Государство-цивилизация предполагает применение методологии цивилизационного подхода. Он не совместим с рядом иных методологических подходов, доминирующих по сей день в российской (или псевдороссийской) гуманитаристике. Цивилизационный подход означает буквально,

Московское царство, Российская империя, Советский Союз — все перечисленные государственные воплощения в отечественной истории соответствуют приведённым выше характеристикам государства-цивилизации. Установившаяся в 1990-е годы система постсоветской государственности с очевидностью вышла за рамки цивилизационной парадигмы. Заявленное в 2012 году президентом положение о России как государстве-цивилизации может скорее рассматриваться сегодня как возможный целевой ориентир, нежели диагностирующая характеристика.

что нужны иные учебники и иной историко-культурный стандарт. Цивилизационный подход означает и запрос на иные кадры, стоящие на капитанских мостиках в гуманитарных науках. Ведь, как кажется, невозможно себе представить, чтобы они все дружно поменяли свои взгляды. Впрочем, как минимум дважды такая командная смена взглядов уже в отечественной гуманитаристике происходила. И главное — цивилизационный подход совершенно несовместим с идеологией либерализма, выстраиваемого вокруг концепта свобод индивидуума, а не характеристик общности. Последовательное применение цивилизационного подхода означало бы последовательную делиберализацию российского общественного устройства.

Следствие 2

Принятие цивилизационного подхода означало бы, в свою очередь, принятие положения, что Россия не есть Запад и не подобна Западу. Применение этого подхода базируется на представлении о том, что универсальной, единой для всех модели успешности не существует. Цивилизации отличаются друг от друга и не могут выстраиваться по иноцивилизационным лекалам. Положение о противоположности экстраполяции институций одних цивилизаций для других нашло отражение во втором законе Н. Я. Данилевского. Практически для нас это означает требование отказа от переноса в Россию западных институций на том основании, что они оправдали себя по опыту стран Запада.

Следствие 3

Основу цивилизационных различий составляют различия в цивилизационно образующих ценностях. Цивилизационно образующие ценности являются ценностями традиционными. Традиционные ценности в логике цивилизационного подхода раскрываются как ценности, лежащие в основании соответствующих цивилизаций. Это не то, что нравится всем (по принципу — за всё хорошее) или агрегируют

интересы большинства. Дело вообще не в том, каков процент россиян разделяет или не разделяет традиционные духовно-нравственные ценности, а в том, что именно они являются средством цивилизационного жизнеобеспечения.

Следствие 4

Традиционные ценности являются цивилизационными константами. Они исторически воспроизводятся, и на их фундаменте воспроизводится модель российской государственности. Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, восстанавливающая свой суверенитет современная Россия в этом отношении есть суть одно — российское государство-цивилизация. Менялся политический язык, но цивилизационный фундамент оставался константным. Понимание этого должно привести к заключению о бессмысленности противопоставления друг другу различных периодов истории России — провоцирования войн памяти между приверженцами Московской Руси и Петербургской империи, Петербургской империи и СССР, СССР и современной России.

Следствие 5

Суверенитет России базируется на традиционных для неё цивилизационно-идентичных духовно-нравственных ценностях. Ценности производны и взаимоувязаны с российской цивилизационной идентичностью. Это отличает природу российского государства-цивилизации от западных государств-наций. С другой стороны, без суверенитета невозможно и само существование российской цивилизации. Только обладая государственностью, которая, в свою очередь, обладает интегральным суверенитетом, возможно было сохранение и воспроизводство цивилизации России в условиях внешнего геополитического давления.

Следствие 6

Отступление от традиционных цивилизационно идентичных ценностей

ввергало всякий раз Россию в состояние кризиса. Кризисы российской государственности могут быть определены как кризисы цивилизационные. Русское историческое понятие, отражающее состояние цивилизационного кризиса, обозначается словом «Смута». Целесообразно говорить не о «Смуте» и «Смутном времени» — в единственном числе, а о «Смутах». Смуты в России происходили при подмене традиционных ценностей антиценностями. Исторически эти подмены связывались с западной пропагандой, формированием группировок внутреннего западничества.

Следствие 7

Конфликты России с внешними противниками имели ценностно-мировоззренческое измерение и могут быть определены как конфликты цивилизационные. Цивилизационными конфликтами являлись, в частности, периоды острых фаз противостояния России с Западом. На кону в этих противостояниях находилось само цивилизационное существование России, её суверенитет и базовые ценности. Ценностная сторона межцивилизационных конфликтов позволяет использовать наряду с хантингтоновским понятием столкновения цивилизаций используемое в российском интеллектуальном дискурсе понятие аксиоматии. Признаками цивилизационных войн обладали, в частности, противостояние Руси агрессии крестоносцев на восток, Ливонская война, русско-польские войны, отражение агрессии Наполеона, Крымская война, отражение интервенции Антанты, Великая Отечественная война, холодная война. Все признаки цивилизационного конфликта имеет противостояние России и сил коллективного Запада, действующего в формате прокси-войны с фокусом театра боевых действий на Украине.

Следствие 8

Для отражения цивилизационного опыта России нужен цивилизаци-

онно идентичный категориальный аппарат и цивилизационно идентичные теории общественного развития. Такая ревизия должна затронуть основания фактически всех без исключения гуманитарных и обществоведческих дисциплин. По современному состоянию все они в своём ядре опираются на универсалистские представления концепций и понятийного языка, сформировавшиеся под задачи вхождения в западнцентричный мир. Пересмотр установок западнцентризма с позиций цивилизационного подхода фактически означает решение вопроса о восстановлении концептуального суверенитета России.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

С чем в идеологическом отношении может быть совместим и с чем несовместим цивилизационный подход? Сам по себе цивилизационный подход не укладывается в прокрустово ложе классических идеологий. Это не значит, что он не даёт оснований для идеологического строительства. Как раз наоборот. Но это значит, что классическая лево-правая классификация идеологий нефункцио-

нальна. Лево-правая дифференциация политических сил означает воспроизводство парадигмы гражданской войны. Такое же воспроизводство гражданской войны имеет место при взгляде с лево-правых позиций на историю.

Но цивилизации не бывают и не могут быть ни левыми и ни правыми. Цивилизационный подход работает иначе: приемлемо или неприемлемо соответствующее решение или позиция по отношению к конкретной цивилизации. Неприемлемые решения и позиции противоречат принципам функционирования цивилизации, подрывают её жизнеспособность, приемлемые — адаптивны к ней и её жизнеспособность повышают. История с позиций теории цивилизаций перестаёт быть воспроизводством гражданской войны и оказывается цивилизационным воспроизводством. Ключевой конфликт переосмысливается как конфликт с внешними врагами цивилизации. Вместо гражданской войны — цивилизационная война. Это не означает отрицания факта гражданских войн. Но в самих гражданских войнах часто обнаруживаются силы, которые работают на внешнего противника²⁸.

Несмотря на формирование на основе цивилизационного подхода особого типа цивилизационно-адаптивной идеологии, он может соотноситься с рядом идеологических учений, тогда как с рядом других оказывается категорически несочетаем. Цивилизационная теория принципиально несовместима с идеологией либерализма. В фокусе либерализма — индивидуум, его права и свободы, в фокусе цивилизационного подхода — сложные социальные общности. Это не означает, что цивилизационный подход отвергает человека. Человек в нём есть составной элемент цивилизационной системы, а не как в либерализме — индивидуум, атом. И не случайно, что именно

²⁸ Галин В.В. Интервенция. Как Запад хотел поделить и ограбить Россию. М.: Родина, 2018. 416 с.

либералы проявляют наибольшую враждебность к теории цивилизаций. «Академические либералы» в России заявляют о ненаучности цивилизационного подхода, блокируют соответствующие исследования и проекты, ведут, одним словом, против него борьбу всеми доступными средствами.

Цивилизационный подход несовместим и с национализмом. Тем более он не может сочетаться с нацизмом и расизмом. В фокусе построений национализма находится нация, тогда как цивилизационного подхода — цивилизация. Национализм утверждает гомогенность — единую нацию, цивилизационный подход — гетерогенность — множественность в едином (множественность этносов в рамках единой цивилизационной системы).

Националисты ненавидят цивилизационный подход не меньше либералов и отвергают категорически идею государства-цивилизации. Но если либерализм с позиций цивилизационного подхода давно подвергнут системной критике, то такой же критики национализма и размежевания с ним ещё не произведено. Между тем провозглашение В. В. Путиным России государством-цивилизацией звучало именно в том контексте, что она не есть государство-нация.

Цивилизационный подход несовместим, естественно, и с глобализмом. Глобализация разрушает цивилизации, приводит их к универсальному знаменателю. Глобализм утверждает универсализм и смешение, цивилизационный подход — вари-

ативность и самобытность. Глобалисты не могут не быть космополитами, сторонники цивилизационного подхода — столь же жестко — не могут не быть патриотами.

Но цивилизационный подход вполне может быть совмещён с идеологией социализма. Социализм заявляет приоритет общего над частным. А это общее может вполне трактоваться в качестве общности цивилизационной. Существуют разные модели исторических воплощений социализма — русский, китайский, латиноамериканский, арабский, восточноевропейский — каждый из них оказывался адаптивен к соответствующей цивилизационной среде.

К. Маркс, безусловно, работал в универсалистской парадигме, что было оправдано решением задачи критики капитализма как глобального явления. Эпигоны акцентировали универсализм в большей степени, чем это имело место в классическом марксизме. У самого Маркса между тем были интересные положения об азиатском способе производства, отличающемся от способа производства европейской античности. Азиатский способ производства основывался на потребности в ирригационном земледелии, что предполагало наличие централизованного государственного хозяйствования и общины. Для европейской античности более весомую роль играл фактор посреднической торговли, частнособственнического хозяйства. Российская система не была, естественно, связана с ирригационным земледелием, но она фактически соотносилась с азиатским способом производства. Рассуждения Маркса о различиях способов производства могли быть вполне соотнесены с цивилизационным подходом²⁹.

Вместе с тем с цивилизационным подходом не может соотноситься ультралевое течение в социализме, условно маркируемое как троцкизм и неотроцкизм. Не могут быть

Лево-правая дифференциация политических сил означает воспроизводство парадигмы гражданской войны. Такое же воспроизводство гражданской войны имеет место при взгляде с лево-правых позиций на историю.

Но цивилизации не бывают и не могут быть ни левыми и ни правыми. Цивилизационный подход работает иначе: приемлемо или неприемлемо соответствующее решение или позиция по отношению к конкретной цивилизации. Неприемлемые решения и позиции противоречат принципам функционирования цивилизации, подрывают её жизнеспособность, приемлемые — адаптивны к ней и её жизнеспособность повышают. История с позиций теории цивилизаций перестаёт быть воспроизводством гражданской войны и оказывается цивилизационным воспроизводством. Ключевой конфликт переосмысливается как конфликт с внешними врагами цивилизации. Вместо гражданской войны — цивилизационная война. Это не означает отрицания факта гражданских войн. Но в самих гражданских войнах часто обнаруживаются силы, которые работают на внешнего противника.

²⁹ Тер-Акопян Н.Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. // Народы Азии и Африки. 1965. № 2. С. 74–88.

соотнесены с цивилизационным подходом левые сторонники Демократической партии США. Эта часть социалистического сегмента воюет с традиционными ценностями и с цивилизационной вариативностью³⁰.

А вот большевизм вполне мог опираться на цивилизационную теорию. В соединении марксизма с русской цивилизацией и состояла сущность большевистского феномена. Сталин, будучи марксистом, в ряде своих рассуждений и в политике с середины 1930-х годов следовал фактически цивилизационному подходу³¹.

Совместим цивилизационный подход и с идеологией консерватизма, имея в виду всю широту спектра консервативной мысли. Консерваторы выступают за консервацию систем жизнеустройства. Цивилизационный подход заявляет историческую воспроизводимость ценностных констант. Консерватизм в этом смысле вполне может опираться и опирается по факту на аргументы теории цивилизаций.

Традиционализм часто не вполне корректно отождествляется с консерватизмом. В действительности в сути своей они не совпадают: если консерватизм представляет идеологию консервации (в русской версии словоупотребления — охранительства), то традиционализм — трансляцию традиции. Но и традиционализм с логикой цивилизационного подхода вполне сочетаем. Цивилизационные ценности в традиционализме могут раскрываться как ценности традиционные. На передаче традиционных ценностей из поколения в поколение выстраивается в логике традиционализма цивилизационное самосознание.

Принятие цивилизационного подхода приводит, таким образом, к новому переосмыслению общественных сил. На одной стороне

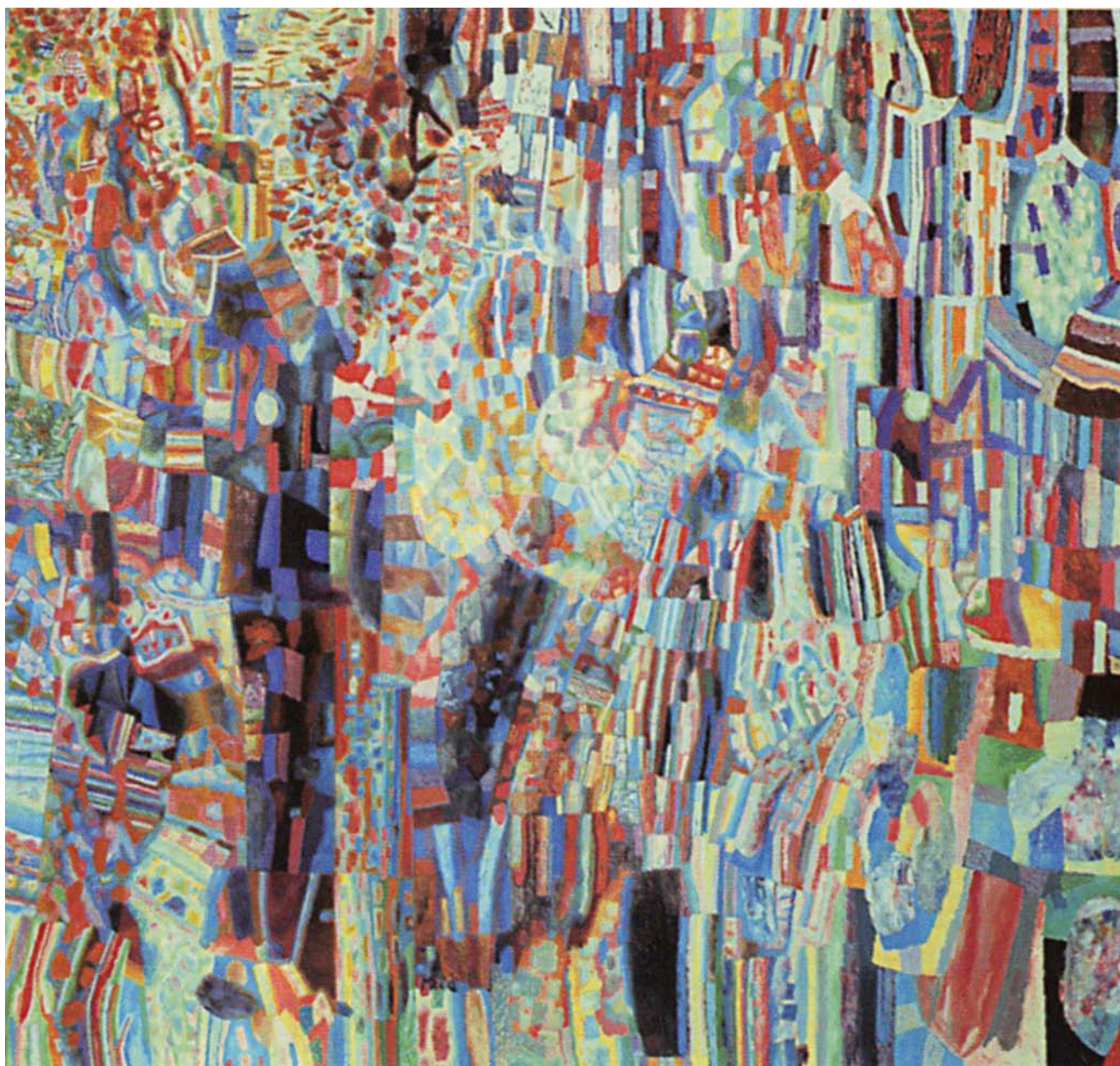
оказываются либералы, глобалисты и нацисты, а на другой — сторонники традиционных ценностей, борцы за суверенитет и необольшевики.

Современное российское государство программировалось в начале 1990-х годов отнюдь не как государство-цивилизация. Оно и сегодня выстроено по другим лекалам. Однако столкновение с коллективным Западом объективно выдвинуло запрос на такого рода теории, которые покажут наше различие с врагом. Под эту прагматическую задачу и был найден цивилизационный концепт. Но его принятие

породило диссонанс между позиционированием России как государства-цивилизации и современными реалиями западноориентированной потребительской системы. Россия цивилизационная — это, конечно, не Россия капиталистическая. Россия цивилизационная — это, естественно, не Россия либеральная. Россия цивилизационная — это не Россия «цифровая» со всеми извращениями криейторов-цифровизаторов. Принятие цивилизационного концепта означало бы возвращение России к самой себе, духовное, а как следствие, и системное самовосстановление. И это сегодня главное.

³⁰ Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2020. 280 с.; Трушин М.С. Левый поворот Америки: новое поколение социалистов. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 237–242.

³¹ Багдасарян В.Э. Сталинизм: цивилизационное осмысление. М.: Концептуал, 2024. 224 с.

Сквозные платформы цивилизационной идентичности России и осевое мировоззрение

(Авторский доклад Сергея БАРАНОВА)

К какой цивилизации относится Россия? Споры об этом идут уже два века и с новой силой разгораются в последние десятилетия. В своём подробном исследовании¹ автор настоящего доклада сгруппировал направления русской цивилизационной мысли в семь крупных платформ. Суть этих платформ — разные определения нашей цивилизации. Речь здесь идёт именно о межвременных устойчивых мировоззренческих платформах, а не просто о единичных кружках или течениях мысли. Платформы не являются взаимоисключающими; тем не менее они разные. Ни одна из них не обладает полнотой истины.

Правильное понимание цивилизации России возможно, только если мы берём все эти семь подходов в их единстве:

- 1) славянофильство и панславизм (славизм);
- 2) византизм, православная восточнохристианская цивилизация;
- 3) евразийство, «исход русскости к Востоку»;
- 4) Русский мир, страна-государство-цивилизация, «остров Россия»;
- 5) гиперборейство — цивилизация Севера;
- 6) социалистическая цивилизация СССР — советизм;
- 7) западничество.

Пару слов об определении цивилизации и идентичности. Идентичность в западной философии и общественной мысли подменяет понятие человека и личности. Это конструируемая из свойств и идей личность, набор социальных черт. Нам это не подходит. Цивилизация не идея, а живой крупный тип человека как личности, общества, культуры в их единстве. Поэтому идентичностью правильнее считать цивилизацию в своей индивидуальной человеческой сущности. В русской традиции первична личность, её дух, а внешняя идентичность вторич-

на. Основа человека — его творческая воля, его волевой выбор, как и основа цивилизации — коллективный и личный творческий выбор народа, воля, творящая себя. В этом основной тезис русского мировоззрения.

Славянофильство и панславизм (славизм). Славизм — направление цивилизационной мысли, которое считает славянские народы самостоятельной языковой, культурной, цивилизационной, геополитической общностью. Данная платформа составляет реальную научную основу для понимания цивилизации, к которой относится Россия и — шире — Восточная Европа, включая соседей-славян. Основу российской идентичности составляет принадлежность к балто-славянской ветви индоевропейских народов, которая насчитывает не менее пяти-шести тысяч лет с момента возникновения общности культур шнуровой керамики.

Истоки идеологии славянского единства восходят к письменной и литургической кирилло-мефодиевской традиции IX–X вв. как базе для первой высокой формы славянской цивилизации. Из сегодняшней перспективы кирилло-мефодиевский проект видится проектом создания собственной духовной мировоззренческой культуры на основе своей языковой реальности. Он до сих пор не завершён, пока у нас

нет полностью обособившейся от Запада цивилизационной философии и гуманитарной культуры.

Один из первых текстов, трактующих кирилло-мефодиевскую традицию в панславянском духе, — утраченный западнославянский документ, названный А. Шахматовым «Сказание о преложении книг на словенский язык». К нему восходят последующие тексты панславянского круга, в том числе и фрагмент «Повести временных лет» Нестора Летописца, который упоминает народности славян отдельно от западных народов среди потомков Иафета. Св. Адальберт Пражский (В. Славниковец) в конце X в. говорил, что западные и южные славяне должны создать особое имперское федеративное государство Европы. В XV–XVI вв. об общем происхождении славянских народов с территории России писали польские авторы Я. Длугош («Польская хроника», 1480), М. Меховский («Трактат о двух Сарматиях», 1517), М. Кромер («О происхождении и деяниях поляков», 1555), М. Бельский («Хроника всего света», 1550), М. Стрыйковский («Хроника польская, литовская, жмудская и всея Руси», 1582). Затем в XVII в. эстафета перешла к балканским авторам: в частности, В. Прибоевичу «О происхождении и успехах славян» (1525), М. Орбини «Славянское царство»

Цивилизация не идея, а живой крупный тип человека как личности, общества, культуры в их единстве. Поэтому идентичностью правильнее считать цивилизацию в своей индивидуальной человеческой сущности. В русской традиции первична личность, её дух, а внешняя идентичность вторична. Основа человека — его творческая воля, его волевой выбор, как и основа цивилизации — коллективный и личный творческий выбор народа, воля, творящая себя. В этом основной тезис русского мировоззрения.

¹ Баранов С.Д. Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси) / Баранов Сергей Дмитриевич. — Москва: Институт Наследия, 2024. — 578 с.

(1601) и Ю. Крижаничу. В России эти идеи получили развитие через Ю. Крижанича, Киевский синопсис И. Гизеля (1675) и перевод «Славянского царства» Орбини по заданию Петра I. У Крижанича в «Политике» (1666) и двух работах о языке панславизм впервые получил научную и практическую форму, в частности, проекта единого славянского языка. Этот проект в определённом смысле развивается до сих пор².

В первой половине XIX в. панславизм сложился как культурная основа для национального возрождения среди западных славян и южных славян в виде доктрины славянской взаимности. В ней они отделяли славян от западных народов в особую культурную и политическую силу внутри Европы. Заслуга же обоснования особой славянской цивилизации принадлежит русским славянофилам. Большинство ранних славянофилов в той или иной мере разделяли идею первостепенной важности славянского типа для самоидентификации русских, хотя вопрос о перспективах всеславянского единства оставался дискуссионным³. Особенностью русского славянофильства, как раннего, так и всей этой платформы в целом, является синтез панславизма и православного мировоззрения. Ключевой фигурой в обосновании славянской цивилизации стал А. Хомяков. Это было одно из главных достижений, которое подтвердило его роль духовного лидера в славянофильском кружке. Ярко идеи духовного типа славянства и его роли в мировой истории выражены в посмертном издании «Семирамиды» (1860) Хомякова, в которой он назвал славян «бытовыми брахманами Запада», носителями духа «иранства» в Европе, противостоящими духу «кушитства» западных народов. Общехристианская соборность церкви Хомякова является

моделью славянского типа человека и общества, в которой индивидуальное и коллективное уравновешены. Важная фигура славянофильской мысли — философ И. Киреевский видел в православной славянской цивилизации России альтернативу Западу.

Окончательная достройка славянофильско-панславистской платформы произошла уже в следующем поколении славянофилов («неославянофилов»): Н. Данилевского, В. Ламанского, А. Гильфердинга, А. Киреева, О. Миллера, Н. Страхова и других. Ключевой фигурой для научно-философского обоснования концепции славянофильства как особой цивилизации славян и их соседей, бесспорно, является Н. Данилевский. Недаром он подвергся яростным нападениям противников славянской самостоятельности, внутреннее переживание которой затруднительно для людей с комплексом чужебесия. Центральной идеей «России и Европы» (1869) Данилевского является именно славянский культурно-исторический тип в одном ряду с другими крупнейшими типами мировой истории и его противоположность германо-романскому типу. Данилевский считал, что в XIX в. славянский культурно-исторический тип только вступает в фазу цветения — фазу расцвета цивилизации, в которой он должен раскрыться как тип универсальный, прежде всего, в новом социально-экономическом строе.

Большую роль в создании научной теории восточноевропейской цивилизации сыграл также историк-славист В. Ламанский, создавший теорию Среднего мира Евразии, соответствующую большой Восточной Европе от Адриатики до Тихого океана. Она изложена в работе «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). В Средний мир вошли не только славяне и балты, но и ряд

соседних народов других языковых групп и семей, включённых в славянскую и православную культуру либо близких к ним (Греция, Румыния, Молдавия, Грузия, Венгрия, Финляндия, финские народы). Азиатские и западные народы Ламанский в Средний мир в целом не включал, так как это другие миры Евразии.

Нужно отметить, что идеи панславизма разделяли мыслители и деятели разных идеологических позиций, от левых (А. Герцен, М. Бакунин) и либералов (А. Пыпин «Панславизм в прошлом и настоящем», 1878) до православно-монархических охранителей (М. Погодин) и динамических традиционалистов, славянофилов, почвенников (А. Хомяков, Н. Данилевский) и украинских националистов (П. Кулиш, Н. Костомаров, Т. Шевченко (Кирилло-мефодиевское братство)). Это подчёркивает универсальность панславизма как цивилизационной платформы и независимость от заимствованных западных парадигм.

В середине XX в. панславянский проект практически достраивал уже вождь СССР И. Сталин в виде Восточного блока Варшавского договора и СЭВ. Опыт альтернативной западному капитализму оригинальной высокой формы индустриальной цивилизации социализма подтвердил самодостаточность славянства как отдельного типа человека и общества в противовес брюзжанию о его якобы «пустоте».

В последние десятилетия появился ряд фундаментальных научных фактов, подтверждающих концепцию славянской и — шире — восточноевропейской цивилизации как особой ветви человечества. Ключевой из них — фактор маркера гаплогруппы R1a1, преобладающей у современных народов Восточной Европы и древней общности шну-

² См.: Межславянский язык, портал, посвящённый практике межславянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://steen.free.fr/interslavic/history.html> (дата обращения: 14.09.2023).

³ См.: Досталь М.Ю. Славянский мир и славянская идея в философских представлениях и «практике» ранних славянофилов. // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 90–91.

ровой керамики и отличающейся от западных народов (R1b1). Он свидетельствует о раннем, уже в 6–7-м тысячелетии, разделении западных народов, с одной стороны, и славян, балтов, индо-иранцев — с другой.

Проблемными сторонами славянофильства и панславизма являются: разобщённость славянских народов, включение их в западные империи, Евросоюз и НАТО, приверженность части народов римо-католицизму, предательство ими России, да и самих себя. Но отказ от работы с Восточной Европой и славянами с позиций цивилизационного единства — повторяющаяся роковая геополитическая ошибка России. Она привела к тому, что война с Западом переместилась сегодня из пространства геополитики и борьбы идей через Украину на территорию Курской области.

Византизм и православная восточно-христианская цивилизация. Цивилизация и тип культуры Рос-

сии и ряда стран Восточной Европы определялись рядом влиятельных философов и учёными-гуманитариями по принципу преобладающей конфессии как православные или — шире — восточно-христианские. В их числе: К. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон, А. Панарин («Православная цивилизация» (2003)) и многие другие. Этот подход с лёгкой руки вышеуказанных авторов вошёл в учебники и признан почти каноническим. К числу государств православной цивилизации относятся: Россия, Украина, Белоруссия, Румыния, Молдавия, Болгария, Сербия, Республика Сербская, Черногория, Северная Македония, Греция, Кипр, Грузия, Армения. Православная цивилизация имеет несколько разных этнокультурных и исторических вариантов:

1) древняя ближневосточная с некоторыми современными реликтами (Иудея, Сирия, Египет, где

до сих пор живут копты; Между-речье — ассирийская церковь);

2) греческая (Византия, Греция, Кипр);

3) восточноевропейская, преимущественно славянская, в том числе, русская (самая многочисленная);

4) кавказская (Грузия, Армения, Осетия, Абхазия).

Все эти варианты формируют один христианский тип личности, ориентированный на Образ Божий, данный в Библии и церковном Предании, но при этом каждый сохраняет устойчивое своеобразие. В основе мировоззрения православной цивилизации лежит не просто трактовка истории, а практическая духовная философия мистического типа и вера в государственную миссию защиты православия. Народные корни платформы православной цивилизации в России восходят к сложившемуся в позднем Средневековье общему самоназванию русских как православных христиан,

в отличие от соседей других вероисповеданий и мелких региональных самоназваний народностей и земель.

Особая ситуация с византизмом — доктринальной системой, в которой Византия стала альтер-эго Руси (позднее эту роль стал играть Запад Нового времени). Византизм возводит цивилизацию России и православных стран напрямую к Византийской империи, а нередко к Римской империи, придавая им исключительное сакральное значение в истории. Первичным для византизма предстаёт именно заимствование из Второго Рима (традиция, трансляция), а не самостоятельные православные типы культуры. В. Бачинин в работе «Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма» назвал следующих представителей византизма в русской мысли: Филофей, Иосиф Волоцкий, Иван IV, Сильвестр, патриарх Никон, Филарет Московский, А. Хомяков, К. Леонтьев, К. Победоносцев.

Византизм как идеология возник после падения Византии. Первой формой византизма стала доктрина Москвы — Третьего Рима, которую мы трактуем в более широком смысле. Суть доктрины в том, что Россия — наследник миссии Византии по защите мирового православия⁴. Доктрина Третьего Рима — идеология динамическая, связанная с эсхатологическими ожиданиями конца света, намечающегося вместе с началом Нового времени и мессианской ролью России в нём. Это идея не столько почивания на лаврах наследника Рима, сколько своеобразный код христианской жертвенности. В дальнейшем она приобрела мессианский характер.

Южнославянским источником доктрины «Москва — Третий Рим», возможно, стали дополнения к переводу «Хроник Манассии», сделанному во Втором Болгарском царстве, в которых на роль наследника Констан-

тинополя предлагалась его столица Тырново. Вообще, на роль Третьего или Второго Рима претендовали многие государства, прежде всего германские. Этапами разработки доктрины стали: «Слово... на латыню» (Пахомий Серб, 1461–1462 гг.); предисловие к Изложению Пасхалии 1492 г. митрополита Зосимы, где Москва — «новый град Константина» (предполагаемый автор — епископ Прохор Сарский); Послания Филофея Псковского (1523), в котором доктрина была ясно обоснована как конечное предназначение Руси, а Русь названа «Ромейским царством»⁵; Русский хронограф, составитель Досифей Топорков (1522?); легенда о шапке Мономаха в «Сказании о князьях Владимирских» (1498–1527); венчание на царство Ивана IV (Грозного) в 1547 г., в соответствии с которым он стал считаться на Руси наследником титула римских императоров. Хотя он относился к греческой традиции скептически: «Вера моя русская, а не греческая», — говорил Грозный царь папскому легату Поссевино. Высшим закреплением византизма как официальной идеологии Русского царства стало включение формулы «великое Российское царствие, Третий Рим» в Уложенную грамоту Константинопольского патриарха при учреждении Патриаршества на Руси при Фёдоре Иоанновиче в 1589 году.

Вторая форма византизма — Книжная справа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Умеренный византизм в духе начала XVI века с доктриной Третьего Рима стал основой для кружка «ревнителей благочестия» середины XVII в., из которого вышла идея церковной реформы, необходимость в которой, впрочем, сознавалась и ранее для создания в России развитой формы православной культуры. Византизма, правда, в разных формах и степени придерживались как сторонники новогреческих обрядов, так и их про-

⁴ См.: Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.) М.: Индрик, 1998. — 410 с.

⁵ Там же. С. 13.

тивники, что подтверждает его превращение в сквозную платформу.

Третья форма — светский неовизантизм второй половины XIX века: Ф. Тютчева в его теории преемственности мировых монархий, К. Леонтьева («Византизм и славянство», 1875).

Четвёртая форма — неовизантизм русской послереволюционной эмиграции (Неопатристический синтез, Г. Флоровский).

Пятая форма — позднесоветский и постсоветский неовизантизм (Д. Лихачёв «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили» (1973), архимандрит Иоанн (Экономцев), Н. Нарочницкая и другие). Одним из наиболее ярких представителей современного византизма является митрополит Тихон (Шевкунов). С его деятельностью связано введение Херсонеса в современную идеологию и историческую политику как священного места начала Российской цивилизации, а также строительство на его территории комплекса «Новый Херсонес» с музеями Византии, Античности и Христианства (комплекс с подобным названием есть и в Афинах), а также знаковый фильм «Гибель империи. Византийский урок» (2008). Платформу византизма разделяет и патриарх Кирилл, связавший появление цивилизации и культуры в восточнославянских землях с Крещением Руси в нашумевшем интервью (2010). Византизм как практическое духовное мировоззрение жив и сегодня в массах консервативных верующих: нарастает движение вокруг сохранившегося чудотворного Годеновского креста, согласно документированному преданию перенесшегося чудесным образом из Византии за 20 лет до падения Константинополя в окрестности древнего центра Северо-Восточной Руси Ростова Великого. Продолжаются и попытки научно-культурологического обоснования преемственности Россией византийской культуры и цивилизации⁶.

Анализ, проделанный современными историками, филологами, правоведами, показывает, что прямые заимствования из Византии сформировали в основном сферу церковного богослужения, предметов культуры, мистических практик (исихазм), в остальном же древнерусская культура была оригинальной по отношению к Византии. По своему месту в типологии цивилизаций Византия — это ранний восточный, хотя и развитый вариант Запада. Нередко даже византизм пытаются подменить эллинизмом (Г. Федотов, Т. Сидаш) — высокой античной языческой культурой, лежащей в основе культуры Византии, хотя они абсолютно антагонистичны, по утверждению С. Аверинцева и А. Лосева. Влияние эллинизма в культуре славянской Восточной Европы фрагментарно. Византия всё же прямой наследник античного и доантичного греческого и малоазиатского варианта Запада с особенностями его человеческого типа.

Греки сами — всего лишь восприимчики и передатчики христианства с Ближнего Востока, а не носители конечной истины, как писал монах и путешественник по православному Востоку А. Суханов в основанном на реальных диспутах трактате «Спор с греками о вере» (1650). Русь глубоко заимствовала именно ту часть византийской духовности, которая не была западной. Скорее ближневосточной или антизападной. Самодержавная наследственная монархия России по своему типу не имеет прямого отношения к постреспубликанской монархии римских и византийских императоров, кроме названия титула и теории, связывающей царя с Катехоном.

В международных делах обращение к неовизантизму в постсоветский период связано с попыткой самоутверждения российских церковных кругов в православном мире. Однако после отказа РПЦ и ряда поместных церквей от участия в про-

экуменическом Всеправославном соборе на Крите в 2016 г., организованном греческим духовенством во главе с Константинопольским патриархом Варфоломеем с целью концентрации власти в его руках, а также создания ПЦУ на Украине с целью вытеснения Московского патриархата и уничтожения православия, стал очевиден провал попыток консолидации православного мира под эгидой Москвы. Влияние византизма на самосознание России было и остаётся в целом плодотворным, а православие остаётся центральной идеей человеческого типа русских.

Евразийство, «исход русскости к Востоку». Евразийство — мировоззренческая платформа, согласно которой идентичность России и её соседей в значительной мере определяется принадлежностью к единому большому пространству Северной Евразии. Историческая Россия понимается как Северная Евразия. В более широком смысле евразийство понимается как метаидеология единства стран и народов материка Евразия, включающего Европу, Восточную и Южную Азию, Ближний и Средний Восток как целое.

Евразийство — новаторское и творческое явление, возникшее в 1920-е гг. в виде русского эмигрантского движения евразийцев, объединявшего молодых учёных. Под евразийцами обычно понимают шесть классических евразийцев: Н. Трубецкого, Л. Карсавина, П. Савицкого, Г. Вернадского, Р. Якобсона, П. Сувчинского. Последовательно идеи евразийства изложены в сборниках «Евразийство: опыт систематического изложения» (1926) и «Евразийство» (1927) и в работе Н. Трубецкого с говорящим названием «Наследие Чингисхана» (1925). В 1960–1980-е гг. Л. Гумилёв в своих работах по истории и историософии туранских народов и русских в контексте Евразии напомнил о нём.

⁶ См.: Скотникова Г.В. Византийский Ассист: Византийская художественная традиция и русская культура. История и теория. СПб: Издательство «Аргус СПб», 2018. — 376 с.

Евразийство — ответ на кризис русской мысли на исходе Серебряного века после краха старой России, призванный создать новую межнациональную российскую идентичность, скорректировать большевистскую платформу социализма в СССР с её устремлением на Восток, в направлении традиции.

Ключевая идея евразийцев, которая позволяет говорить о наличии у них проекта идентичности уровня цивилизации, — это общеевразийский духовный и практический тип человека, который соответствует североевразийскому человеку — промысловому, верному воину, путешественнику, ранний аналог которого виделся в людях длинной воли воинов Чингиз-хана, верных своему лидеру. Этому типу евразийцы ставили в соответствие единый евразийский национализм как общее политическое самосознание. Речь идёт о чертах, присущих разным типам этнических групп Евразии, которые теоретически могут уживаться друг с другом. Однако на практике имеют место не всегда легко совместимые для проживания в одном коллективе модели поведения.

Важным элементом мировоззрения евразийства является попытка соединить русский тип с типом тюркских народов, но для этого

лидерам евразийства пришлось искусственно отделить русский тип человека и культуры от общеславянского. «“Славянский характер” и “славянская психика” — мифы... Не существует и общеславянского физического антропологического типа. “Славянская культура” — тоже миф», — писал Н. С. Трубецкой, ставя эти базовые для славянофильства понятия в кавычки. Однако современные исследования антропологии, генетики и древней истории не подтверждают ни смешанное происхождение большинства русских, ни тем более тюркские корни, которые вообще у русских не найдены, ни решающее влияние Золотой Орды на русскую историю и культуру.

Ранние евразийцы сконцентрировали внимание на истории народов алтайской языковой семьи, видя в них главную историческую силу большой Евразии, во многом определившую и исторический путь русского народа. Действительно, тюрки и монголы стали новыми политическими и этнокультурными силами в Евразии наряду со славянами и германцами. Нарастал их натиск на Запад с VI в. н. э. после крушения Древнего мира в ходе великого переселения народов и вплоть до XVI в., а в Европе — до XVII в. н. э. Особенно

ярко эта сила проявилась после завоеваний наследников Чингиз-хана и создания евразийской империи Золотой Орды и Османской империи. Однако с XVII века произошёл полный обвал: тюркские народы не смогли создать цивилизацию мирового масштаба как типа человека и идентичности, теснимые с разных сторон соседями (арабы, китайцы, иранцы, славяне, Запад).

Неожиданно после развала СССР и краха социализма произошёл настоящий ренессанс, «реинкарнация» евразийства по запросу постсоветских российских и среднеазиатских элит на новую интеграционную идеологию по сохранению пространства Евразии (Н. Назарбаев, М. Шаймиев, А. Акаев), в которой при этом были бы соблюдены независимость и даже приоритет туранских народов. Ряд известных патриотических мыслителей поддержали платформу евразийства (А. Дугин, С. Глазьев, А. Панарин). С другой стороны, евразийство оказалось очень удобным для России идеологическим «навесом» для воссоздания некоей нейтральной формы империи как империи равных (подобия империи в виде международного союза). Успешность и ценность идей евразийства показало создание ЕАЭС. Однако оно же показало и тесные «границы возможного» для евразийской идеи, которые, в конечном счёте, покоятся на военной и экономической силе РФ.

А. Панарин, обосновывая геополитический и цивилизационный выбор будущего в пользу евразийства, совсем в духе ранних евразийцев подверг резкой обструкции платформы панславизма, идеократического византизма и «острова России»: «Евразийская идентичность России представляет единственно надёжную цивилизационную альтернативу беснованиям теократического панславизма (! — С. Б.), способного столкнуть нас и с Западом, и с мусульманским миром одновременно. Этот путь означает, что Россия подтверждает свое назначение — быть государством-цивилизацией (а не го-

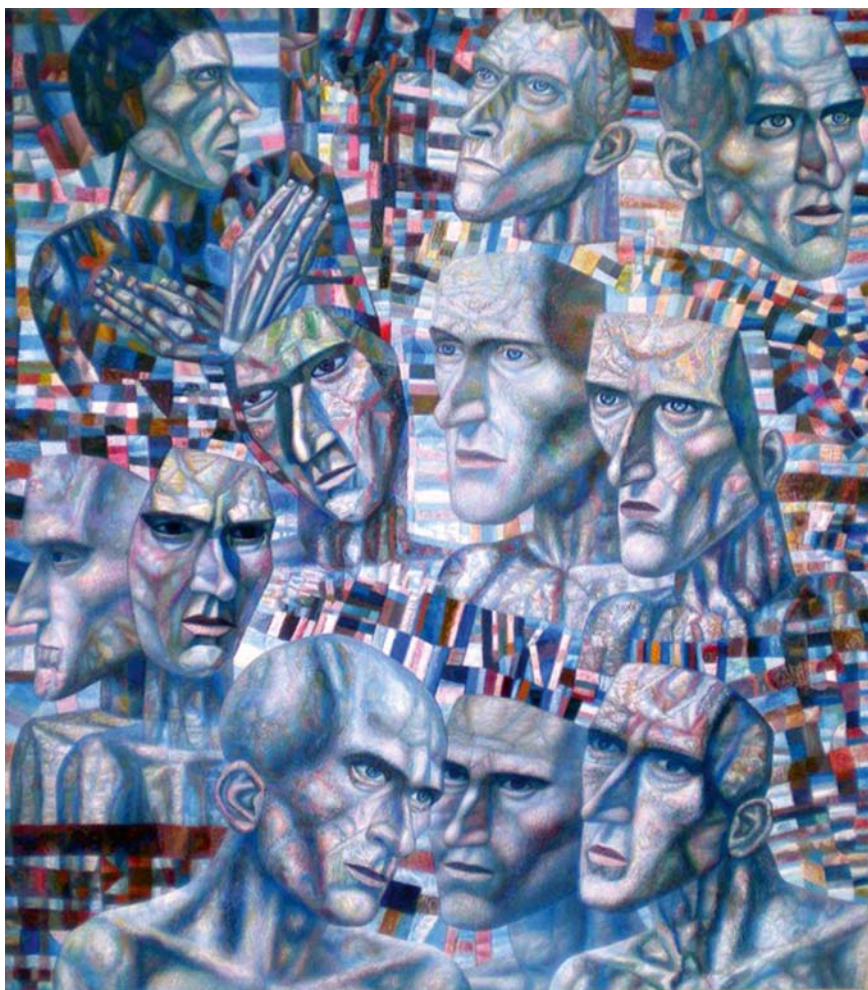
Евразийство — ответ на кризис русской мысли на исходе Серебряного века после краха старой России, призванный создать новую межнациональную российскую идентичность. Ключевая идея евразийцев — это общеевразийский духовный и практический тип человека, который соответствует североевразийскому человеку — промысловому, верному воину, путешественнику, ранний аналог которого виделся в людях длинной воли воинов Чингиз-хана, верных своему лидеру. Этому типу евразийцы ставили в соответствие единый евразийский национализм как общее политическое самосознание. Речь идет о чертах, присущих разным типам этнических групп Евразии, которые теоретически могут уживаться друг с другом.

сударством-островом, лишённым собственной ниши и обречённым на ретроградный изоляционизм»⁷. Отвергнув и славянскую идею, и островную теорию В. Цымбурского, Панарин объединил под лозунгом евразийства платформы государства-цивилизации, собственно евразийства и византизма (Третий Рим)⁸.

Говоря о евразийстве как цивилизационной парадигме, нужно иметь в виду, что и сегодня существует и успешно развивается особая тюркская цивилизация, по численности носителей близкая к населению России и Русскому миру (более 150 млн чел.), и её геополитические институты (Организация тюркских государств), которые видят их будущее никак не связанным с русской цивилизацией. Это очевидно просматривается во внутренней и внешней политике Турции, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Киргизии. Происходит возвращение этих государств на собственный путь, соответствующий этнической природе их цивилизации. В ряде стран происходит целенаправленное сокращение русского языка и русского населения, отказ от кириллицы, растёт русофобия, скрытые и явные претензии к России, противодействие её линии в украинском вопросе и СВО, и всё это — на фоне сотрудничества в экономике и массовой замещающей трудовой миграции в Россию их граждан.

Главная проблема евразийства как цивилизационной доктрины в том, что у неё отсутствует среднее звено, сердцевина, реальный объект и предмет в масштабе Евразии — единый тип человека и культуры. Да, имеет место локальный синтез в разных регионах тюркского (шире — алтайской языковой семьи) и русского, славянского, восточноевропейского миров. Часть тюркских народов стали восточны-

ми европейцами (татары, башкиры, чуваша, венгры, гагаузы). С другой стороны, евразийство — блестящий мегапроект симбиоза разных цивилизаций и суперэтнотосов Евразии, которых около десятка, как об этом писал поздний Л. Н. Гумилёв, чтобы не «вводить в заблуждение» относительно единого суперэтноса⁹. Необходима переработка и доработка евразийства, прежде всего, как паневразийской платформы содружества цивилизаций.

Русский мир, страна-государство-цивилизация. Платформа русизма, или «островная» платформа, предполагает, что цивилизация России совпадает с границами рос-

сийского государства, в широком смысле — с границами старой России или СССР и в узком смысле — современной РФ, потерявшей часть своих территорий. Идея исключительности России, цивилизационного и геополитического одиночества русской цивилизации была известна давно: здесь мы вспоминаем работы Чаадаева, идеи Тютчева и Достоевского, статью Страхова «Роковой вопрос» (1863). Однако в полной мере идеи России как самодостаточной изолированной страны-цивилизации возобладали и сложились в теоретический комплекс лишь после распада СССР в 1990-е и 2000-е гг. Фоном послужила ситуация России как про-

⁷ Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский Мирь: Моск. учеб., 2005. — 432 с. С. 267.

⁸ Там же. С. 261.

⁹ Гумилёв Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению. // Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Экспрос, 1993. С. 168, 170–171.

игравшей стороны в столкновении цивилизаций, у которой нет сил на мегапроекты, компенсированная внутренней мегаломанией. Появились три основные россиецентричные доктринальные схемы, которые так или иначе похожи друг на друга:

- 1) доктрина «Остров Россия» (1993) В. Цымбурского, по времени предшествующая всем остальным как возможный источник;
- 2) доктрина «Русский мир» в нескольких вариантах (П. Щедровицкий «Русский мир. Возможные цели самоопределения», 2000), патриарха Кирилла (2009), Изборского клуба (2016) и национал-патриотического сообщества;
- 3) доктрина России как государства-цивилизации, более корректный

вариант — «страны-цивилизации» как империи¹⁰.

Доктрина Русского мира попыталась интегрировать в себя вариант языковой и культурной общности, а также элементы православного византизма. В первоначальном варианте Доктрина Русского мира вмещала в себе вариант диаспорной идентичности и «Острова России» как постимперского государства. В варианте патриарха Кирилла она была ориентирована уже на включение Украины, Белоруссии, Молдавии. Патриотический вариант стал имперским.

Постепенно именно третий вариант государства-цивилизации и империи возобладал в цивилизационном дискурсе, а Русский мир отошёл

на задний план в связи с провалами на Украине и прессингом русских диаспор в странах, подконтрольных Западу.

Происхождение третьего варианта сложное: скорее всего, он разрабатывался одновременно разными авторами в постсоветский период. Ранее понятие государства-цивилизации не имело распространения ни в России, ни за рубежом. Термин «Россия — государство-цивилизация» встречается у А. Панарина в вышеупомянутой работе 2005 г. В 2010 г. вышла монография «Русская цивилизация...» О. Платонова, директора одноимённого института. Схема государства-цивилизации опробована британским левым автором М. Жаком на материале Китая («Когда Китай будет править миром...», 2009), который был назван им в соответствующем разделе государством-цивилизацией. Возможно, она оказала влияние на российских авторов, хотя нельзя исключать и их приоритет. Понятие создано с образца «государства-нации». Разработка доктрины русского государства-цивилизации происходила в Институте философии РАН. Она была обобщена в работе Спиридоновой В. И., Соколовой Р. И., Шевченко В. Н. (2016)¹¹.

Проблема всех трёх доктрин в том, что они смешивают национальное с цивилизационным. При этом иногда русская нация как основа русского государства произвольно противопоставляется российской цивилизации. Центрами и вариантами цивилизаций являются именно национальные государства и народы, вокруг которых создаются многонациональные империи, а не наоборот.

¹⁰ В этих пунктах автор доклада существенно расходится с мнением своих коллег по Изборскому клубу, несмотря на то, что он и сам участвовал в 2015 году в создании «Доктрины Русского мира». Суть разногласий в том, что вопреки мнению Баранова сближение трех названных воззрений («Острова России» Цымбурского, «Русского мира» Щедровицкого и его последователей и, с другой стороны, созданных, отчасти параллельно, представлений о Русском мире (Б. Костенко в 1992–1993 гг., представление о «Континенте-России», идеи Русской доктрины (2005) и затем Изборского клуба) не имеют под собой настоящей почвы. Различия между указанными воззрениями, может быть, даже более резкие, чем различия между каждым из них в отдельности и концепцией восточноевропейской цивилизации самого уважаемого автора. Что же касается концепции «государства-цивилизации», то ее построение как своеобразной модели России только начинается, и здесь делать выводы и объединять ее с «островной» или «архипелаговой» моделью явно преждевременно (Ред.).

¹¹ Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 121 с.

Вообще, вызывает сомнение сам факт существования реальных цивилизаций в масштабе стран и государств, не входящих в более крупные цивилизационные общности этнических семей и групп (или крупных религий). Для развития цивилизаций, по Данилевскому, важна вариативность — разнообразие вариантов одного крупного и многочисленного культурно-исторического типа в разных государствах. Исключение ли здесь Россия? Вряд ли. Очевидна цивилизационная, историческая, да и геополитическая недостаточность масштабов России как прижатого к северу «острова» внутри Евразии, сводимого так или иначе к границам и размерам XVII в. В перспективе развития стратегия сжатия цивилизационного мира до малых пределов является тупиковой. Россия должна стремиться к консолидации более широкого пространства разных государств, но объективно своего, близкого по типу. Но нужно признать, что для целей актуальной идеологии и пропаганды концепт России как государства-цивилизации вполне удачен и является шагом вперёд в суверенной риторике российского экспертного сообщества и элиты.

Гиперборе́йство — цивилизация Севера. Определение идентичности России как цивилизации северного человека наряду с рядом стран Запада и народов Востока — сравнительно новая мировоззренческая платформа, которая в полной мере сложилась с 1990-х гг. Гиперборе́йство оформилось в России в 1990-е гг. под влиянием внешних доктрин фантастического свойства второй половины XIX — первой половины XX вв., присущих крайне правым мыслителям Запада: У. Уоррена («Найденный рай на Северном полюсе», 1885), Ф. Ницше, Г. Вирта, Ю. Эволи, Р. Генона («Атлантида и Гиперборея», 1929).

К современным российским авторам, развивавшим гиперборе́йство в том или ином ключе, можно отнести: А. Дугина («Знаки Велико́го Норда. Гиперборе́йская теория», 2008), В. Дёмина («Гиперборе́йский ликбез»), В. Штепу¹² («Третий Север», «Северный ветер. Новая цивилизация как национальный проект», 2006), Г. Джемала (трактат «Ориентация — Север», 1997), Е. Головина (книга-эссе «Приближение к снежной королеве», 2003), Н. Гусеву («Русский Север — родина индославов», 2010) и других. Наиболее полный анализ источников по гиперборе́йству представлен в работе А. Белякова и О. Матвейчева¹³. Гиперборе́йству присуща претензия на преодоление противоречий идеологии Запада и Востока вообще и славянофильства и западничества в частности, противопоставление Севера не только Югу, но и Западу как цивилизации заката. Гиперборе́йство создало свою собственную практическую и теоретическую философию и мифологию, которые позволяют вставить «над фактами». Они сконцентрированы на определённом типе человека — гиперборе́йца, который обладает якобы сверхчеловеческими чертами («мы, гиперборе́йцы», называл себя и своих единомышленников Ф. Ницше). Гиперборе́ец — это и расовый, и духовно-культурный тип, дистанцированный от привязки к этнике, таков он у Генона и Джемала. Одна из особенностей типа — развитая индивидуальность, рациональность, воля и при этом сознательный коллективизм.

Особенность большинства теорий цивилизации Севера — использование в том или ином контексте мифа о Гиперборее — загадочной высоко-развитой древней стране, где жили предки северных народов, прежде всего индоевропейцев, согласно гипотезе индийского мыслителя

и политика Б. Тилака («Арктическая родина в Ведах»). Никаких научных свидетельств существования такой страны нет, а попытки найти её следы оказались неудачными. В целом в работах неогиперборе́йцев Джемала и Штепы и других предприняты попытки сделать гиперборе́йство философски независимым от принятия/непринятия вымышленного концепта прародины — Гипербореи, в который часто верят чересчур экзальтированные поклонники.

Для платформы цивилизации Севера есть все объективные основания — Россия, как и Восточная Европа и Северная Евразия, находится в зоне отрицательной изотермы января. Центральная Россия — Север по мировым и даже западным («атлантическим») меркам. Предки большинства народов России и Европы сформировались в условиях ледникового периода в приледниковой зоне, образуя несколько пересекающихся массивов населения с бореальными диалектами. Это диктовало особые условия жизни, сформировало ряд северных рас, включая и нордическую расу, древнеевропейскую расу, уральскую расу, северные азиатские расы алтайской семьи; особые условия хозяйства и высокую затратность экономики и быта, особую энергетику и технику, низкую урожайность и рентабельность (о чем теория издержек как основы особенностей экономики России А. Паршева «Почему Россия не Америка», 1999). Как следствие, декларируется необходимость государственной поддержки и управления ростом, закрытого протекционизма внешней торговли и финансов. Несмотря на глобальное потепление, России придётся жить преимущественно в холодной зоне Евразии и осваивать ресурсные северные территории: Арктику с Севморпутем, Восточную Сибирь, Дальний Восток.

¹² В.В. Штепа включён в список «иноагентов» РФ.

¹³ Беляков А., Матвейчев О. Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир, 2019. 436 с. URL: https://matveychev.ru/wp-content/uploads/2019/02/Matveychev_Hiperborea_obrez_123_200.pdf (дата обращения: 14.09.2023).

Построение реального социализма в СССР означало совершенно новую форму цивилизации России и её соседей, вошедших в социалистическую систему вместе с СЭВ и Варшавским блоком после Второй мировой войны. Это развитая форма всё той же славянской цивилизации, надстроенная над традиционной для неё общинностью, соборностью, индивидуал-коллективизмом, духовностью в личностных отношениях, госсобственностью; вариант собственной оригинальной глобальной надэтнической модели цивилизации. Социализм уже в 1930-е гг. выработал свой сильный тип духовного, волевого «советского человека»

В последнее время Россия, самая северная страна из «цивилизации Севера», вместе с БРИКС оказалась в компании стран Глобального Юга. Мы не противостоям Югу как неокolonизаторская северная страна, при этом как будто находясь в стороне от Севера и Юга. Но и отказаться от «богатой» индивидуализированной северной модели человека и общества было бы самоубийственно для нас. Южане видят в нас, прежде всего, других людей, людей Севера.

Социалистическая цивилизация СССР — советизм. С 20-х гг. XX в. цивилизационная идентичность России рассматривалась в мире и внутри России как социалистическая, коммунистическая, «красная» модель, которая точнее других передаёт её суть. На научно-философском уровне тему социализма как реальной цивилизации России (а не набора теорий) попытались осветить не так много авторов: А. Зиновьев («Коммунизм как реальность», 1980, и др.), С. Кара-Мурза («Советская цивилизация», 2001, «СССР — цивилизация будущего. Инновации Сталина», 2010), А. Лазаревич («Советия», 2001) и другие. В 1930 гг. особой новой цивилизацией СССР назвали представители левого

британского истеблишмента супруги Вебб¹⁴, посетившие Советскую Россию.

Построение реального социализма в СССР означало совершенно новую форму цивилизации России и её соседей, вошедших в социалистическую систему вместе с СЭВ и Варшавским блоком после Второй мировой войны. Это развитая форма всё той же славянской цивилизации, надстроенная над традиционной для неё общинностью, соборностью, индивидуал-коллективизмом, духовностью в личностных отношениях, госсобственностью; вариант собственной оригинальной глобальной надэтнической модели цивилизации. Социализм уже в 1930-е гг. выработал свой сильный тип духовного волевого «советского человека», который активно продвигался в социалистической культуре, сложившейся после культурной революции. Этот тип победил в Великой Отечественной войне новый западный тип нациста и фашиста, а затем в послевоенном строительстве создал динамичную научно-техническую цивилизацию. Правящий слой социализма — меритократическая номенклатура — не являлась олигархическим наследственным владельцем власти и крупной собственности.

Социализм в рамках марксистской и вообще левой парадигмы рассматривается как социально-экономическая формация будущего. Формационный и цивилизационный подходы в принципе совместимы. Новая глобальная форма (или формация, как угодно) цивилизации возникает внутри той отдельной цивилизации, которая наиболее подходит для этого по своей традиции и антропологическим возможностям. Затем она передаётся другим регионам мира через господствующий социально-экономический уклад. Так было ранее и с капитализмом Запада, так произошло и с социализмом в России (трансляция социализма в Восточную Европу, Среднюю Азию, Китай, Индокитай, Монголию, Северную Корею, Кубу).

Философская особенность практики и духа реального социализма, вытекающая из анализа его внутренних проблем, состоит в том, что социализм фиксирован на общественном строе — социальном строе как главной ценности в широком смысле, как более высоком уровне по сравнению с социобиологической конкуренцией индивидов и родов при капитализме и в докапиталистических укладах, и нацелен на сверхчеловеческое. Отсюда и смысл термина «социализм». Однако советский социализм, опираясь на атеизм, игнорирует духовное начало, лежащее в личной и религиозной плоскости. В результате происходит проседание на низший уровень и неустойчивость строя. Платформа социализма представляет собой массу проблем: коммунальность как жёсткая борьба индивидов друг с другом, убивающая творчество (А. Зиновьев), предательство и обструкция развития элитами, опора на атеистическое буржуазное Просвещение, потеря духовной традиции и корней. Социализма больше нет, и его возвращение в прежней цивилизационной форме маловероятно. Но, скорее всего, новая цивилизация

¹⁴ См.: Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм — новая цивилизация? Т. 1, 2. М.: Государственное социальное и экономическое издательство, 1937. 1045 с.

лизация будет во многом походить на тот или иной вариант социализма.

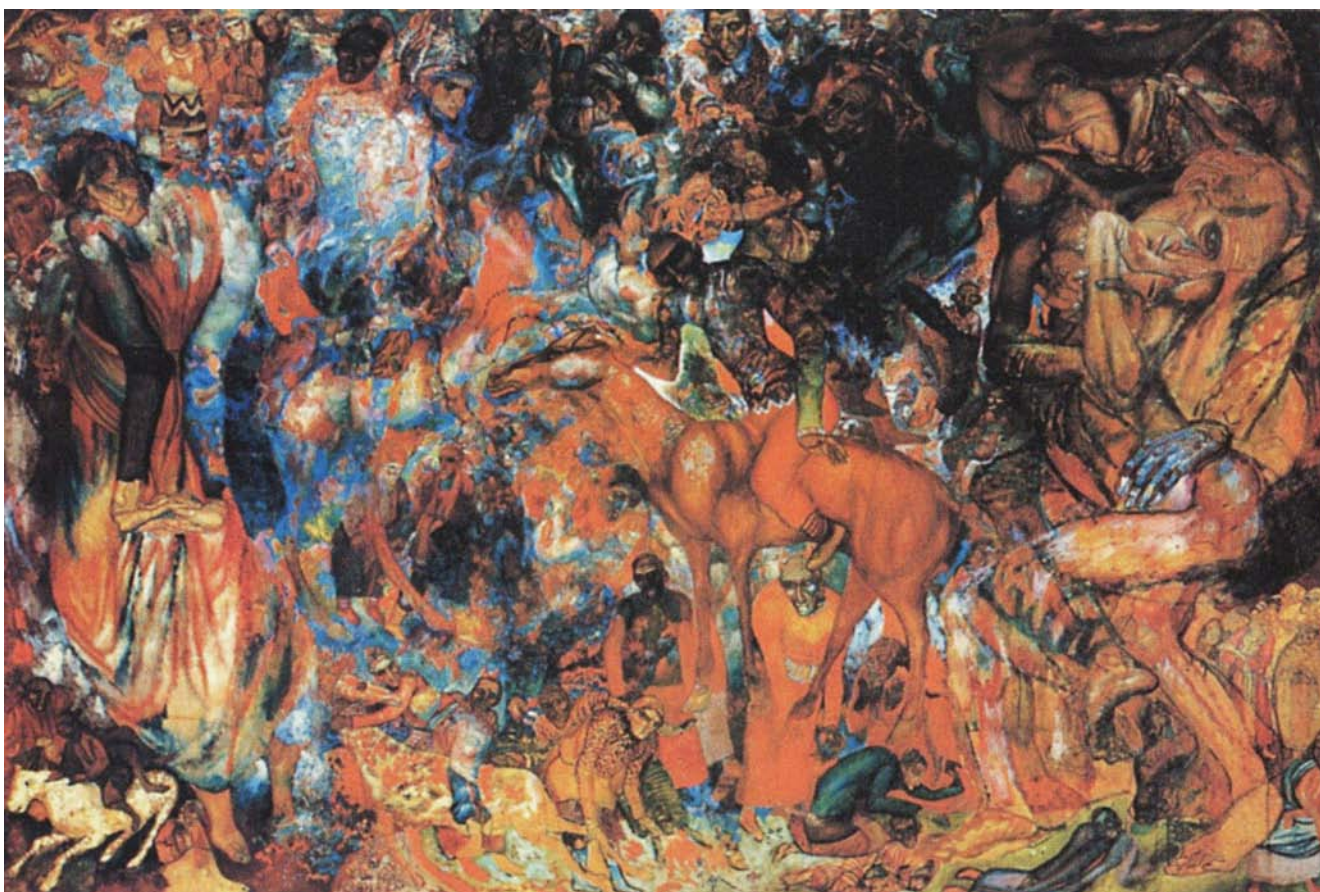
Западничество. «Запад как наследник античного мира представляет собой всё прошлое и настоящее человечества. Поэтому ненависть к Западу тождественна ненависти и недооценке по отношению к свободе мысли, праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации вообще», — патетически писал русский философ-неокантианец Б. В. Яковенко в «Истории русской философии» (1939)¹⁵.

Н. Данилевский различал злокачественное и доброкачественное «европейничанье». Злокачественное западничество представлено людьми, выполняющими, по сути, роль наёмных или добровольных иноагентов западных элит и государств и видящих нашу цивилизацию как их филиал. Но многие западники-патриоты выступают за сохранение политической и экономической самостоятельности

и культурной самобытности России и других стран Восточной Европы, хотя и отрицают её как отдельную цивилизацию, считая их просто неотъемлемой частью семьи европейских народов, а русскую мысль — отрядом западной мысли. Главная ставка в развитии и самоутверждении России делается на заимствования технологий производства и управления, культуры и идентичностей с Запада под лозунгом модернизации. Само понятие модерна — понятие западников.

Как ярко выраженное самостоятельное течение мысли западничество оформилось в период первичной поляризации мировоззрений и идеологий России в 1830–1850 гг. и активно развивалось в последующие десятилетия. К концептуальным западникам относятся: Б. Чичерин, А. Герцен, Н. Огарёв, В. Белинский, Н. Чернышевский, А. Добролюбов, Д. Писарев, Т. Грановский, Д. Милу-

тин, Н. Милютин, С. Соловьёв, В. Соловьёв, К. Кавелин, П. Струве, П. Милуков, Г. Плеханов. Этот список может быть продолжен. Западники в разных идеологических разновидностях выступали носителями революционного процесса. Как ни покажется парадоксальным, западники являлись и наиболее крупными правителями и реформаторами России, по масштабу своих действий соответствующими масштабу самой русской цивилизации. Таковы Борис Годунов, Пётр I, Екатерина II, Николай I, В. Ленин. Из не-западников их превосходит по масштабу цивилизационного строительства только И. Сталин, ориентировавшийся на самобытный социализм панславянско-евразийского типа, а также Иоанн IV Грозный. Не-западниками по духу и взглядам были последние Романовы: Александр III и Николай II, но они стали заложниками господствующего слоя

¹⁵ Яковенко Б.В. История русской философии. М.: Республика, 2003. С. 98–99.

западников Российской империи, которые привели её к катастрофе 1917 г.

Западничество — это консолидированная идеология правящего класса и бюрократии России с XVIII века, выражающая его экономические, бытовые и мировоззренческие устремления по линии наименьшего сопротивления, транслируемые вниз, в то время как остальные шесть вышеперечисленных направлений носят характер либо альтернативных, представленных лишь наиболее патриотичной его частью, либо даже маргинальных. Поэтому западничество выступает государственно-правовой метаидеологией, противостоящей народной недоидеологии, которая представлялась в гротескно-ужасном виде. Система образования и культуры в России построена по смысловой модели Запада. Главный продукт деятельности западников — псевдоморфозы — вкрапления культурных элементов чужого цивили-

зационного типа по О. Шпенглеру, которыми, увы, пронизана наша русская культура, хозяйство и управление.

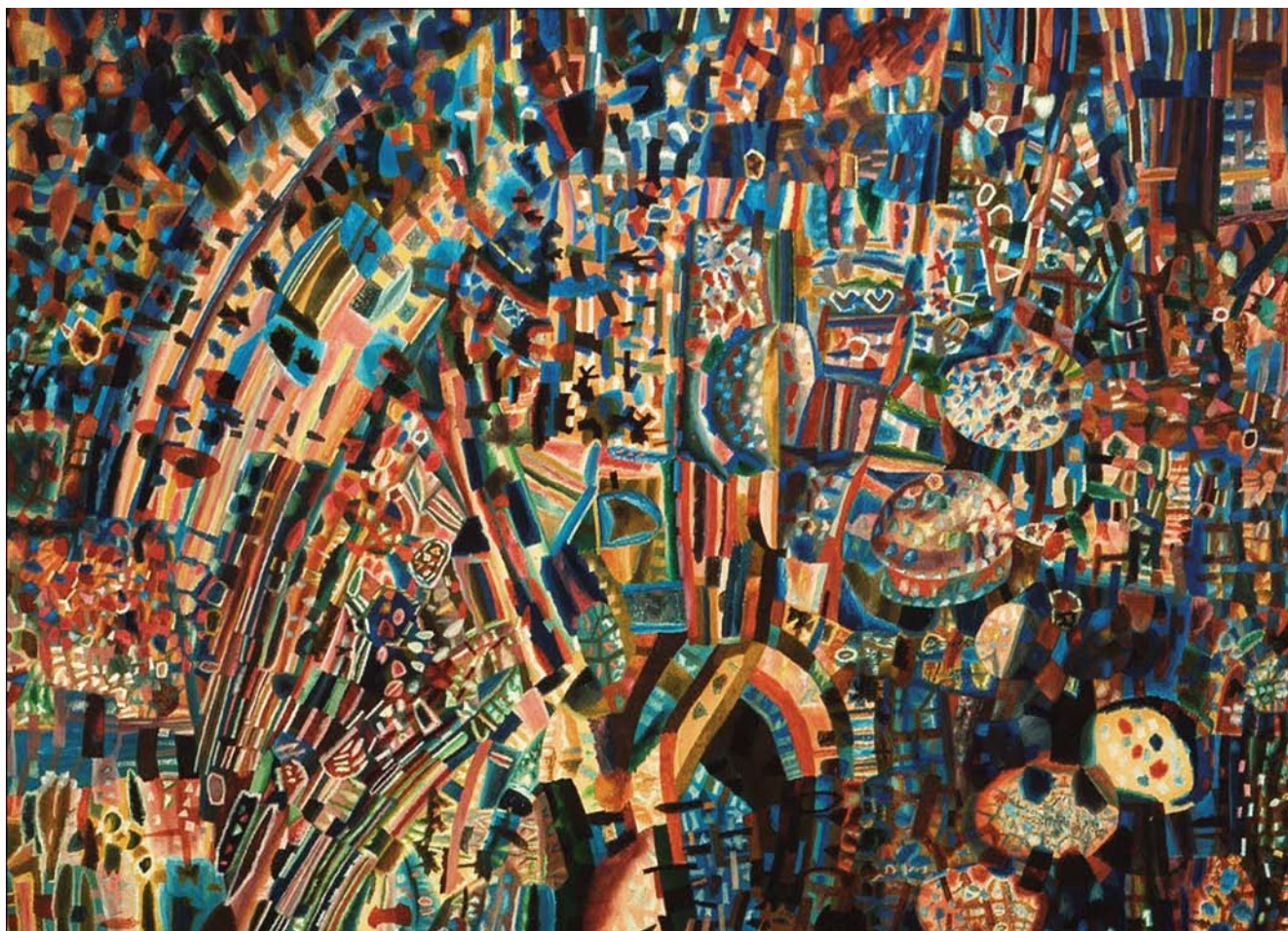
Русская цивилизация выстрадала свою оригинальность в тяжком труде и борьбе. Но трагизм ситуации в том, что заимствования с Запада часто необходимы для успеха в конкуренции с ним же. Изменить эту ситуацию очень сложно, как показывает мировоззренческая борьба в прошлом и теперь. Ведь сторонникам суверенной цивилизации нужно, не обладая средствами и временем, не будучи голословными, создать свои оригинальные и независимые источники мировоззрения и культурные формы, в известном смысле противостоящие всему культурному массиву Запада. Брать чужое легче, чем творить своё «из ничего».

«Чужebesие — это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ. Мы слишком

доверчивы к чужеземцам и позволяем им в нашей стране делать всё, что они хотят. Все наши беды из-за того, что мы слишком много общаемся с иноземцами и слишком много им доверяем», — писал в «Политике» панславист Ю. Крижанич, выходец из далёкой Хорватии, наблюдавший Россию XVII в. изнутри свежим критическим взглядом агента Ватикана.

В силу гипотезы славянского чужebesия западничество, как и другие виды подражательства и заимствования чужой цивилизации, является внутренним органическим пороком цивилизационного самоопределения русских и славян. Его нужно внутренне изжить, «переварить», «усвоить», объединив с другими в новый синтез, его нельзя просто отбросить, иначе оно так или иначе зайдёт через заднюю дверь.

В итоге можно сделать следующий вывод: Россию часто рассматривали в осях координат между глобальными Западом и Востоком, Севе-

ром и Югом, однако Россия не принадлежит ни к одному из «углов» мира и не является чем-то средним или каким-то мостом между ними. Россия принадлежит к оси этой архитектуры. С этим связано новое собственное мировоззрение, которое формируется в России.

Проблема единства мира и его осевое решение. Россия как осевая цивилизация. Русскую мысль всегда волновал крайний вопрос о всеединстве, органической целостности мира. То, что мир разный, состоит из разных цивилизаций и народов, разных неповторимых личностей, их идей, русская мысль хорошо поняла в своём начале, пытаясь мыслить себя особой цивилизацией и личностью. Но как мир становится единым? Благодаря чему мир как целое держится? Персонализм и всеединство, как они сочетаются? Это проклятый вопрос русской философии, вызывавший постоянные споры и конфликты метафизиков.

В основе всех идей единства и целостности лежит идея мира как единого существа, Бога, материи, Разума, Вселенной и т.д., личностный характер которого иногда заглушёвывается, как с материей или Абсолютом. Философы вынуждены были прибегать к разным конструкциям, опосредующим Бога-творца и управление целостностью мира, либо помещать в Бога весь мир. Для этого В. Соловьёв и его последователи привнесли на русскую почву из зарубежных учений Мировую Душу, Софию, Материю-Приму и т.д., по сути, впадая в ересь в прямом (церковном) и в переносном смысле.

Не правильнее ли считать, что в мире благодаря Богу существует некая подвижная мировая Ось, которая объединяет весь мир как личностные волевые единицы, стремящиеся в разнонаправленном движении пространства и времени? Развитие цивилизации и природы есть удаление или приближения к Оси. Подвижная Ось и вращающиеся вокруг неё миры и есть образ мира, который направляет несовершенный человеческий рассудок к видению реальности. Мир

Подвижная Ось и вращающиеся вокруг неё миры и есть образ мира, который направляет несовершенный человеческий рассудок к видению реальности. Мир не статичен, а динамичен в его проявленном вовне единстве. Образ мировой Оси существовал у разных народов и религий в разные эпохи как символика Центра, проходящая через микрокосмы. Об этом писал восточноевропейский по духу и происхождению философ М. Элиаде. Ось с колесом и Солнцем как принципом мифологии и ключевой техники индоевропейцев — некий метафизический стержень всех элементов, созданный Богом в космосе, живой и неживой природе и истории, который не является ни личностной субстанцией, ни безличным законом.

не статичен, а динамичен в его проявленном вовне единстве. Сам его стержень динамичен, хотя при этом и постоянен. Ось мира проецируется в бесконечном количестве малых осей и процессов, духовных конфигураций личностей и существ, всевозможных элементов. Образ мировой Оси существовал у разных народов и религий в разные эпохи как символика Центра, проходящая через микрокосмы. Об этом писал восточноевропейский по духу и происхождению философ М. Элиаде. Ось с колесом и Солнцем как принципом мифологии и ключевой техники индоевропейцев — некий метафизический стержень всех элементов, созданный Богом в космосе, живой и неживой природе и истории, который не является ни личностной субстанцией, ни безличным законом.

Смысл и направление истории определяются её Осью. На Западе А. Вебером, К. Ясперсом, Ш. Айзенштадтом была создана теория Осевого времени, которое было в I тыс. до н. э. Но не правильнее ли считать центром осевого времени мировой истории 1 г. до н. э. и 1 г. н. э. — момент Рождества Христова? С этим связана особая нелинейная концепция времени, расходящегося в обе стороны от внемирового «нулевого» года новой эры. Ось истории не яв-

ляется линейной, это сочетание сферического и линейного пространства, прямого и обратного времени.

Какое отношение Ось мира и истории имеет к русской цивилизации? Россия контролирует большую часть осевой зоны мировой истории в Северной Евразии. Россию можно понять как живой современный и оригинальный вариант осевых цивилизаций и культур, в какой-то мере как их лидера. Но Ось истории — мировое достояние, она выражена во многих культурах и цивилизациях, в разное время вступавших в осевое время, то есть приближавшихся к Оси. Не все, а именно осевые культуры родственны цивилизации России.

Осевая концепция цивилизации России и подобных ей цивилизаций в истории, современности и будущем позволяет понять все платформы русской цивилизации в их единстве и в общемировой всеобщности, избегая конфликтов религий и цивилизаций. Как одна из возможных идей синтеза образа будущего России и мира следует построение осевого мироустройства и устройства общества и человека. России нужен образ вселенской осевой культуры, космологии, философии истории, метафизики — образ, который станет их провозвестником.

/ Сергей КЛЮЧНИКОВ /

Главные достижения России

Историк — посредник между прошлым, настоящим и будущим. Героизм наших предков — мощный ресурс в цивилизационной войне, в которой нас вынудили участвовать. Он формирует непрерывность поколений. Армия, офицеры и солдаты которой плохо знают, кто такие Суворов, Ушаков, Кутузов и Жуков, на несколько порядков слабее той армии, которая заботится о том, чтобы образы героев жили в сознании воинов. Это касается не только армии, но и всего народа. Знание истории умножает патриотизм любой страны, особенно России, где наши предки были образцами такого патриотизма. Ещё Пушкин сказал: «История, в том числе и древнейшая, — важнейшее звено живой связи времени; тронь в одном месте, как отзовется вся цепь». В 90-е годы XX века мы «тронули» очень многое, и это оказало очень серьёзное влияние на жизнь страны далеко не в лучшую сторону. К счастью, мы до конца не порвали эти звенья, и сегодня авторитет исторического знания восстанавливается.

СПИСОК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ РОССИИ (20 ТЕЗИСОВ).

Итак, постараемся сформулировать и перечислить, что же наша страна дала и своим собственным гражданам, и миру, какими её достижениями можно гордиться, при этом осознавая, что данный список открыт.

1. Цивилизационная самостоятельность России, выдвинувшей свой альтернативный Западу проект.

Цивилизационная самостоятельность России опирается и на её особое географическое положение, и на историю. Она является, с одной стороны, наследницей Византии, с другой стороны — наследницей кочевых империй Евразии. В то же время она никоим образом не является неким промежуточком между

двумя континентами, между восточной и западной цивилизацией. Это остроумно выразил президент России В.В. Путин: «Это не Россия находится между Востоком и Западом, это Восток и Запад находятся слева и справа от России». Эта сердцевинность России, или Хартленд по Макиндеру, её глубинность, самостоятельность, помноженная на самостоятельность её исторического пути, делает абсолютно обоснованной её определение как «государства-цивилизации».

Как наследница Второго Рима (Византии), Русь-Россия, ставшая Третьим Римом, унаследовала символ Двуглавого Орла, обряд венчания на царство, государственные титулы и даже кириллицу (которую Кирилл и Мефодий создали по приказу византийского императора Михаила III). Основав мощное государство, существующее на совершенно иных принципах, нежели западная цивилизация, русские, по сути, выдвинули иной цивилизационный проект, суть которого в том, что можно развиваться без жесткой конкуренции. Этот проект, соединявший и преемственность, и самостоятельность, был воспринят и творчески переработан нашей страной ещё в XV веке и всякий раз воскресал в новой форме при смене социальной формации. Как государство мы были альтернативными по отношению к западному проекту и самостоятельными и в романовскую, и в советскую, и, как оказалось, в нынешнюю, рождающуюся на полях сражений постлиберальную эпоху.

Ещё Пушкин сказал: «История, в том числе и древнейшая, — важнейшее звено живой связи времени; тронь в одном месте, как отзовется вся цепь». В 90-е годы XX века мы «тронули» очень многое, и это оказало очень серьёзное влияние на жизнь страны далеко не в лучшую сторону. К счастью, мы до конца не порвали эти звенья, и сегодня авторитет исторического знания восстанавливается.

При этом мы всегда давали жить и дышать другим народам и культурам, сохраняя видовое этнокультурное разнообразие на своей территории, в отличие от Запада, стремящегося к унификации (превращению своеобразий в единообразие).

Россия, уступающая по мощи экономического развития и Китаю, и Индии, тем не менее проявила себя настолько самостоятельно, что решилась с оружием в руках гораздо более последовательно, нежели эти страны, отстаивать свои идеалы и свой выбор, свой геополитический, военно-технический суверенитет и право своих граждан оставаться людьми. Сражаясь за себя, она продолжает сражаться и за право других незападных стран и государств быть суверенными. Степень нашего суверенитета и его сила зависят не только от военной и экономической мощи страны, но и от её приверженности своим духовным традициям. Если мы будем помнить и осознавать, что мы не просто большая страна с современными демократическими традициями, но и Третий Рим, — наш цивилизационный суверенитет будет сакральным, благословлённым Творцом и Богом русской истории.

2. Освоение северных и других экстремальных географических пространств.

Оно произошло благодаря глубинному государственному инстинкту и особым психологическим качествам русского народа. Русский народ, являющийся государствообразующим, сумел в содружестве с другими наро-

дами и народностями обжить и освоить самую большую в мире и холодную территорию, превратив эти в значительной части малопригодные для обитания земли в пространство для уютной жизни. Именно русские в своём движении на Север и Восток «против солнца» открыли на географическом уровне, исследовали, обжили наиболее суровые территории Сибири, Арктики. Кроме того, именно русские обнаружили Антарктиду, северный полюс холода в Якутии и южный полюс недоступности, пробурили самую глубокую в мире Кольскую скважину (12 262 метра). Именно Российское государство организовало крупнейшую по масштабу своего времени Великую Северную экспедицию (1733–1743), которая открыла Алеутские острова, Северо-Западную Америку и начала масштабное научное изучение северных территорий — Сибири, Камчатки и Аляски.

Россия сумела построить развитую цивилизацию в условиях холодного, резко континентального климата, долгих зим, рискованного земледелия, частых засух. Данное достижение было основано на нескольких факторах, главным из которых является способность русских к артельным способам организации труда, трудовая коммуникабельность, умение совершать регулярные усилия и сверхусилия в самых сложных условиях, терпеливо преодолевая любые трудности (русская воля, русское терпение и неприхотливость), уживчивость, взаимопомощь и взаимовыручка, тепло русского сердца, а также смекалка. Именно эти качества нашего народа помогли

состояться России как симфонической личности.

Подчеркнём, что Россия была и является крупнейшим по территории государством мира, занимая сегодня 1/8 часть всей земной суши. В России находятся самые крупные ресурсы мира (она занимает 1-е место в мире по газу, 2-е по углю, 8-е по нефти), в России больше всего в мире лесов, чернозёмов и питьевой воды). И Россия сумела в условиях высочайшей экономической и военной конкуренции сохранить суверенитет над этим пространством, в то же время щедро делаясь этими ресурсами с миром.

3. Русская святость и сохранение православной веры в самой чистой и близкой к древнему христианству форме.

Россия дала миру величайших святых, являющихся образцами чистоты и высоты духа, непрерывно молившихся о благе мира. Сергей Радонежский, Нил Сорский, Серафим Саровский, Михаил Ростовский, Паисий Величковский, Оптинские старцы, Иоанн Кронштадтский, Серафим Вырицкий, Лука Войно-Ясенецкий, Иоанн Крестьянкин поднялись в своём молитвенном подвиге на недосягаемую высоту духа.

Россия приняла и донесла до сегодняшнего дня практически без изменения Православную церковь и веру, сохранив всю догматику, культ, литургику, институт святых, веру, ставшую глубинной основой русской культуры. Россия сохранила религиозно-духовную преемственность от святых отцов раннего периода церкви. Православная церковь

не вводила каких-либо новых догматов, как это было в католичестве, никогда не прибегала к практике индульгенций и в своём историческом поведении не совершала таких массовых кровавых деяний, как Крестьянские походы и инквизиция. Это стало возможным благодаря духовному подвигу православных святых, священнослужителей и простых христиан, удержавшихся от соблазнов.

Именно православие помогло сформировать в русском человеке качество, словесное обозначение которого отсутствует в языках Запада, — *совесть*. Это бесценный вклад не только в русскую духовную культуру, но и в мировую цивилизацию, поскольку этого качества сегодня как главным вершителям мировой политики, так и рядовым обывателям и потребителям очень не хватает.

4. Создание единой государственности на основе принципа уживчивости.

Россия сумела освоить ближние с ней пространства мирно, в большинстве случаев сохранив дружелюбные отношения между народами, жившими на данной территории, никого не истребляя, в отличие от многих «более цивилизованных» народов-колонизаторов. Более того, Россия продемонстрировала миру пример удивительной веротерпимости и способность к уживчивости с соседями, соединив на своей огромной территории самые разные племена. Это достижение связано с особой миролюбивой природой русского народа, сумевшего объединить более 100 коренных народов нашей страны в единую семью и многоэтническое государство. Принцип мудрого государственного строительства России блестяще выразил в своём стихотворении «Два единства» Фёдор Тютчев:

«Единство, —
возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь
и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...»

Три четверти своего исторического времени Россия провела в войнах различного характера — иногда масштабных, иногда малозаметных и локальных. Почти во всех из них она одерживала победы, в каких-то случаях быстрые, в каких-то растянутые на определённые промежутки времени. Даже её редкие поражения не приводили к утрате суверенитета.

Представители любого народа или народности наряду с русским получали возможность войти в руководящие органы государства. Эта традиция соблюдалась и в дореволюционный, и в советский период русской истории. Немец, министр финансов Е. Ф. Канкрин, полководцы Барклай-де-Толли и Багратион, глава правительства Иосиф Сталин, председатель Президиума Верховного Совета СССР армянин Анастас Микоян и представители многих других народов управляли страной, были «наверху». Почти все сохранившиеся на территории России народы сберегли свою религию, верования, культуру, язык, обычаи и не подверглись какой-либо ассимиляции со стороны ведущей имперской нации. И Кавказ, и Средняя Азия были освоены нами намного более мирно, нежели это представлено русофобами. Российская экспансия на восток и на юг происходила значительно менее агрессивно. При этом Россия, в отличие от Запада, никогда не создавала колоний на данных территориях.

5. Неоднократные победы над диктаторскими режимами.

Россия на протяжении своей истории трижды не допустила появления мировой диктатуры, утверждение которой отбросило бы развитие цивилизации на гораздо более низкий уровень развития. Ценою огромных потерь она постепенно победила татаромонголов и преградила им путь в Европу, а затем разгромила европейских диктаторов Наполеона и Гитлера, которые были готовы колонизировать не только Запад, но и Восток. Помимо Золотой Орды, наполеоновской Франции и нацистской Германии Россия одержала военные победы над рядом великих империй мира, среди которых — Хазарский каганат, Крымское ханство, государства западных рыцарских орденов, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Шведское государство, Османская империя, Австро-венгерская империя, практи-

чески во всех случаях столкновения с ними преследуя отнюдь не захватнические цели, а защищаясь от несправедливой агрессии. При этом Россия со времён Куликовской битвы сохраняла свою суверенность.

6. Военные достижения России.

Три четверти своего исторического времени Россия провела в войнах различного характера — иногда масштабных, иногда малозаметных и локальных. Почти во всех из них она одерживала победы, в каких-то случаях быстрые, в каких-то растянутые на определённые промежутки времени. Даже её редкие поражения не приводили к утрате суверенитета. Противники России всегда признавали мощь её армии, храбрость как неотъемлемую психологическую черту русского характера, сметливость и героизм наших воинов, талантливость русских военачальников, крепость нашей армейской организации.

Как крупнейшая сухопутное государство Россия построила огромное количество укрепленных линий, крепостей, засечных черт. Таланты русских военачальников неоспоримо

признаются нашими самыми заклятыми врагами — Дмитрий Донской, Скопин-Шуйский, Пётр Румянцев, Александр Суворов, адмирал Ушаков, Алексей Ермолов, Михаил Кутузов, Михаил Скобелев, Георгий Жуков, Константин Рокоссовский и многие другие гении военного дела вошли в историю России, их битвы и победы изучаются в лучших военных академиях мира. Историки говорят о 20 наиболее ярких битвах, увенчавшихся победами, — это поход князя Олега на Константинополь, Ледовое побоище, Куликовская битва, взятие Иваном Грозным Казани, изгнание поляков из Москвы во время Смуты, взятие Смоленска в 1654 году, Полтавское сражение, взятие Бахчисарая и Хотина в Русско-турецкой войне 1735–1739 годов, разгром сильнейшей прусской армии во время Большой Семилетней войны в Европе, разгром войск Османского султана в битвах, длившихся десятилетиями, в 1770, 1787–1791 гг., взятие Парижа в 1814 году Александром Первым, победа в Большой Кавказской войне, длившейся целых 50 лет, разгром фашистской Германии, состоявший из серии выдающихся побед.

7. Создание мощнейшего оружия.

В условиях ядерной угрозы со стороны США и других военных угроз со стороны блока НАТО Россия, называвшаяся в те годы Советским Союзом, смогла с невероятной быстротой создать *атомную*, а позднее и *водородную бомбу*. Сохранив ядерный паритет, СССР сумел избежать ядерной войны, всерьёз рассматривавшейся странами Запада как возможный вариант развития событий. (Подчеркнём, что созданная США атомная бомба вскоре была сброшена на Хиросиму и Нагасаки, что привело к гибели 350000 человек в уже де-факто капитулировавшем государстве.)

Помимо ядерных технологий Россия на протяжении всей своей истории постоянно создавала образцы мощного оружия в различных сферах и областях вооружений. И сегодня Россия впереди планеты всей по тому же *гиперзвуковому оружию*, что вынуждены констатировать не только западные независимые эксперты, но и представители американской администрации.

8. Последовательное отрицание фашизма и нацизма.

На протяжении всего XX века, включая и недавно начавшийся XXI век,

Россия последовательно боролась с фашизмом и его разновидностями. Россия никогда не утверждала превосходство одной нации над другой и не поощряла этнического неравенства. Мы победили германский нацизм, итальянский и румынский фашизм, мы разгромили Японию, жестокий режим которой можно назвать азиатским квазифашизмом. Мы были инициаторами Нюрнбергского процесса, осудившего фашизм на международном уровне. Между тем именно Европа и — шире — Запад, обвиняющий нас в тоталитаризме, взрастил все перечисленные виды фашизма. Сегодня, когда нацизм и фашизм поднимают голову в разных уголках мира, полезно почаще напоминать мировому сообществу о вкладе нашей страны в борьбу с коричневой чумой.

9. Склонность к милосердию и состраданию, выражающаяся в гуманном отношении к побеждённому противнику.

Это свойство русских и русского государства проявляется на протяжении всех исторических периодов его существования, и оно связано с глубинным усвоением нашим народом христианских принципов милосердия. Русские князья и цари

приказывали своим солдатам оказывать раненым противникам всю необходимую помощь и никогда не добивать врага. Суворов предписывал своим военным: «С пленными поступать человеколюбиво... не меньше оружия поражать противника человеколюбием». Перед взятием Варшавы в 1794 году он пообещал сделать следующее (и обещание выполнил): «Даётся торжественное обещание именем русской императрицы, что всё будет предано забвению и что польские войска, по сложении ими оружия, будут распущены по домам, с обеспечением личной свободы и имущества каждого». Мы помним великодушие Александра Первого по отношению к разгромленным французам, когда он вошёл в Париж в 1814 году. «Мы их наказали любовью», — заявил он вскоре после взятия французской столицы, которую он не трогал, в отличие от армии Наполеона, разграбившей Москву. Вспомним, что царская семья Романовых во время Первой мировой войны проявляла образцовые примеры милосердия — Николай Второй жертвовал на помощь фронту огромные денежные суммы, императрица Александра Фёдоровна развернула в помещениях Зимнего дворца госпиталь и лично ухаживала за солдатами. Ей помогали две старшие дочери, царевны Ольга и Татьяна. Мы относились к немцам, попавшим к нам в плен во время Первой мировой войны, намного гуманнее, чем относились к нашим пленным в немецких и австро-венгерских армиях, чему масса свидетельств. Сухая арифметика Великой Отечественной войны свидетельствует, что число советских воинов, погибших в плену, составило около 57% от общего числа, в то время как немецких пленных у нас погибло всего 14,9%.

Примеров народной гуманности по отношению к вчерашнему врагу также было очень много, что подтверждено и документами, и воспоминаниями, и художественными произведениями. Понятно, что войны не выигрываются в белых перчатках

и что далеко не всегда воины России были агнцами милосердия по отношению к противникам, но в целом уровень русского гуманного отношения к врагу на войне на порядки превосходил хваленый западный гуманизм.

10. Бескорыстная помощь многим странам и государствам в сохранении своей национальной идентичности.

Россия помогла многим странам мира создать свою государственность, обрести независимость, выстоять в битве против врагов с превосходящими силами. Так, Швейцария получила суверенитет и независимость, после того как была отвоёвана Суворовым у Франции в XVIII веке. В этом же веке мы помогли Соединённым Штатам обрести независимость от Англии (вспомним создание Екатериной II Лиги вооружённого нейтралитета, не позволявшей кораблям стран, сочувствующим Южным Штатам, заходить в порты и оказывать бунтовщикам помощь). Австрия, Норвегия, Чехословакия и Польша были освобождены от владычества Третьего рейха в 1945 году. Твёрдая позиция Сталина позволила сохранить государственность Германии и Польши. СССР помог правительству Египта сохранить независимость страны в двух войнах. Многие страны Африки и Азии освободились от колониальной зависимости благодаря помощи СССР. Мы помогли обретению государственности таким странам, как Финляндия, Литва, Латвия, Эстония. Мы помогли освободиться от турецкого владычества таким странам, как Болгария, помогли в становлении государственности Румынии и Молдавии. Россия оказала очень большую помощь в рождении и развитии таких государств, как Индия, Вьетнам, КНДР, Ангола, Мозамбик.

Всегда ли эти страны были благодарны нам за наши жертвы и усилия?

Обо всём этом, на наш взгляд, должен постоянно напоминать наш МИД в своих нотах протеста, заявлениях и выступлениях. Нужно составить подробный список таких

внешнеполитических подарков разным странам мира, которые сделала Россия. Пора ломать стереотипы политкорректного дипломатического поведения, при котором мы не реализуем наступательную стратегию, а реагируем на события.

11. Примеры быстрой мобилизации.

Разные историки и в России, и за её пределами отмечали, что Россия отличается способностью быстро воскресать из пепла после поражений (об этом свойстве русских недавно напомнил Киссинджер). Это качество проявилось в нашей стране в умении проводить мощную и эффективную мобилизацию населения для военных действий. Способность эта проистекает из самого характера русской истории и нашего климата. Русская мобилизация в условиях войны — это почти всегда сочетание государственной инициативы, идущей сверху, и народной низовой инициативы. Можно выделить несколько проявлений подобной мобилизации.

Мобилизация периода Куликовской битвы, в которой имела место и княжеская инициатива по сборанию полков, и боярская активность, и народная инициатива. О результате этой мобилизации в становлении русской нации хорошо сказал Л. Н. Гумилёв: «На Куликово поле пришли москвичи, владимирцы и так далее, в том числе и литовцы, а вернулись с Куликова поля русские».

Мобилизация в период Смутного времени, в которой огромную роль сыграла и тогдашняя знать, и Русская православная церковь, и простой народ, поднявшийся на защиту родной земли от захватчиков.

Мобилизация во время войны 1812 года, в которой участвовали и регулярная армия, и партизанское движение.

Мобилизация 1876–1877 годов, происходившая во время Русско-турецкой войны.

Мобилизация 1914–1917 годов, происходившая во время Первой мировой войны и поставившая

под ружьё рекордное число солдат — 15 миллионов человек, однако прошедшая непродуманно и в конце концов обернувшаяся тем, что перед революцией и братоубийственной войной у миллионов людей оказалось на руках оружие.

Мобилизация 1941–1945 годов, собравшая в армию около 14 миллионов человек и прошедшая наиболее эффективно, завершилась разгромом не одной фашисткой Германии, а значительной части Западного мира, который сумели объединить нацисты. Добровольное участие в Великой Отечественной войне советского народа было беспрецедентным. Данная мобилизация объединила и регулярные войска, и партизанское движение, в котором участвовало, по разным оценкам, более 1 миллиона человек; и тыл, не покладая рук трудившийся ради Победы.

12. Построение социализма в отдельно взятой стране и его положительное воздействие на мировые процессы.

Это достижение на протяжении 90-х годов представлялось антидостижением или, во всяком случае, спорным явлением, поскольку народ России заплатил за него огромную историческую цену. Однако мы не можем не отметить, что данный исторический эксперимент сыграл огромную роль в мировой истории и оказал исключительно масштабное влияние на историю русскую. Многие цивилизационные изменения в мире вызваны именно этим фактором: разрушение мировой колониальной системы, социальное государство в мире капитала, 8-часовой рабочий день, движение профсоюзов, защищающих права трудящихся, и многое другое.

Впервые в мире при советской власти были введены многие меры по охране труда и социальных прав трудящихся. Советский опыт помог людям развить качества коллективизма, самопожертвования, терпеливости, душевности и закалить свой характер, что не могло не помочь справиться с тяжелейшими вызовами века.

13. Чудеса быстрого восстановления экономики.

После самой разрушительной войны за всю мировую историю Советский Союз, потерявший в ней 27 миллионов граждан, быстрее других восстановил собственную экономику и уже в 1947 году отменил карточную систему. Ранее карточную систему в России вводили несколько раз: в 1916 году (царское правительство в Первую мировую войну), в апреле 1917-го (временное правительство), с 1918-го по 1921-й (после революции, НЭП), в 1929-м — до 1935 года. Это был огромный пример для других стран и экономик, свидетельствующий о громадном экономическом, человеческом и цивилизационном потенциале нашей страны. Параллельно с этим в стране, измученной войной, но имеющей автономно функционирующую финансовую систему, несколько раз проходило снижение цен — 16 декабря 1947 г., 10 апреля 1948 г., 1 марта 1949 г., 1 марта 1950 г., 1 марта 1951 г., 1 апреля 1952 г., 1 апреля 1953 г., 1 апреля 1954 г..

14. Уникальные космические советские и российские достижения.

Россия, называвшаяся тогда СССР, является космической державой, впервые осуществившей выдающиеся достижения в этой сфере. Она создала первую в мире космическую ракету,

была страной, запустившей первый спутник, построившей первый космодром, осуществившей запуск первого космонавта, выпустившей первого человека в открытый космос, отправившей в космос первую женщину, затем первого робота-планетохода, создавшей первую космическую станцию, первый модуль Международной космической станции. Кроме того, Россия стала первой страной, создавшей трёхмерную биопечать в открытом космосе; построившей самый быстрый в мире космический корабль «Прогресс» МС-11, который сумел долететь до МКС и совершить стыковку с модулем «Пирс» за 3 часа 21 минуту; создавшей глобальную систему спутниковской навигации, которая позволяет определить местоположение с точностью до двух метров.

15. Достижения в области атомной энергетики.

Россия является безусловным лидером в атомной энергетике, построив в Обнинске первую в мире АЭС, а также разработав и создав целый ряд современных технологий мирного атома. Наша страна является крупнейшим добытчиком и экспортёром газа и нефти, строителем атомных электростанций. Технологии мирного атома применяются в самых разных сферах — в ядерной медицине, АЭС, в работе атомных ледоколов и атомных подводных лодок и многом другом.

16. Достижения в области фундаментальной науки, техники и прикладных сферах.

Россия является выдающейся научной державой, которая совершила множество потрясающих воображение открытий. Наверное, самым полным замечательным изданием, представляющим русские достижения и открытия, является работа А.А. Пецко «Мировые приоритеты русского народа» (2012). В.В. Аверьянов пишет об этой книге:

«В ней показаны наиболее значимые открытия и откровения русских творцов — изобретателей и авторов достижений в области науки, искусства, географии, технологии, организации жизни, духовной культуры. Всего, по подсчетам автора, русский гений дал порядка 1200 достижений мирового уровня, в том числе 112 географических открытий, около 400 изобретений, 176 космических первенств, порядка 400 научных достижений (научные открытия, основания теорий, систем, учений, открытие законов), более 200 приоритетов в создании прорывных технологий и других областях. Русские стали основателями таких наук и направлений, как астрофизика, бактериология, вирусология, геофизическая химия, теория движения ионов, евразийство, теория жидких кристаллов, звёздная астрономия, иммунология, клеточная биология, теория лесовозобновления, микрооптика, неевклидова геометрия, ортобиотика, почвоведение, радиоуправление, сейсмология, трансплантология, теория устойчивости движения, физика высоких энергий, хроматография, теория цепных химических реакций, теория четвертичных оледенений, эволюционная генетика, теория ядерных ракетных двигателей и др.»¹

Следует подчеркнуть, что основные достижения русского гения мало известны российскому читателю отчасти по причине отсутствия интереса к этому со стороны ли-

Следует подчеркнуть, что основные достижения русского гения мало известны российскому читателю отчасти по причине отсутствия интереса к этому со стороны либерально настроенных издателей и СМИ, заинтересованных в поисках дешёвых сенсаций, а отчасти потому, что эти изобретения перебрали на Запад, который превосходит нас не талантами в области изобретений, а умением быстро патентовать их и получать прибыль.

¹ Аверьянов В.В. Ментальная карта и национальный миф. — М., 2021. — С. 138.

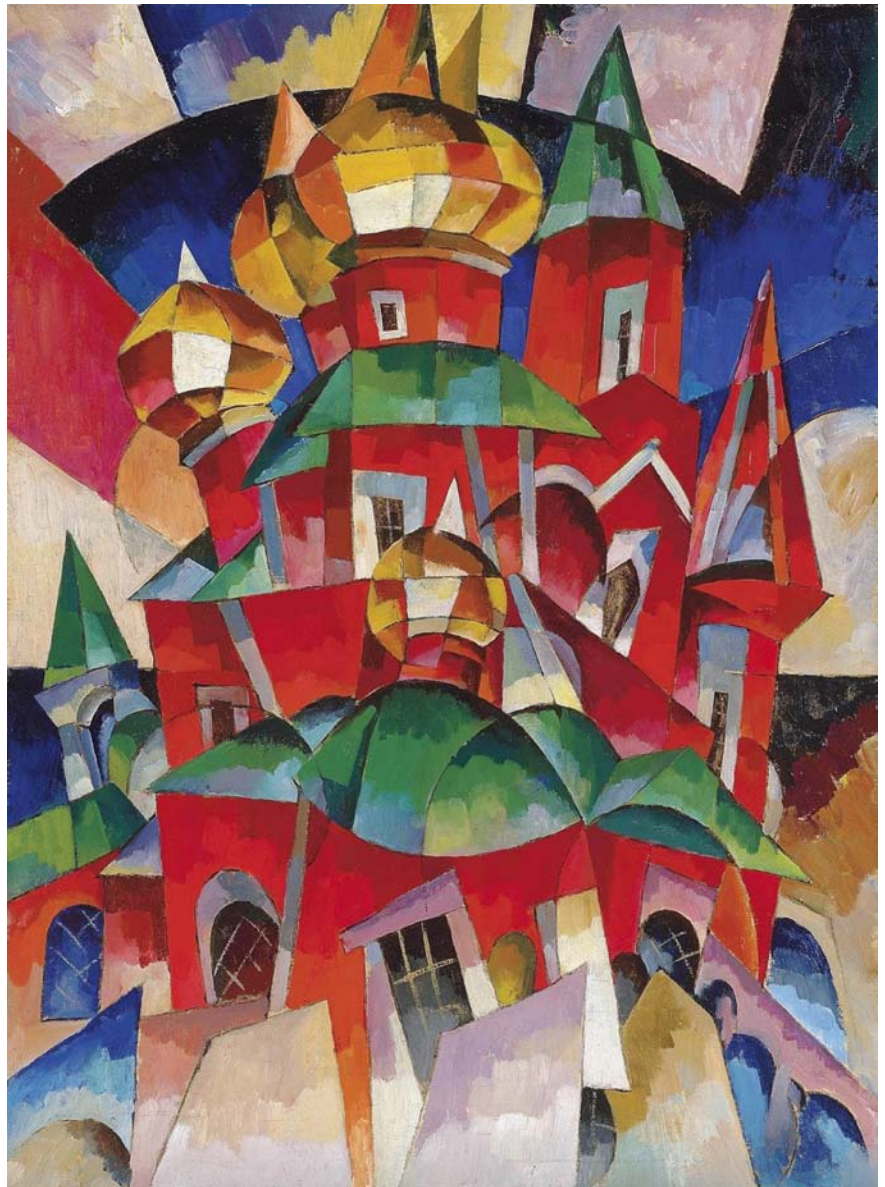

берально настроенных издателей и СМИ, заинтересованных в поисках дешёвых сенсаций, а отчасти потому, что эти изобретения перекочевали на Запад, который превосходит нас не талантами в области изобретений, а умением быстро патентовать их и получать прибыль.

Подчеркнём, что русские изобретения были во многом продиктованы задачами национальной обороны и развития промышленности, подлинные русские изобретатели практически никогда не работали исключительно ради прибыли и личного комфорта.

На сегодняшний момент Россия, ещё не оправившаяся до конца после либеральных экспериментов и уже больше двух лет оказавшаяся в сложнейшей военной ситуации, сохраняет первое место в мире по размерам ледокольного флота (у нас 51 ледокол, а у наших ближайших конкурентов Финляндии 11 ледоколов; у Канады восемь, у Дании семь, у США и Швеции по пять). Россия является лидером мира по экспорту пшеницы: на её долю приходится около 20% мирового рынка (у США и Канады по 17%).

Если же фиксировать более мелкие или экзотические российские изобретения (куда мы денем русский квас или русскую водку?), то список подобных достижений будет огромным.

ГЛАВНЫЕ РУССКИЕ ОТКРЫТИЯ

Перечислим главные русские открытия, не соблюдая их хронологии: открытие Михаилом Ломоносовым закона сохранения масс при химических реакциях, паровая машина Ивана Ползунова (1764), математическая нотация и многие другие заслуги Леонарда Эйлера (1765–1783), самолёт Александра Можайского (1881), знаменитая таблица Дмитрия Менделеева, открытие вирусов (Дмитрий Ивановский), открытие условного рефлекса (Иван Павлов), всеобщий принцип механики Михаила Остроградского (1830–1850), неевклидова геометрия Николая Лобачевского, электродвигатель Бориса Якоби (1834), наркоз Николая Пирогова (1850), открытие радио под руководством Александра Попова (1895), открытие внешнего радиационного пояса Земли, находящегося на высоте приблизительно 17 000 км, сделанное в 1958 году группой учёных из МГУ (П. В. Ваку-

лов, С. Н. Вернов, А. Е. Чудаков, Ю. И. Логачёв, Е. В. Горчаков), теория биосферы и ноосферы Владимира Вернадского, изобретение телевидения Владимиром Зворыкиным (1937), атомный проект СССР, сверхтекучесть Петра Капицы, создание космических воздухоплавательных аппаратов, открытие берестяных грамот Артемием Арциховским в Новгороде (1951), дешифровка письменности майя Юрием Кнорозовым (1963–1975), разработка полупроводниковых конструкций под руководством Жореса Алфёрова (1960–1980), новое направление в науке — геохимия изотопов, позволившая измерить состав атмосферы Венеры (1965), высокоскоростная теория удара М. А. Лаврентьева (1959), теория вероятностей (раздел математики, изучающий закономерности случайных открытий), созданная великими русскими математиками Петром Чебышевым, Андреем Марковым и Александром

Ляпуновым и получившая современное развитие благодаря теории аксиоматизации Андрея Колмогорова, и множество других высочайших достижений. Нельзя не отметить, что русскими изобретениями на протяжении длительного времени пользовались и продолжают пользоваться во всём мире самые разные люди, народы и государства. Они были открыты раньше, чем на Западе, хотя с регистрацией их у нас почти всегда были проблемы.

Этих уникальных открытий и отдельных изобретений так много, что достаточно просто перечислить без подробной расшифровки самое главное: винторезный станок с подвижным суппортом Андрея Нартова (был создан в 1717 году, в то время как в Англии аналогичное изобретение появилось только в 1794 году), закон сохранения вещества и энергии, впервые сформулированный Михаилом Ломоносовым в 1748 году. Будем помнить, что первый проект вертолёта был создан нашим архангельским гением Михаилом Ломоносовым, а Сикорский совершил эту попытку уже в 12 лет и показал взрослым свою работу. А ещё вспомним электромобиль Ипполита Романова, созданный в 1899-м, монорельс Ивана Эльманова, рождённый ещё в далёком 1820 году, электродвигатель Бориса Якоби (1834). А также цветная фотография Сергея Прокудина (1902), электромагнитный телеграф Павла Шиллинга (1832), лампа накаливания Александра Ладыгина (1870), радиоприёмник Александра Попова (1895), телевидение, первый аппарат которого был представлен Борисом Розингом (1907–1911) и доработан Владимиром Зворыкиным уже в эмиграции, парашют Глеба Котельникова (был впервые предложен в 1911 году, но запатентован в 1924 году), киноаппарат Иосифа Тимченко (1893), боевой автомат Владимира Фёдорова (1913), лазер Николая Басова и Александра Прохорова, которые в 1964 году получили за его изобретение Нобелевскую премию, искусственное сердце, пересаженное в 1946 году от одной собаки к другой, Владимира Демихова, наркоз, изобретённый великим русским хирургом Николаем Пироговым (1847), теория высшей нервной деятельности и теория условного рефлекса, созданная физиологом И. Павловым. Будем помнить и самолёт Александра Можайского (1912), аэродинамические открытия Николая Жуковского (1904), атомную и водородную бомбы Игоря Курчатова (1949) и Андрея Сахарова (1961), ракетно-космические изобретения в области прикладной космонавтики Сергея Королёва, сделанные с 1953 по 1961 год, самолёты серии Ми-20, сделанные Михаилом Милем с 1943 по 1950 год, самолёты Андрея Туполева (1941–1945), достижения в области микрохирургии глаза Николая Фёдорова (1960–2010), витамины Николая Лунина (1880), учение о первичных географических центрах происхождения культурных растений Николая Вавилова (1926–1939), первый в мире видеомагнитофон Александра Понятова (1944), первый в мире гусеничный трактор Фёдора Блинова (1879), объёмно-мультипликационное кино и коммерческие мультфильмы Владислава Старевича (1920–1950), игольчатый экран, созданный русским аниматором Алексеем Алексеевым

(1935), первый в мире усилительный и генерирующий полупроводниковый прибор Олега Лосева (1922). Нельзя пройти мимо таких открытий и созданий, как электронный музыкальный инструмент «Терменвокс», созданный Львом Терменом (1921), противогаз Николая Зелинского (1916), первый в мире навесной строительный комбайн Владимира Мутилина (1999), трёхфазный трансформатор М. О. Доливо-Добровольского, первый в мире бензиновый двигатель С. О. Котовича (1879), первый советский скорострельный авиационный пулемёт ШКАС Бориса Шпитального – Игоря Комарицкого, первый в мире электротермический ракетный двигатель В. П. Глушко, открытие явления первой в мире гальванической батареи и дугового разряда В. В. Петрова, дуговая электросварка Н. Г. Славянова, гидросамолёт Д. П. Григоровича, первый в мире рамочный улей, в котором применён магазин с рамками П. И. Прокоповича, первый в мире автомат В. Г. Фёдорова, первый в мире стереофотоаппарат И. Ф. Александровского, самая популярная в мире компьютерная игра «Тетрис», придуманная в 1984 г. советским программистом Алексеем Пажитновым, первый в мире мобильный телефон Леонида Куприяновича, который получил авторское свидетельство на аппарат, весивший около 3 кг. Аппарат мог работать без подзарядки 20–30 часов, им можно было пользоваться на расстоянии до 20 км.

Из недавних достижений нужно вспомнить гипотезу Пуанкаре, разгаданную Владимиром Перельманом (2002–2003).

Русские сделали немало выдающихся географических открытий: открытие Антарктиды (Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев, 1820), открытие рек Оби (Александр Абакумович, 1634) и Лены (Девид Пяндю, 1619), Берингова пролива (Дежнёв, 1648), Аляски (Михаил Гвоздев, 1732), Калифорнии (Отто Коцебу, 1818), Татарского пролива (Невельский, 1855), Тянь-Шаня (Семёнов, 1906), Тибетского плоскогорья (Пржевальский, 1883), Морского Северного пути (Северная Земля, Борис Вилькицкий, 1915). Выдающихся русских путешественников тоже можно называть, не смущаясь тем, что они по ряду заслуг превосходят западных покорителей пространства: Афанасий Никитин, Семён Дежнёв, Витус Ионассен Беринг, Харитон и Дмитрий Лаптевы, Иван Крузенштерн, Юрий Лисянский, Василий Головин, Фаддей Беллинсгаузен, Михаил Лазарев, Фёдор Конюхов.

Нужно отметить, что и оказавшись за границей, русский гений сохраняет свою пассионарность и способность рождать что-то новое и выдающееся. Среди них изобретатели Игорь Сикорский, Георгий Ботезати, Владимир Зворыкин, Сергей Прокудин-Горский, Алексей Абрикосов, Александр Понятов, Олег Керенский, Захария Аркус-Дантова, Михаил Зароченцев, Владимир Ипатьев, Владимир Юркевич; учёные Питирим Сорокин, астроном Отто Струве, астрофизик Георгий Гамов, генетик Феодосий Доброжанский, физик Степан Тимошенко, аэродинамик Борис Бахметев.

О каждом из перечисленных изобретателей и об их открытиях можно писать целую статью.

17. Достижения, совершённые большими коллективами людей.

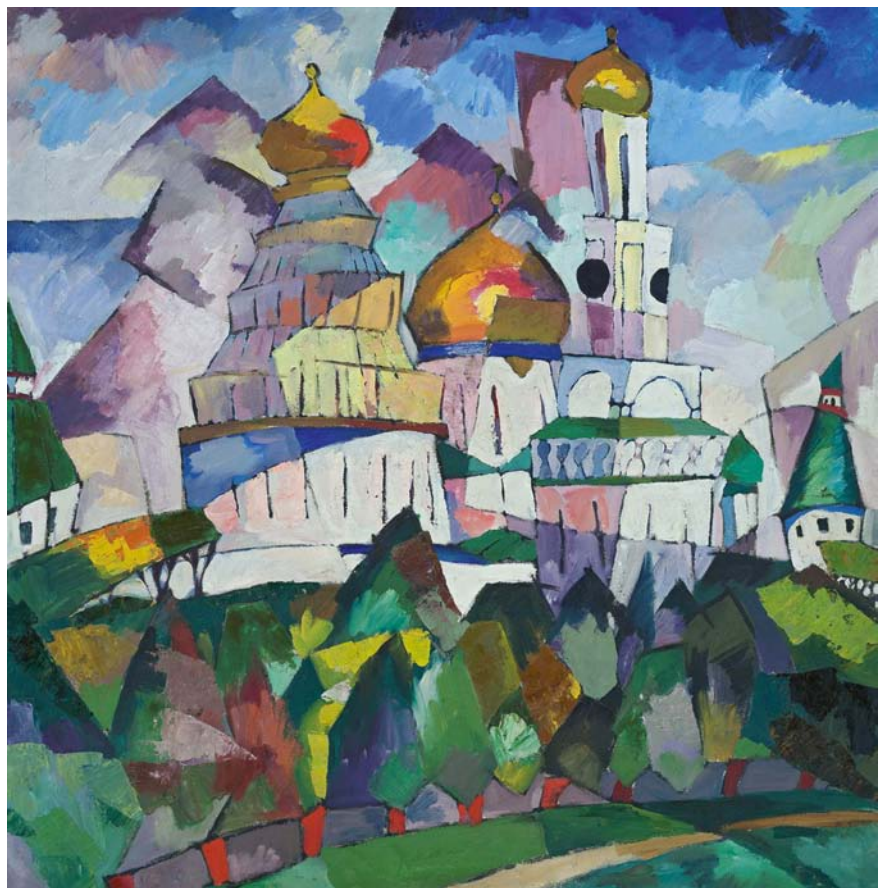
Нельзя не отметить такие достижения России, которые были созданы большими коллективами людей и которые были реализованы на практике. До революции — это невероятное по масштабам эпохи строительство Транссиба, включая ветку КВЖД. После революции — это, прежде всего, план ГОЭЛРО, ударные комсомольские стройки 20–30-х годов, позволившие стране в кратчайшие сроки выйти на передовые рубежи экономической науки (Сельмашстрой (Ростов-на-Дону), Тракторострой (Сталинград), Уралмашстрой, строительство Урало-Кузнецкого металлургического комбината, Комсомольска-на-Амуре, первой очереди Московского метрополитена, железнодорожной магистрали Акмолинск — Карталы, разработка нефтяных месторождений Волго-Уральской нефтегазоносной провинции и стройки 50–70-х годов, строительство Братской, Днепродзержинской, Красноярской ГЭС, атомных электростанций, нефтепровода Уфа — Омск, Омск — Иркутск, газовых магистралей Бухара — Урал, Саратов — Горький, строительство БАМа (самый крупный в мире железнодорожный проект второй половины века), железнодорожной линии Абакан — Тайшет, Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, первых очередей ряда заводов (Красноярского, Иркутского и Павлодарского алюминиевых, Ангарского и Омского нефтеперерабатывающих, Западно-Сибирского и Карагандинского металлургических комбинатов). Это и великая, беспрецедентная в мировой истории по размаху эвакуация заводов СССР во время Великой Отечественной войны (за первые четыре месяца которой с 22 июня по 15 октября 1941 г. из-под удара агрессора были выведены 8 млн человек, 2,5 тысячи промышленных предприятий, 1,5 тысячи колхозов и совхозов). В результате оборонный комплекс страны в первый год войны вырос в 2,5–3 раза!

18. Достижения русского гения в области литературы, искусства, культуры, гуманитарной мысли.

Россия имеет выдающиеся достижения в области культуры, художественной литературы, искусства. Имена литераторов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. А. Блока, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, М. А. Булгакова, А. П. Платонова, М. А. Шолохова; музыкантов — Ф. Н. Глинки, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, М. А. Балакирева, А. П. Бородина, Н. А. Римского-Корсакова, С. В. Рахманинова, Д. Д. Шостаковича, Г. В. Свиридова; художников — К. П. Брюллова, А. А. Иванова, И. К. Айвазовского, И. Е. Репина, И. И. Шишкина, И. И. Левитана, В. А. Серова, В. И. Сурикова, Н. К. Рериха, В. В. Верещагина, К. А. Коровина, М. В. Нестерова, К. С. Петрова-Водкина — считаются высшим проявлением русского искусства. Русская классика вызывает огромный ин-

терес во всём мире и признаётся как высшее достижение человеческого гения всеми мыслящими людьми. Русская литература по своей глубине и масштабу поставленных проблем превосходит другие литературы мира. В 70-е годы в США был проект, который по замыслу его создателей должен был выйти за пределы солнечной системы и рассказать обитателям других миров о достижениях землян, — в космический спутник поместили три высших продукта человеческого гения, среди которых был и такой гениальный русский продукт, как «Война и мир» Льва Толстого (наряду с сонетами Шекспира и «Девятой симфонией» Бетховена).

Русский театр с его системами Станиславского и Михаила Чехова, опера, балет имеют высочайшую популярность во всём мире. Русский кинематограф добился очень высоких творческих результатов и был признан во всём мире. Русская философия родила теорию культурно-исторических типов Данилевского

задолго до Шпенглера, также уникальны и мощны такие направления мысли, как *евразийство*, *русская философия всеединства*, *русский персонализм* и *русский космизм*. Как бы критически к России как к государству и к русскому народу ни относились наши геополитические противники, они вынуждены признать, что русское искусство, литература, культура, мысль — явление исключительное и любимое на Западе (хорошо выразил эту мысль Поль Валери: «Есть три великие вещи в искусстве: Эллада, Возрождение и русский XIX век»).

19. Достижения российского здравоохранения и медицины. Первая государственная централизованная система здравоохранения, созданная Н. А. Семашко.

В СССР здравоохранению уделялось огромное внимание, поскольку в Конституции говорилось о праве человека на бесплатную медицинскую помощь. Система опиралась и на дореволюционный опыт, на деятельность комиссии во главе с С. П. Боткиным. Была разработана многоуровневая система оказания медицинской помощи, пронизывающая все стороны жизни. Её эффективность в пять раз превосходила западные достижения в этой области, и она, по оценке ВОЗ в 1978 году, была признана лучшей в мире. При этой системе продолжительность жизни в СССР с 1926 по 1972 год выросла на 26 лет. Благодаря системе Н. А. Семашко был обуздан туберкулез, были ликвидированы очаги чумы и оспы, полиомиелита, эпидемия холеры в Крыму, Астрахани, Одессе и Керчи. Подход Семашко был успешно апробирован на Кубе, до сегодняшнего дня славящейся мощной медициной.

Достижения российской медицины, обогатившие мировую науку и практику лечения, связаны, в частности, с созданием:

- топографической анатомии и военно-полевой хирургии Н. И. Пирогова;

- фагоцитарной теории иммунитета И. И. Мечникова;
- открытиями И. П. Павлова в области физиологии;
- открытием Н. С. Коротковым аускультативного метода, позволяющего измерять артериальное давление;
- теории и метода изучения и лечения инфаркта миокарда;
- теории патогенеза атеросклероза Н. Н. Аничкова;
- трансплантологии как науки (В. П. Демихов);
- космической медицины (коллективный труд советских и российских учёных).

20. Выдающиеся спортивные достижения России.

История свидетельствует о том, что русские, особенно в советский период, ярко проявляли себя в спор-

те, чаще всего побеждая соперников. Если рассмотреть командные рекорды и достижения на Олимпиадах с 1952 по 1993 год, то арифметика показывает реальные результаты. Шесть раз на Олимпиадах (в 1956, 1960, 1972, 1976, 1988 и 1992 годах) наши спортсмены занимали первые места в медальном зачёте зимних и летних Олимпийских игр, и только однажды, в 1968-м, — это место заняли американцы. В 2014 году мы вновь выиграли зимнюю Олимпиаду. Сборная СССР и России постоянно лидировала по таким видам спорта, как хоккей, фигурное катание, синхронное плавание, гимнастика, тяжёлая атлетика, шахматы.

Мы рассмотрели 20 основных цивилизационных достижений России. Однако не будем забывать о той ситуации, в которой мы находимся, —

цивилизационной войны с Западом. На этом пути нам предстоит создать множество новых изобретений, открытий, совершить множество ратных и трудовых подвигов и поступков, в которых необходимо превзойти себя. Потому список наших цивилизационных достижений открыт.

Из описанных выше фактов возникает картина страны, кардинально отличающая от того, что писали о ней западные авторы на протяжении веков и что пишут о ней сегодня либералы, иноагенты и многие релоканты, — «тюрьма народов», «диктатура», «страна государственного терроризма», «душительница свобод», «страна победившей серости»... Мы видим страну, жители и правители которой вели себя неординарно, проявляли альтруизм по отношению к другим, часто неблагодарным народам и государствам, отдавали свои лучшие силы и даже жизни во благо других и, конечно, проявляли невероятную талантливость в самых разных сферах жизни и творчества. Следует отметить, что противники России как вовне, так и внутри её стараются либо не замечать эти особенности поведения жителей страны и государства в целом, либо, признавая сам факт жертвенности, интерпретировать её как некое чудачество, бестолковость, юродство (либо же акцентируя на бездарность государства, угнетающего своих талантливых граждан) и т. д. Нередко бывает так, что наши отечественные авторы, которым приходится писать обо всём этом, несколько стесняются говорить о нашей жертвенности в положительном ключе — поскольку западные стандарты и ценности укоренились в их сознании достаточно глубоко.

Наше национальное и цивилизационное задание не сводится к одной лишь охранительности: наш русский консерватизм действительно носит динамический характер. В этом смысле формула современного философа В. В. Аверьянова «динамический консерватизм» для понимания русского задания представляется очень точной. Мы должны найти Истину,

устремиться к совершенству, построить справедливый мир, защитив человечество от зла и хаоса, создать грандиозные творческие проекты.

Поиск такой формулы не должен быть кабинетным. Он будет вырастать из жизни, а она, жизнь страны и мира, не будет в XXI веке лёгкой прогулкой. Происходящее сегодня есть завершение огромного планетарного цикла существования, развязывание исторических узлов, которые были завязаны в прошлом. Человечеству предстоит пройти через цепь испытаний — столкновение экономических и геополитических интересов разных цивилизаций и стран, несовместимость традиционных и нетрадиционных ценностей, ведущих к расчеловечиванию, грозные экологические вызовы, чреватые глобальными природными катастрофами, угрозы голода, естественного и искусственно организованного, масштабные эпидемии, не столько возникающие по природным причинам, сколько придуманные бигфармой и стоящим за ней «глубинным государством», наступление Искусственного Интеллекта, все сильнее разгорающаяся «война всех против всех». Как страны и люди справятся с этими ежедневно возрастающими в своей остроте

проблемами, известно одному Богу, но очевидно, что без русского опыта, русского гения и русской самоотверженности вряд ли удастся обойтись. И в этом нам помогут наши прежние достижения, которые нам предстоит осмыслить, но для начала изучить их.

Спросим себя честно: хорошо ли известны факты российских цивилизационных достижений чиновникам, молодёжи и даже начитанным людям, по тем или иным причинам продолжающим стоять на либеральных позициях? Думается, что многие обо всём этом либо не знают вообще, либо знают очень фрагментарно, либо предпочитают не вспоминать — не выгодно. Русофобы не хотят признавать, что бедность жителей страны связана с её климатом и огромной территорией: любой произведённый у нас продукт стоит из-за климата и расстояний в два-три раза дороже, чем в Средиземноморье. И, конечно же, мы живём в среднем беднее стран Запада, потому что русский человек по определению нестяжатель, и для него психологически важнее вопросы духа, творчества и социальной справедливости. Это не значит, что нужно смириться с бедностью, но гораздо важнее пробуждение национального достоинства.

Мы видим страну, жители и правители которой вели себя неординарно, проявляли альтруизм по отношению к другим, часто неблагодарным народам и государствам, отдавали свои лучшие силы и даже жизни во благо других и, конечно, проявляли невероятную талантливость в самых разных сферах жизни и творчества. Следует отметить, что противники России как вовне, так и внутри её стараются либо не замечать эти особенности поведения жителей страны и государства в целом, либо, признавая сам факт жертвенности, интерпретировать её как некое чудачество, бестолковость, юродство (либо же акцентируя на бездарность государства, угнетающего своих талантливых граждан) и т. д.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Из цикла работ «Нужда в прорывных проектах»

Чтобы одержать Победу и справиться со штормом глобального смуткризиса, придётся вспоминать и прежний опыт, и находить новые дерзкие решения, и строить специальные институты прорывного развития. Не идти шаблонными, торными путями...

Патриотический социализм: возможен ли он?

*О предлагаемой нам после- (или межвоенной) модели общества —
честно и без прикрас*

СТАВКА НА НОСИТЕЛЕЙ ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ И СОЗИДАНИЯ

Вместо уже забытой модели «суверенной демократии» по Суркову и концепции «энергетической сверхдержавы», ставшей предметом бесконечных шуток, сегодня выдвигается идея патриотического социализма. Программным заявлением по сему поводу стала статья шефа Минвостокразвития Алексея Чекункова 17.08.2024 г., вышедшая летом на РБК¹. Появился предмет для серьезного разговора.

А. Чекунков говорит о том, что нынешние менеджеры госкорпораций, чиновники и имеющиеся бизнес-магнаты оказались неэффективными. Они не сумели обеспечить научно-технологический и промышленный рывок РФ. Что, в общем, очевидно. Почему-то министр умолчал о том, что сегодня как раз частные предприниматели (но не сырьевые олигархи и никак не управляющие госкорпораций) и предпринимают инновационные проекты. Причём успешные. Просто вся окружающая макроэкономическая среда их давит и душит, они живут скорее вопреки, чем благодаря государственной политике. Приведу всего лишь несколько примеров.

Разве госкорпорации обеспечили производство отечественных лазерных станков / обрабатывающих центров? Нет, частные компании: «Лазеры и аппаратура» в Зеленограде и «Морсвязьавтоматика» в СПб. Просто им очень трудно в условиях РФ выбиться в большие корпорации — мировые лидеры.

Кто успешно смог создать отечественное производство трансмиссий для агромашин и дорожно-строительной техники? Чтобы не импортировать их? Частный «Ростсельмаш», команда Константина Бабкина. А кто создал отечественную автоматическую коробку перемены передач для тяжёлой техники? Которая сегодня — часть не менее важная для техники (и не менее сложная), чем двигатель? Команда Сергея Серебрякова на Кировском заводе. Вернее, на входящем в состав большого акционерного завода

ПТЗ — акционерном же Петербургском тракторном. И хотя сам С. Серебряков — горячий социалист и адепт СССР, действует он сейчас в рамках частного предпринимательства и частно-государственного партнёрства.

Кто развивает беспилотники двойного назначения, с применением ИИ (искусственного интеллекта)? Фактически частные предприниматели — Вадим Жернов и Пётр Кривохижин. Частники-энтузиасты, особенно из нынешних военных добровольцев, оказались быстрее и разворотливее госкорпораций. Кто смог разработать микросхемы отечественной архитектуры? Тоже частники, ярчайший пример коих — «Мультиклет» Бориса Зырянова. И не их вина, что у них нет возможности производить их дома, не заказывая на Тайване: для строительства фабрики чипов нужны триллионные вложения и изошрённая система госсубсидий, без коих русские микропроцессоры получатся в десять раз дороже чипов с «Формозы». Не их вина, что государство столько лет транжирило нужные триллионы на всякие бесполезные Олимпиаду в Сочи, футбольный чемпионат мира и прочие «имиджевые мегапроекты».

Посетите заседания общественной ассоциации «Росспецмаш» — и увидите, сколько сделали в деле импортозамещения именно частные промышленники. Просто с нынешними налогами, высочайшими ставками по кредитам, растущими ценами на металл и вздувающимися энерготарифами они развернуться не могут, буквально вынуждены бежать в кандалах. Посмотрите, сколько сделали нужного по части технологического суверенитета страны ярославский заводчик Александр Шутов (производство промышленной оснастки) или владельцы компании «ТО-НАР» (передовая прицепная техника)! В моём досье по «Карте Русской мечты» — десятки примеров такого энтузиазма на частной инициативе, потенциальных научно-промышленных высокотехнологичных прорывов. Которые, увы, при нынешнем экономическом курсе не могут вырваться из стадии «личинок». А каков потенциал у тех частно-общественных предпринимателей, что производят недостающую в войсках технику

¹ Ссылка на публикацию Чекункова: <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2024/666fdd079a7947d7daecd349?from=newsfeed>

для войны на Украине²? Ведь с таким же успехом они могут делать и мирную продукцию, и технику двойного назначения. Каких? Да тех же винтолёт-автожиров, что разрабатывает в частном порядке семья Устиновых.

Имена сих людей не на слуху. Они не могут сравниться по известности с сырьевыми и финансовыми тузами из РСПП, сего «профсоюза олигархов». Равно как и с надменными главами госкорпораций и банков. Не устраивают такие ребята кутежей в Куршавелях или голых вечеринок. Но они, по сути, и есть тот самый кадровый резерв созидателей для возрождения и подъёма страны. Для избавления от позорной сырьевой да импортных зависимостей. Для обретения русскими совершенно новых рынков. Чтобы мы могли выходить в мир не только с углеводородами, зерном или химическими удобрениями, но и, например, с удивительными вездеходами-амфибиями «Дрозд», что разработал коллектив ещё одного частного предпринимателя — Сергея Терешенкова («Балтийская машиностроительная компания»). Назовёте политику массового привлечения таких творцов во власть патристическим социализмом? Не возражаю. Лишь бы дело делалось.

Дело — за малым. Оживить концепцию реальной политикой власти.

ПОТЕНЦИАЛЬНО — БЕЗ МЕРТВЯЦЕЙ БЮРОКРАТИИ. О «КОЛЬЦАХ ШПЕЕРА» И НАСЛЕДИИ ВАНКОВА–БЕРИИ

Вижу тут огромный потенциал для быстрого развития РФ и преодоления нашей «онкологии» — повальной и всё парализующей коррупции. Прежде всего, в том, что такие люди — энтузиасты. Если им дать госсубсидии и долгие дешёвые кредиты, они всё пустят в дело, в свои любимые детища. А не украдут деньги.

Имена сих людей не на слуху. Они не могут сравниться по известности с сырьевыми и финансовыми тузами из РСПП, сего «профсоюза олигархов». Равно как и с надменными главами госкорпораций и банков. Не устраивают такие ребята кутежей в Куршавелях или голых вечеринок. Но они, по сути, и есть тот самый кадровый резерв созидателей для возрождения и подъёма страны.

И собственными руками задушат тех, кто предложит им «распилить».

Но есть и другое: потенциальная кооперация таких людей и их предприятий. Та, что может победить уныло-узколобую, косную бюрократию. Напомню новую старую идею. Как предлагают поступать лидер Кировского завода Сергей Серебряков и директор Череповецкого литейно-механического завода Владимир Боглаев? Итак, есть проект создания умной дорожно-строительной машины, грубо говоря. Для его воплощения не нужно создавать отдельной корпорации, тратя деньги и время на то, чтобы скупить имеющиеся заводы и достроить недостающие. Нет, в общий проект — в кооперацию, объединённую одной дирекцией, — входят заводы и фабрики разных владельцев, частные и государственные. Просто один участник, к примеру, умеет делать отличную коробку передач — автомат. Второй — дизель. Третий — ведущие мосты. Четвёртый — подшипники. Пятый — кабину высокого качества. А вместе они создают ту самую чудо-машину, скажем, «Слава Новороссии». Совместно её делаю и совершенствую, сообща имея сеть торговли и обслуживания техники, общую рекламу и т.д. Не конкурируя в данном случае, но разумно сотрудничая. Причём в рамках, например, кооперации предприятий РФ и Белой Руси. Никого не надо приватизировать и «раскулачивать», создаётся Общее Дело.

Что выходит? Что-то подобное «кольцам Шпеера» в военной промышленности Германии во Второй мировой. Тогдашний министр вооружений, архитектор Альберт Шпеер, придумал механизм кооперации. Итак, для производства, скажем, подводных лодок есть определённый круг компаний. Они формируют «производственное кольцо». Не нужны какие-то государственные чиновники сверх меры: все вопросы на совещаниях решаются с представителями кольца-кооперации. Участники коего сами быстро и оптимально решают проблемы между собою. Экономя время и ресурсы. Хотя Шпеер не был первым. В годы ПМВ русский генерал Симеон Ванков применил механизм промышленной кооперации для производства снарядов, создав сеть из частных заводов. Принцип прост: у одного завода есть одна необходимая технология, у второго — другая, третий имеет возможность и оборудование для того, чего не могут делать другие. Вместе мы не конкурируем, а солидарно создаём общий продукт.

С такими же «кольцами» работал и глава Спецкомитета (1946–1953) при правительстве СССР Лаврентий Берия, осуществляя одновременно и атомный, и реактивно-авиационный, и ракетный, и зенитно-ракетный проекты. Приведённые примеры касаются военной сферы, но с таким же успехом можно осуществлять

² Подробнее — https://zavtra.ru/blogs/o_narodnom_vpk.

и гражданские проекты. Скажем, государство решит развернуть программу по обновлению парка агромашин, даст субсидии на приобретение 60 тысяч мощных тракторов и 30 тысяч комбайнов. И под них создадутся те самые «кольца кооперации». Такие же солидарные структуры могут обеспечить нам производство легковых автомашин куда лучше, чем продукция ВАЗа.

ВОЗМОЖНОСТЬ ВЕЛИКОГО ОЧИЩЕНИЯ

Мне неизвестны подробности концепции патриотического социализма. Но он (смотрим статью А. Чекунова) уже предусматривает чистку элиты, выдвижение вперёд созидателей и носителей идеи служения Отечеству. Что ж, кадры новых и толковых людей мы уже показали. Будет ли сопровождаться такая кадровая революция национализацией и тотальным огосударствлением? Вопрос острый и опасный.

Сырьевые предприятия можно национализировать, главное — поставить во главе их не крысopodobных «менеджеров» с загибающимися руками и кругозором обывателя (ярчайший пример — бывший замминистра обороны Т. Иванов). А вот национализировать машиностроительные и высокотехнологичные заводы под одну гребенку чохом нельзя! Если есть частники-подвижники, пламенные энтузиасты, то зачем заменять их туповатой и косной бюрократией? Надо смотреть в каждом конкретном случае. Скажем, если частник отлично справляется с производством тракторов и комбайнов, то зачем его «раскулачивать» (даром или с компенсациями)? Пускай работает. Ежели частник Вадим Лобаев делает лучшие в мире снайперские винтовки, не раздувая штатов и себестоимости, зачем у него отбирать завод? Пускай государственными будут структуры Росатома. Но если частник создаст отличный проект миниатюрной АЭС, то зачем ему мешать? Пусть растёт. Так в КНР поступают.

Тотальное огосударствление (даже под маркой патриотического социализма) несёт в себе огромную опасность. Бюрократия по природе своей склонна к застою, косности, копированию иностранных образцов вчерашнего дня, она не любит того, чего ещё нет в остальном мире. Есть в ней неофобия: страх быть первопроходцем.

Давайте возьмём пример Роскосмоса. РФ страшно сдала свои позиции в космосе, её обогнали не только США и ЕС, но уже и Китай с Индией. У нас был единственный прорывной проект, суливший мировое лидерство: строительство межорбитального буксира «Нуклон» (или «Зевс») с ядерным двигателем (совместный проект Центра Келдыша, Росатома и РКК «Энергия»).

Это — потенциально корабль для межпланетных перелётов. Огромное преимущество русских перед всем миром. Шестимегаваттный реактор плюс элек-

тромактивные двигатели. Однако судьба проекта теперь неясна. С 2015 года его исключили из программы Роскосмоса. А теперь вроде бы его будут делать — но в рамках совместного с Китаем проекта по лунным экспедициям. Футуролог Сергей Переслегин уже гневно высказался: зачем отдавать первородство китайцам? Почему единственный прорывной проект нашей сегодняшней космонавтики, сулящий нам цивилизационный рывок, сделали каким-то побочным? Видимо, чиновники Роскосмоса решили, что он не даёт скорых сиюминутных барышей (как дают их услуги по запуску чужих спутников), а потому отодвинули его на обочину. А ведь это — проигрыш РФ в борьбе за геостационарные орбиты, отказ Русской цивилизации от способности творить чудеса. То есть делать то, чего не могут другие цивилизации.

Вы скажете, что нынче — санкции и война, а посему не время думать о космических ядерно-электрореактивных кораблях? А вы знаете, когда Государственный комитет обороны (ГОКО) СССР принял решение о начале программы создания первого нашего ракетного самолёта, ракетоплана-перехватчика Би-1 Болховитинова-Березняка-Исаева? 9 августа 1941 года. Тогда, когда страна стояла на грани гибели. Немцы только ликвидировали Уманский «котёл». Разгромили группировку наших войск, окружённых в районе Смоленска. Началась оборона блокированной Одессы.

Гитлеровцы начинают охватывать нашу киевскую группировку, ведут бои за окружение Ленинграда. И в такое время Сталин находит время на осуществление футуристического проекта. Неужели ему было легче, чем нынешней РФ, которая так поступает с проектом «Нуклон»?

А когда ГОКО принимает решение о начале работы по созданию атомного оружия? 28 сентября 1942-го. В то время как судьба Сталинграда висит на волоске, а немцы выбили нас из Новороссийска. Идут жестокие бои на Кавказе, немцы рвутся к нефтепромыслам Грозного. Под Ржевом — мясорубка. Войска Волховского фронта попали в окружение. Но даже в этих условиях Сталин не забывает о будущем, о ядерной энергии, каковая тогда считалась почти фантастикой...

То есть нельзя отдавать всё в руки унылой и лишённой фантазии бюрократии. Её мертвящей пирамиде никак нельзя даровать монополии на формирование будущего. Чиновники весь патриотический социализм завалить могут. Читаю строки Алексея Чекункова: «По моему собственному опыту перехода из «бизнес-среды» на государственную службу могу утверждать, что подавляющее большинство госслужащих вкальвают не за страх, а за совесть и искренне мотивированы решать проблемы людей. Вторая присущая нам особенность — культура созидания, наделяющая труд особым смыслом, порождающим гордость. Уместно вспомнить

притчу о двух каменотёсах, один из которых «тесал камень», а второй, делавший то же самое, — «строил храм». Второй — русский...»

С моей точки зрения, налицо идеализация положения дел в РФ. Практика говорит, что бюрократия чаще думает не о храме Великого Русского Завтра, а о своих особняках. Да, мы можем отобрать достойных людей (типа того же Сергея Павловича Королёва), дабы сделать их главами государственных организаций. Но делать это тотальным явлением нельзя! Слишком велик риск получить во главе кумов, сватов, «своих людишек». Да и после смерти С. Королёва космическая отрасль СССР сильно сдала по части смелости и футуристичности. Потому нужно задействовать и здоровую частную инициативу, и частно-государственное партнёрство с подвижниками, подобное кооперации американского государства и Илона Маска в космической сфере. Таковые механизмы — тема отдельная, и мы об этом ещё поговорим.

Бюрократия в СССР была намного более технологичной и квалифицированной, нежели нынешняя российская. Но мы отлично помним, как советские чиновники умудрились бездарно упустить прорывы СССР. Они не развили мобильную телефонию Леонида Куприяновича, не сумели удержать первенство по спутниковой связи. Благополучно «утопили» экранопланные проекты Роберта Бартини и Ростислава Алексеева. Даже породив первый в мире элегантный гражданский джип-вездеход «Нива» (1977 г.), они и там отдали рынок иностранцам, не сумев развить перспективнейшее на тот момент направление. Снова рисковать наступить на те же грабли под знаменем патриотического социализма? Нет уж, увольте. Только не надо заводить шарманку, известную мне по лекциям общества «Знание» 1981–1982 гг.! Об огромном превосходстве Запада в ресурсах, о бремени военных расходов Союза. Уясните, наконец: прорывные проекты, которые власть бездарно упустила, как раз и могли компенсировать материальное превосходство Запада и снизить тяжесть военных расходов СССР!

Уже видно, что война на Украине идёт к заморозке, и речь — лишь об условиях таковой. То, что она растянулась так надолго и стала не молниеносной нашей победой, а кошмарной и кровавой «позиционкой», трудно назвать великим триумфом. Скорее нас ждёт впереди новый круг войны, а до того — сложнейшее положение. Послевоенный травматический синдром, удушающие внешние санкции, кризисы неоиндустриализации, импортной зависимости, попыток Китая смести своим импортом остатки нашего реального сектора, кризисы нехватки квалифицированных кадров, демографический, наплыв мигрантов. Кризис «биполярного расстройств власти»: несоответствие курса Центробанка РФ и фискальной политики задачам новой индустриализации страны. Кризис сопротив-

ления самой ретроградной, коррупционно-сырьевой, части «элиты» попыткам действительно развивать страну и строить высокотехнологичный реальный сектор. Неминуемо столкновение с последствиями отрицательного отбора в «элилу» и чиновный корпус личностей, неизмеримо враждебных творчеству, психологически ненавидящих личную ответственность и сложную работу на межотраслевом уровне. Эти ведь чего попроще любят. На черта индустриализация, если лучше просто делить сырьевую ренту? А рождаемость, мол, поднимем ликвидацией модерна и массовым выселением граждан в деревни, к лошадке и сохе. Предстоит гигантская и трудная работа. Ибо если и патриотический социализм провалится, то не сносить русским головы.

БОРЬБА С ВЕКОВЫМ ПРОКЛЯТЬЕМ — УНИЧТОЖЕНИЕМ СОБСТВЕННЫХ НОВАТОРОВ

Что придётся делать? Мне очевидно, что патриотический социализм обречён, если не будет создан ясный и привлекательный образ будущего страны. Если не будет сформирован чёткий Новый курс на последовательную индустриализацию, с принятием внятных пятилетних планов. Каковые применяются не только в чисто социалистической, но и в смешанной экономике. В противном случае мы будем иметь дело с очередным пропагандистским пустоцветом.

Считаю, что русским — уже в рамках патриот-социализма — следует избежать страшного просчёта СССР, социализм коего оказался консервативным, отторгающим инновации. Нельзя дело их разработки, развития и внедрения отдавать лишь государству. Нужно умело сочетать государственно-плановые (социалистические) механизмы с частной инициативой. Так, как это сделали янки во второй половине XX столетия.

Необходим ещё набор государственных мегапроектов развития, которые буквально ткнут Грядущее. Как Атомный и Космический в XX веке. Тех проектов, в каковые частные корпорации никогда не вложат средств — ибо результат либо неочевиден, либо его ожидать слишком долго. Но рядом с такими мегапроектами должен существовать сильный частный сектор, готовый подхватить возникающие технологии и превратить их в коммерческие «конфетки», в основу для бизнеса с глобальными перспективами. Снова получается этакий государственно-частный «комбайн». Что буквально соткало современный мир коммуникаций, скоростей, микроэлектроники? Всего два проекта: ядерный и космический, осуществлявшиеся в СССР и США. Создавая ядерное оружие и его ракетные носители, летая на околоземную орбиту, к Луне и другим планетам, мы породили тысячи прорывных технологий и потрясающих новаций. Всего

и не перечислишь. Ядерная электроэнергетика, микроэлектроника, портативные компьютеры, интернет и мобильная связь, тефлон и свехпрочные синтетические материалы, спутниковая связь и доступная пассажирская авиация на газотурбинных двигателях, гамма роботизированных станков, набор бытовой техники, лазерные технологии — перечень огромен.

Но, к нашему стыду, янки лучше использовали сонм прорывных новаций, созданных за государственный счёт. У них с 1957 года успешно работала связка «государство — частные корпорации». И так, за счёт казны и Агентства передовых разработок Пентагона (DARPA), возникали прообразы грядущих чудес. Зачастую ещё слишком грубые и большие. Частники их подхватывали и превращали в компактные и удобные вещи. Придавали им вид отличного коммерческого товара. Что касалось хоть непригораемых сковородок с тефлоном, хоть техники на микроэлектронике. Интернет ведь — развитие системы распределённой связи на случай ядерной войны, Арпанета (1969).

В Советском Союзе с его жёстко централизованной и неповоротливой огосударствлённой экономикой создаваемые прорывы оказалось некому подхватить и быстро создать на их основе фирмы — завоеватели мирового рынка. Не хватило частной инициативы.

Теперь «комбайн» нужно создать и в Великой России. Из государственных — и очень умных! — мегапроектов развития и сильного частного научно-технического промышленного предпринимательства. Совместив социалистический проектно-плановый подход и деловую инициативу.

Нынешние «институты развития» в РФ практически бесплодны; они не осуществляют прорывных проектов, не выступают глобальными первопроходцами. Ибо отечественный постсоветский чиновник смертельно боится брать на себя ответственность (к нему

Практика говорит, что бюрократия чаще думает не о храме Великого Русского Завтра, а о своих особняках. Да, мы можем отобрать достойных людей (типа того же Сергея Павловича Королёва), дабы сделать их главами государственных организаций. Но делать это тотальным явлением нельзя! Нужно задействовать и здоровую частную инициативу, и частно-государственное партнёрство с подвижниками, подобное кооперации американского государства и Илона Маска в космической сфере.

могут прийти с «делом» из Следственного комитета или ФСБ) — и потому предпочитает тупо копировать то, что делают на Западе. Потому наше отставание становится гарантированным, а в РФ и близко нет проектов, по значению сравнимых с ядерным или космическим середины XX века. Введение сталинской личной ответственности бюрократов за порученное направление, увы, не поборет губительной тенденции, а лишь усугубит её. Ибо начальство, рискуя головой или свободой, тем более станет лишь копировать проверенное — зады западной (японской, китайской) инноватики. И тем более русские не смогут победить грозящие Тёмные века, свалившись в их чрево вместе с остальными. Здесь недопустимо левое мракобесие (никакого частного бизнеса, ибо буржуи появятся), здесь нужен сугубо прагматический подход. То есть экономика с социалистическими и частными элементами, смешанная многоукладная модель.

Без этого мы не сумеем решить одну из важнейших задач национального возрождения: превращения науки в могучую производительную силу плюс возвращение русским статуса народа — повелителя высокой техники. Народа-новатора. Для этого нужно прервать многовековую цепь преступной, убийственной для нации практики: удушения отечественных прорывных новаторов. Ведь она красной нитью проходит через царский, советский и нынешний периоды.

Приведу простой пример. Гостем моей телестудии был Михаил Сурин, один из энтузиастов — разработчиков удобной подводной радиосвязи. Если кратко, то суть такова: до сих пор считалось, что под водой распространяются лишь сверхдлинные радиоволны. Они крайне медленно передают информацию, для такой связи нужны очень мощные наземные станции с громадными антеннами. Да и подводным лодкам для сеансов связи нужно подниматься поближе к поверхности, выпуская длинную приёмную антенну-трос, тем самым себя демаскируя.

М. Сурина и его соратникам удалось создать антенны, позволяющие пользоваться более удобными диапазонами волн, причём именно под водой! Испытания прошли за счёт личных средств разработчиков — дважды в реках, один раз — в море (район Владивостока). А это значит, что не только с подлодками связь облегчается, но и появляется возможность широко развивать подводные дроны. Отказываясь от шумной акустической коммуникации с ними и переходя на ультракороткие волны. А это — не только военное применение, но и мирные подводные роботы. Испытания шли в 2020–2022 гг. В море испытания шли на частоте 27 мГц. Под водой транслировалась песня Владимира Высоцкого на расстоянии в 630 метров.

Словом, энтузиасты сделали всё, что могли сделать, на свои сбережения. На полноценную НИР (научно-исследовательскую работу), с задействованием

хотя бы старой подлодки, ресурсов у них не было. Они обращались в Главное управление связи МО РФ, пробуя показать: открывается возможность быстрой и надёжной связи субмарин с береговыми центрами управления, исполнение давней мечты о прямой связи между подлодками, авиацией и надводными кораблями, возможность создавать ныряющие дроны, оперативно руководить действиями боевых пловцов. Но им отказали. Отказали везде. Все хваленые «институты развития» в РФ оказались бесполезными. Хотя такая подводная радиосвязь обеспечит нам мировой приоритет.

Таких случаев при патриотическом социализме быть никак не должно. Для того и должен возникнуть работоспособный, частно-государственный «комбайн» развития инноваций.

С ОПОРОЙ НА ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Нынешнее время показало, что самостоятельно, без помощи «народного ВПК» официальная военная машина РФ не смогла бы справиться с кампанией на Украине. Дроны, связь, радиоэлектронная борьба — вот что делали волонтёры на пожертвования. Точно так же патриотический социализм — дело слишком сложное, чтобы доверить его целиком государственным структурам. Слишком они косны, неповоротливы, лишены смелого воображения. А то и просто «затирают» те или иные направления в силу корыстных интересов. Скажем, чтобы не портить бизнес сложившимся и поделившим рынок корпорациям.

Потому параллельно с правительством и парламентом в стране должен быть создан ВСПНТР — Высший совет промышленного и научно-технического развития. Входить в него должны общественные объединения отраслевых промышленников, ассоциации инноваторов, научные общества. Именно ВСПНТР, подчиняясь президенту, должен кооптировать в себя новых членов (не по произволу чиновников), получив самые широкие права. И право проводить экспертизу принимаемых правительством решений по промышленным и научно-технологическим вопросам, и возможность предлагать законопроекты и проекты правительственных постановлений. В ход должны пойти всевозможные организации подлинных энтузиастов и фанатиков индустриального развития и научно-технической революции. Что не исключает возрождения Академии наук, причём с сильной прикладной секцией, формирования второй академии (конкуренция) и развёртывания параллельного (опричного) государства-полигона. Этакого аналога потешных полков Петра Великого, направленного на поиск нетривиальных решений. Сюда же добавим и создание ВНДС — Военно-научно-добровольческих сил, способных стать генератором инноваций не только в оборонной сфере.

Восстановить «мозг» страны!

Сегодня РФ находится в состоянии тяжёлой войны. Считайте, что косвенно — со всем блоком НАТО, с десятками наиболее богатейших и развитых стран. При этом уже надо думать, как выходить из суровой послевоенной депрессии, перестраивая производство. Как компенсировать дикую нехватку рабочих рук, узость внутреннего рынка. Как разрывать удавку санкций, что пришли надолго. Как не опрокинуться от штормовых волн грядущего глобального смуткризиса. Как справиться с пугающими вызовами, что несёт

с собою развитие ИИ — искусственного интеллекта. Как противостоят новой гонке вооружений, когда Запад постарается свести на нет действенность ракетно-ядерного нашего меча, развивая войну дронов и космическое оружие. Как справиться с демографическим кризисом и кризисом прежней системы управления.

Нужно снова опираться на науку. Иного выхода нет. Зайдём на проблему с самого сегодня актуального. С фронта боёв на Украине...

ПРИМЕР ВЕНИАМИНА ЦУКЕРМАНА

Приведём для начала письмо с нынешнего фронта. Февраль 2024-го, пишет легендарный доброволец Мурз (Андрей Морозов). В связи с тем, что наша «броня» продолжает гибнуть от противотанковых кумулятивных боеприпасов ВСУ, в том числе — от тех, что на дронах-камикадзе:

«Ещё один очень старый, но очень полезный материал. Обваривающим танки и лёгкую броню всем, чем ни попадя, — рассказ о том, что реально эффективно, а что — нет. И почему. Почему решётки надо делать из полос стали, на каком расстоянии они должны быть друг от друга и от брони и так далее. Как вы уже догадываетесь, наверное, дорогие читатели, наша такого рода военная пресса и наши реальные военные «на земле» существуют в двух разных мирах. И налаживать производство правильных типовых решёток на броню тоже придётся Родригесу, да? (*Родригес тоже волонтер. — М. К.*)

Посмотрите на дату выхода статьи. 2017-й год. Уже два года, как прошла Дебаль (бои за Дебальцево. — М. К.). Уже была охота за правильно обрешеченным украинским БТРом, который, несмотря на неоднократные попадания из РПГ (*ручных противотанковых гранатометов. — Ред.*), был брошен экипажем в исправном состоянии (!), только когда сел на брюхо в снегу.

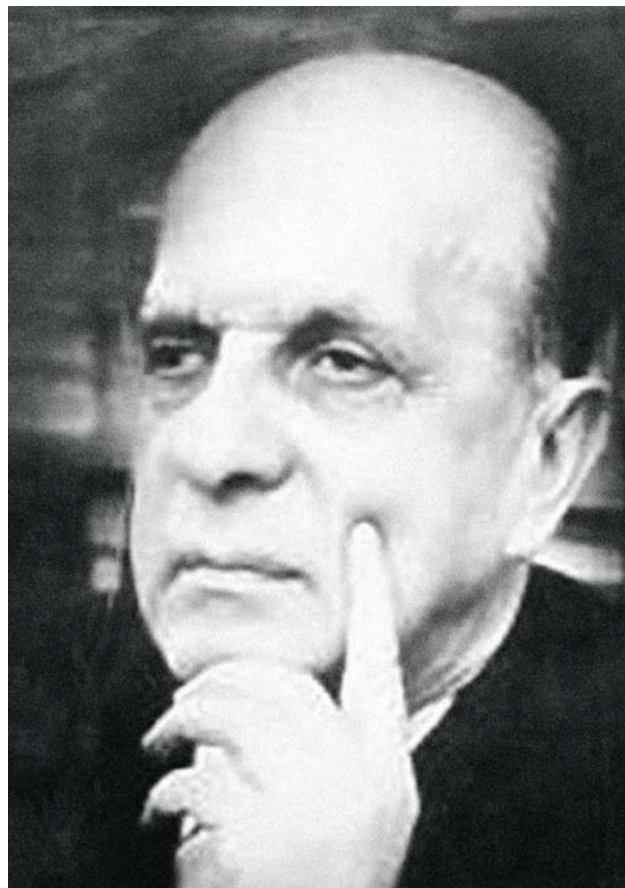
На календаре — 2024 год, февраль. На многочисленных украинских видео наша лёгкая броня, и танки беззащитны перед FPV-дронами, несущими обычные кумулятивные БЧ от гранатометов...»

А что предпринимать в такой ситуации?

Приведём достаточно наглядный пример из истории Великой Отечественной. Не в качестве ностальгии по прошлым победам, а именно как подсказку для дней нынешних, как контур возможного грядущего.

В 1943 году на фронте у гитлеровцев появляются кумулятивные боеприпасы, пробивающие даже самую толстую броню танков. В том числе и одноразовые гранатометы — фаустпатроны. В тот момент это был последний писк военно-технической «моды», примерно как сегодня — дроны-камикадзе с искусственным интеллектом, способные нападать «разумными стаями». Способные жечь танки. Не сказать, что у СССР подобного оружия тогда не имелось (уже на Курской дуге в сорок третьем мы применяем кассетные кумулятивные бомбы), однако к новому немецкому оружию сталинское руководство относится крайне серьёзно. Нужно в кратчайшие сроки разработать технологию дополнительной защиты бронетехники. Как её экранировать так, чтобы ослабить действие дьявольской кумулятивной струи?

Учтите: на дворе — 1943-й. В распоряжении тогдашних исследователей нет современной электронной

сверхскоростной съёмки (рапида, «лупы времени»). Нет компьютеров, нет томографии, дающей возможность заглянуть вглубь процессов внутри материи. Но выход был найден. Чтобы исследовать действие кумулятивной струи, за работу взялся научный сотрудник Института машиноведения АН СССР, тогда трудившийся в эвакуации в Казани, Вениамин Цукерман (1913–1993). Один из будущих участников Атомного проекта, коего потом осыплют и премиями, и орденами. Ещё даже не имея никакой учёной степени, В. Цукерман с 1934 года разрабатывал метод импульсной рентгеновской съёмки, позволявшей постичь динамику процессов, происходивших за миллисекунды. С 1940-го таким образом исследовалось действие пуль и бронебойных снарядов.

Удивительно, но такая технология — аналог нынешней томографии, хотя и грубая. Но именно с её помощью команда физика смогла изучить действие кумулятивной струи гитлеровских «фаустов» и разработать чёткие рекомендации: как навешивать на наши танки дополнительные металлические экраны-решётки, при попадании в кои действие губительного оружия слабело.

«В. А. Цукерману принадлежит определяющая роль в создании и развитии импульсных рентгеновских генераторов, разработке методик изучения быстротекающих процессов и проведения исследований динамики взрыва. Он первым в нашей стране в предвоенные годы

с помощью импульсной рентгенографии произвёл съёмку процесса разрушения преград снарядами.

За разработку методов скоростной рентгенографии процессов выстрела и взрыва в 1946 году он был удостоен звания лауреата Сталинской премии. В том же году награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»...»¹

Цукерман и стал по итогам той работы кандидатом технических наук. Технология затем пригодилась и в Атомном проекте Сталина, и в ядерной промышленности СССР после ИВС, и в машиностроении самых разных отраслей. (Сам учёный до последних дней трудился в атомограде Сарове, во ВНИИ экспериментальной физики.)

«В 1962 году В. А. Цукерману было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Его научная и изобретательская деятельность отличалась разнообразием предложений. Для рентгеноструктурного анализа геологических проб в экспедиционных условиях был разработан и налажен промышленный выпуск специальных камер «Рада». Интенсивные источники рентгеновского излучения Fe-55 успешно применялись для рентгенофлуоресцентного анализа пород планеты Венера автоматическими межпланетными станциями «Венера-13», «Венера-14», «Вега-1» и «Вега-2»».

Интересны его работы в области медицины и биологии. Например, его предложение по воздействию сходящихся ультразвуковых или слабых ударных волн на нейроны живого мозга. Эта работа была продолжена физиологами с целью передачи звука непосредственно в мозг, минуя повреждённый слуховой аппарат. Чрезвычайно интересна его идея использования радио кислорода для определения кровотока в коре головного мозга и других органах живого человека.

По его инициативе в Институте дефектологии Академии педагогических наук была создана лаборатория сурдотехники. По его идеям был разработан прибор видимой речи ВИР, с помощью которого глухие могли исправлять дефекты своего произношения. В 1966 году за заслуги в области изобретательской деятельности ему присваивается почётное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР», которым он гордился больше всего. В 1971 году В. А. Цукерман за научные достижения в области развития отечественной техники был награждён орденом Октябрьской революции, в 1978 году удостоен звания лауреата Государственной премии СССР, а в 1983 году за выполнение специального задания награжден орденом Трудового Красного Знамени...»²

Фактически работа, начатая ещё студентом Цукерманом в 1934-м, стала одним из факторов Побе-

ды 1945 года, а также создала впечатляющий задел на будущее. Да, мы до сих пор живём наследием тех исследователей из СССР. Вот вам и разница в подходах к делу сталинской системы и нынешней. Да, приводимый пример устарел с точки зрения собственно технологий. Но по организационной части он намного опережает сегодняшнее время. И прямо говорит, как надо бы делать сегодня.

ВПЕРЁД, В СССР! А НЕ НАЗАД. АКАДЕМИЯ И ВОЙНА

В подлинной истории нет примитивного линейно-временного подхода. Если Советский Союз существовал раньше нынешней РФ, это не значит, что он — прошлое. Поскольку по своим организационным технологиям и управленческой культуре он намного превосходит теперешний «менеджерат». Примерно так же, как Римская империя — варварские королевства Тёмных веков, каковые вроде бы существовали позже. Потому нам стоит самым тщательным образом (подобно итальянским гуманистам эпохи Возрождения) изучить оставленный СССР опыт. В том числе — и организации науки на войне. Благо вызовы той эпохи и «новых тридцатых» теперь весьма схожи.

Уже 23 июня 1941 г. прошло внеочередное расширенное заседание Академии наук СССР. Решили: мобилизовать весь имеющийся научный потенциал

В подлинной истории нет примитивного линейно-временного подхода. Если Советский Союз существовал раньше нынешней РФ, это не значит, что он — прошлое. Поскольку по своим организационным технологиям и управленческой культуре он намного превосходит теперешний «менеджерат». Примерно так же, как Римская империя — варварские королевства Тёмных веков, каковые вроде бы существовали позже. Потому нам стоит самым тщательным образом (подобно итальянским гуманистам эпохи Возрождения) изучить оставленный СССР опыт. В том числе — и организации науки на войне.

¹ См.: https://www.biblioatom.ru/persons/tsukerman_veniamin_aronovich/

² Там же.

«на выполнение задач по укреплению военной мощи нашей социалистической Родины». Собственно же конкретный план работы родился в августе, когда уже был контакт с созданным ГОКО (Государственным комитетом обороны во главе с Иосифом Сталиным). В нем были 245 приоритетных тем для исследований и разработок.

«В системе АН СССР был создан ряд комиссий: Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной армии под руководством академика А. Е. Ферсмана, Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана, Комиссия по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья, Военно-шефская комиссия АН СССР, Комиссия помощи семьям фронтовиков АН СССР...»³

Да, те разработки теперь смотрятся архаично. Но не подход к делу и не его организация! Напомним, что в годы Великой Отечественной именно исследователи АН СССР дали стране первый антибиотик (пенициллин, Зинаида Ермольева), способы размагничивания кораблей (против немецких донных магнитных мин, руководил делом Игорь Курчатов), котелки, которые, если повесить их над костром, за счёт термоэлементов давали электричество для партизанских и армейских радиостанций. Ну а заодно в них и пищу варили. Вот пример выдающегося русско-советского фармаколога Бориса Кудряшова (1904–1993), профессора МГУ. Именно он разработал тромбин — средство для того, чтобы останавливать кровотечение у раненых. Уже осенью 1941-го препарат был готов. *«Разработанный Кудряшовым тромбин мог за 3–6 секунд свёртывать кровь и останавливать кровотечение. Первая промышленная серия стерильного тромбина была получена в Москве в апреле 1942 г. и начала поступать во фронтовые медицинские учреждения. В годы войны тромбин нашёл применение при первичной обработке ран, хирургических операциях и перевязках...»⁴* Кстати, работа тоже создала огромный задел для послевоенного СССР. Породила тромболитические препараты, предотвращающие появление смертельно опасных «пробок в кровеносных сосудах. С помощью главного «кремлёвского врача» академика Евгения Чазова Кудряшов разработал теорию тромболитического лечения и само лекарство — фибринолизин. И в 1975-м его впервые успешно применили на практике.

А история, когда исследователи Лесотехнической академии создали специальную пасту для лечения ожогов, обморожений, огнестрельных ран? Как они же разработали хвойный экстракт, богатый витамином С,

для борьбы с цингой? Ботаники и биологи Ленинградского биологического института составляли военно-геоботанические карты. И так — вплоть до бронестекла, реактивных и ракетных двигателей, ураново-атомной тематики...

«Нашлась работа и для математиков. Они приняли участие в создании новых образцов артиллерийских орудий и способов расчёта траектории полёта снарядов, а также решили проблему эффективности их действия. Например, механик С. А. Христианович помог увеличить кучность попадания снарядов систем залпового огня типа «Катюша» в десять раз. Для этого он внёс изменения в механизм стрельбы, благодаря которому снаряды начинали вращаться в полёте, достигая таким образом высокой точности попадания по цели...»⁵

Изучая опыт работы ЛФТИ (Ленинградского физтеха), видишь: разрабатывались важнейшие направления. С довоенных времён — радары, радиолокация. Размагничивание кораблей. А вот исследования по части брони и прочности — в Броневой лаборатории ЛФТИ. Руководил ею Николай Давиденков (1879–1962). Защищённые топливные баки самолётов с губчатой резиной, затягивающей пробоины, — работа «броневиков» ЛФТИ, кстати. Как и создание пулестойких защитных устройств.

Увы, нынешний ЛФТИ подобных работ проводить в РФ не может. Как отметили на одном из заседаний президиума РАН, *«ссылаясь на ст. 15 № 150 ФЗ “Об оружии” ГУВД по СПб и Ленобласти, требует от ФТИ получения лицензии на производство оружия и патронов. Неоднократные попытки ФТИ внести необходимые поправки в ФЗ “Об оружии” к успеху не привели. Институту необходима помощь и поддержка в подготовке, внесении и принятии поправок в ФЗ “Об оружии”...»*

Как видите, сталинская бюрократия была поумнее постсоветской. Нынешняя же бюрократия буквально съедает страну. Или парализует.

А ещё ЛФТИ стал инициатором возобновления работ по ядерной (атомной) тематике в конце 1941 года. Именно в 1942-м из Физтеха вырастает курчатовская Лаборатория № 2, колыбель грандиозного Атомного проекта СССР. Из распоряжения Государственного комитета обороны № 2352сс «Об организации работ по урану» от 28 сентября 1942 года: *«Обязать АН СССР (академик А. Ф. Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии при расщеплении ядра урана, представить ГКО к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания*

³ См.: <https://scientificrussia-ru.turbopages.org/scientificrussia.ru/s/articles/nauka-frontu-kak-sovetskie-ucenye-pomogli-vyigrat-velikuu-otecestvennuu-voynu>

⁴ См.: <https://www.farmedinstvo.info/farmlayf/nashi-legendy/nashi-legendy-kudryashov-boris/>

⁵ См.: <https://scientificrussia-ru.turbopages.org/scientificrussia.ru/s/articles/nauka-frontu-kak-sovetskie-ucenye-pomogli-vyigrat-velikuu-otecestvennuu-voynu>

урановой бомбы или уранового топлива. Для этой цели: Президиуму Академии Наук СССР организовать при АН специальную лабораторию атомного ядра...»

Самое время сравнить тогдашнюю организацию науки в военных условиях с нынешним положением дел. Ведь сегодня у нас — снова война, угроза самому существованию страны и мировой кризис впереди, способный опрокинуть РФ.

УДАЛЁННЫЙ МОЗГ

В поиске аналогов тех решений нашёл лишь пример Белоруссии. И то — частичный. Именно там НАН (Национальная академия наук) сделалась главным центром по разработке и производству беспилотных летательных аппаратов. При ней создали в 2016-м республиканское унитарное предприятие «Научно-производственный центр многофункциональных беспилотных комплексов». Сам видел его экспозицию на выставке «Армия-2020». Надо сказать, впечатлило. Самые разнообразные беспилотные авиакомплексы (БАК), коих у РФ и сейчас нет. Например, беспилотники-дирижабли. Как они нужны на фронте — в роли ретрансляторов или летающих радаров! Белая Русь уже в 2020-м показала БПЛА типа «Бусел» («Аист»), каковые можно применять хоть в мирных целях, хоть в военных. В вариантах корректировщика, разведчика, бомбардировщика или дрона-камикадзе (барражирующей бомбы). Видел я там и аналог «Байрактара». Плюс вертолётные беспилотники. Считаю, что сам факт того, что РФ сотрудничает в производстве «дронницы» лишь с Ираном, но не пытается выстроить интеграцию с Минском по сей части, просто возмутительным!

Но это, увы, лишь частичный пример. Хотя Белая Русь всё-таки не воюет сама, да и мала по населению (менее одной Москвы). Что её оправдывает.

А что же Российская Федерация? Если сталинская АН СССР работала по 245 направлениям, то в теперешней РФ Академия наук (РАН) фактически выведена из строя. С 2013 года, когда провели печально знаменитую её «реформу». Вместо того чтобы омолодить состав РАН, достроить её прикладной секцией и Центром проверки прорывных разработок, поставить перед Академией задачи в рамках курса на новую индустриализацию, РАН попросту кастрировали. Отняли управление институтами. Превратили в дискуссионный клуб престарелых учёных. Правда, и курса на новую индустриализацию (и поныне) чётко не объявили. Немудрено, что с началом Украинской кампании в 2022-м РАН оказалась вне всего процесса. Никто даже не выслушал её возможных предложений по части связи, разведки, радиоэлектронной борьбы — и так далее. Более того, в РФ оказалось, что некому поставить задачи перед отечественной наукой. Если в СССР в Великую Отечественную действовал ГОКО (Государственный

комитет обороны) во главе с руководителем государства, сосредоточив всю власть в стране, то в РФ ничего подобного нет. Существуют лишь два координационных комитета по вопросам СВО. Один — объединяющий региональные власти, возглавляемый мэром Москвы С. Собяниным. Другой — при правительстве, во главе с премьером М. Мишустиним. Какая-то раздвоенность изначально, нет никакой чёткой схемы, как у ГОКО 1941–1945 гг., с отлаженной системой подчинения комитету всех ведомств и системой региональных филиалов, с уполномоченными на местах. Учёным просто не к кому обращаться — и некому им задачи чётко ставить.

Прежде всего, для победы в войне и уверенных действий РФ в бурной реальности после неё стране необходимо восстановить свой «мозговой аппарат». Опять превратив науку и в оружие, и в производительную силу невероятной мощи, и в штурмана-оракула, что видит угрозы и возможности будущего. Иначе с клубком тяжелейших проблем войны и «послевоенья» не справиться. Иначе и военной победы не видать, поскольку медлительность, нераспорядительность и неумение использовать даже имеющиеся возможности у нашей бюрократии — налицо. Отсылаю к началу статьи.

К БЕСКОНЕЧНЫМ РУБЕЖАМ: ЭСКАЛАЦИЯ РАЗВИТИЯ

Приводимые тут примеры из истории сталинского СССР отнюдь не замыкаются только на социалистической экономике. Подобное делалось отнюдь не в советских Соединённых Штатах времен Франклина Рузвельта и Второй мировой. Достаточно вспомнить деятельность «инженера американского века» и «царя науки» — советника Рузвельта Ванневару Буша (1890–1974). Он в 1941–1947 гг. возглавлял Национальный комитет оборонных исследований (НКОИ, National Defense Research Committee). С 27 июня 1941 года NDRC преобразовали в Управление научных исследований и разработок (Office of Scientific Research and Development, OSRD). Будучи не администратором от науки, а ярким исследователем и энтузиастом (прародителем информатики и компьютерной науки), В. Буш, по большому счёту, стал одним из творцов того потрясающего рывка в развитии, что Америка совершила в годы Второй мировой и сразу после неё. По части авиастроения, электроники, радиолокации, машиностроения, атомной энергии, фармацевтики.

В июле 1945-го выходит в свет его доклад-работа: «Science: *The Endless Frontier*. A Report to the President by Vannevar Bush, Director of the Office of Scientific Research and Development, July 1945. United States Government Printing Office, Washington: 1945». Сиречь «Наука: к бесконечным рубежам».

Тут надо пояснить, что рубежи на английском — «фронтир». Синоним новых и неизведанных земель Дикого Запада, кои нужно освоить и обрести огромные от того выгоды. Синоним вызова. Итак, мысль ясна: война дала мощнейший импульс развитию науки, техники и промышленности США. Нельзя его потерять. Но как? Не всегда же будет война. Тогда нужно начать экспансию в Будущее, ибо географическая уже невозможна.

«В 1939 году миллионы людей работали в отраслях промышленности, которые даже не существовали в конце последней войны (Первой мировой. — Ред.) — в качестве примеров такой продукции можно привести радио, кондиционеры, вискозу и другие синтетические волокна и пластики. Но эти вещи не означают конца прогресса — они только начало, если мы полностью используем наши научные ресурсы», — писал В. Буш.

Во-первых, «Буш концентрировал деньги там, где были лучшие умы, и считал, что патенты и решения нужно безвозмездно оставлять разработчикам, чтобы те могли на них заработать...»⁶ Ибо сами разработчики лучше, чем туповатые госчиновники и сторонние дельцы, смогут полностью развить потенциал своих исследований. «Дайте людям деньги и свободу, и они вернуться к вам с чем-то полезным» — кредо Буша.

Во-вторых, государство не должно скупиться на безвозмездное (а на самом деле — сторицей окупающееся) финансирование науки. Причём сами научные организации должны выбирать направления исследований.

В-третьих, военная организация науки позволяет достичь неких важных вех (верстовых столбов). А вот дальше должны вступать в дело гражданские продолжатели работ при участии промышленности и частного предпринимательства.

Главные тезисы доклада Буша:

- Правительство должно поддерживать фундаментальные исследования.
- Финансировать следует конкретных учёных, а не проекты.
- Средства должны выделяться тем организациям, где исследования происходят в обстановке открытости.
- Предпочтение следует отдавать университетам как наиболее открытым организациям.
- Необходимо финансировать наиболее перспективных исследователей, а потому поддерживать тех студентов, которые посвящают себя науке, вне зависимости от послужного списка и финансовых

⁶ <http://worldcrisis.ru/crisis/2296586>

возможностей. (Это перекликается с принципом, заложенным академиком Будкером в основу деятельности новосибирского Института ядерной физики. — Ред.)

- Управление фундаментальными исследованиями должно быть сконцентрировано в одном гражданском агентстве, даже если они делаются в интересах министерства обороны. Военные исследования должны быть сосредоточены в специальных службах, а не в этом агентстве.
- Исследования, проводимые в промышленных компаниях, ориентированы на создание конечных продуктов, поэтому не могут рассматриваться как фундаментальные.

Пожалуй, В. Буша нужно дополнить лишь одним: государство вправе ставить задачи перед наукой. Исходя из всех принципов в совокупности, русские могут, восстановив «научный мозг» страны, рвануть к тому самому бескрайнему фронтиру-порубежью. Естественно, только при условии новой индустриализации и отказа от порочной модели экономики, сводимой лишь к добыче сырья и производству оружия. В таком случае победа в СВО превратится в стремительное наступление и на фронте развития русской научно-промышленной революции. Взять хотя бы решение огромной назревающей проблемы: экономических взаимоотношений с Китаем. Сегодня он, пользуясь своим монопольным положением во внешней торговле РФ (возникшей из-за западных санкций против нас), буквально выметает с рынка русского производителя. В силу огромного масштаба своей промышленности, более выгодных условий кредитования и налогообложения её, он может предложить продукцию на десятки процентов дешевле, чем индустрия РФ. Следовательно, итогом затяжной войны может стать дальнейшая деиндустриализация страны и попадание её в полную зависимость от Китая. Стало быть, необходимо превзойти китайские изделия по части наукоёмкости и прорывных решений. И тут без учёных — никак.

Но для начала нужно всё-таки одержать победу, задействовав для сей цели науку. С чего начать?

ИНТЕЛЛЕКТ — К ВЛАСТИ

Считаю, что для начала необходимо рядом с государственной бюрократией создать ВСНТР — Высший совет научно-технического развития. Не надеясь только на склеротическую бюрократию, сформировать его из представителей фундаментальной и прикладной науки, из делегатов от ассоциаций высокотехнологической промышленности. Причём глава государства отбирает в него лишь первоначальный состав. Дальше сами члены ВСНТР, как академики в прежней АН СССР, сами выбирают членов Совета. (Или как это делали члены Артиллерийского комитета при русском Военном

министерстве, который создал граф Аракчеев.) ВСНТР подчиняется главе государства и работает постоянно, предлагая власти нужные меры. И проводя экспертизу того, что намеревается делать государство.

В рамках ВСНТР возможно создать и временную группу для создания проекта будущей России (аналога плана ГОЭЛРО в Советской России 1920 года). Тот же Совет сыграет и роль бдительного стража. Например, забьет тревогу в том случае, если Минобороны, скажем, попробует так же игнорировать оружие будущих войн, как оно сделало это в отношении ударных беспилотников в 2006–2022 годах. Впрочем, так же ВСНТР будет следить и за действиями других ведомств: Минсельхоза или Минэнерго, к примеру.

Второй шаг: возвращение к прежней Академии наук, оздоровление её состава и усиление прикладной функции, Возможно, с созданием конкурирующей Академии-2, более прикладной изначально.

Шаг третий: создание разветвлённого Агентства передовых разработок (АПР), действующего в интересах не только Минобороны, но и ключевых отраслей. С одной стороны, государство сможет через АПР ставить задачи перед наукой («Решите мне такую-то проблему, объявляю конкурс»). С другой — найти и поддержать возникающие в среде науки и промышленности перспективные разработки.

При этом калёным железом выжигается порок нынешних структур поддержки научно-технического прогресса. В силу расцвета коррупции они зачастую отбирают не самые перспективные направления

Сегодня КНР, пользуясь своим монопольным положением во внешней торговле РФ (возникшей из-за западных санкций против нас), буквально выметает с рынка русского производителя. В силу огромного масштаба своей промышленности, более выгодных условий кредитования и налогообложения её, он может предложить продукцию на десятки процентов дешевле, чем индустрия РФ. Следовательно, итогом затяжной войны может стать дальнейшая деиндустриализация страны и попадание её в полную зависимость от Китая. Стало быть, необходимо превзойти китайские изделия по части наукоёмкости и прорывных решений. И тут без учёных — никак.

и разработки, а «своих», которые могут «поделиться» с чиновниками. Кстати, отринутые таким образом исследователи и научно-технические предприниматели могут обращаться за разбирательством в ВСНТР.

Четвёртое: всячески поощряется инноваторство и научно-техническое предпринимательство. Для сего используются налоговые льготы для такой деятельности (с использованием всего мирового опыта), создание центров трансфера — передачи технологий из военно-промышленной и государственно-программной сферы. А также (на принципах сталинских машинно-тракторных станций) производственных парков с передовым оборудованием — общего пользования. Деловой мир поощряется государством (налоговые льготы и субсидии) при создании совместных (этаких кооперативов) центров передовых разработок. Так же, как это делали немецкие компании, входившие в ИГ «Фарбениндустри».

Пятое. Государство создаёт систему державных мегапроектов развития, не только сильных «тягачей» для экономики, но и источников массы «побочных» технологий для создания коммерческих производств и как мощное орудие формирования будущего. И это — совсем не проведение очередной олимпиады, а мегапроекты в области аэрокосмоса, атомной и термоядерной энергии, новой усадебной урбанизации, пионерных видов транспорта, усовершенствования человека и т. д. В свою очередь, такие мегапроекты сами остро нуждаются в закрывающих инновациях.

Для их осуществления применяется сталинская оргнаходка: создание параллельно с обычным правительством, занятым рутинной «текучкой», — опричного «правительства развития». Аналога Спецкомитета Лаврентия Берии.

Шестое. Наряду с привычной армией создаются параллельные Военно-научно-добровольческие силы. Огромный и ненасытный потребитель различных прорывных и закрывающих технологий. Ведя войну, государство обязательно вводит военное положение и формирует полноценный ГОКО — Госкомитет обороны. С его системой мобилизации экономики, отменной скоростью реагирования на вызовы и способностью использовать силу науки.

Седьмое. В стране должна быть создана совершенно иная (наэлектризованная) атмосфера. Устремлённость не в «вечное прошлое» (празднование в тысячный раз полёта Гагарина 1961 года), а в победное грядущее. Здесь — и философия динамического консерватизма, Русского мировоззрения, где верность традициям скрещена с дерзкой футуристической. Должна развернуться огромная культурная сфера Прорыва: музыка, поп-культура, фильмы художественные и научно-популярные, живопись и скульптура, архитектура, соответствующие книги и журналы, электронные игры. Даже школьные учебники (по той же математике) наполняются задачами из Будущего. При этом госу-

дарство поощряет научно-технические гражданские сообщества, секции и кружки творчества, социальное экспериментаторство.

Новации и наука берегут национальные силы, обеспечивая наибольший результат на единицу прилагаемых усилий. Интеллект и научно-технические прорывы берегут и русскую кровь на полях сражений.

В рамках статьи невозможно выписать наше желательное Будущее во всех деталях. Да это и не нужно. Гораздо важнее выстроить гибкую и умную систему управления, способную предвидеть грядущие события и быстро выстраивать схемы действия из разных элементов государства, экономики и общества. При этом уметь и формировать грядущее, а не плыть по течению или раболепно копировать Запад или Китай. Наука просто обязана выступить важнейшей частью такой незакоственной, умной, стремительной системы.

Завтра мы столкнёмся с качественно новым врагом. С тем, кто разовьёт такие виды оружия (искусственный интеллект, космическое оружие, киборги, рои микродронов), на фоне коего ядерно-ракетное оружие отступит на второй план. И поблекнет так же, как в своё время старые системы оказались в тени атомных зарядов и баллистических ракет. Да зачем далеко ходить? Уже в ходе кампании на Украине западники снабдят бандеровский режим дронами-камикадзе дальнего действия, способными лететь на 2 тысячи километров. (БПЛА «Лорд», разрабатываемые швейцарской компанией «Дестинатор».) Тогда враг сможет доставать цели и на Урале, грозя ударами и по нефтеперерабатывающим заводам, и опасным химическим производствам. То будет огромным вызовом для нашей противоздушной обороны.

«Я считаю, что в настоящее время никак нельзя предотвратить сбрасывание на цели бомбового груза, зажигательных или бактериологических бомб; мне представляется крайне маловероятным обнаружение некоего способа, который мог бы предотвратить такое нападение на крупные населённые пункты. Однако занимать пораженческую позицию было бы непозволительно, пока со всей несомненностью не будет продемонстрировано, что для обороны исчерпаны все научные и технические возможности. Проблема слишком важна и неотложна, чтобы её можно было отдавать на откуп отдельным лицам или департаментам». Так писал в статье «Наука и воздушные бомбардировки» (вышедшей в британской «Таймс» 8 августа 1934 года) профессор Ф. Лидеманн.

В своё время Черчилль, предвидя угрозу с неба от Германии, сделал министром — главным распорядителем научных работ в интересах обороны именно своего друга, физика-профессора Фредерика Линдемманна. Лорда Черуэлла. Для решения задач ПВО развернулись научные комитеты. И это помогло Британии отразить воздушный натиск Гитлера в 1940-м. Чем не пример для подражания?

О чём говорит «КОЛЬЦОВСКОЕ ЧУДО»?

Как мэр небольшого наукограда создал модель будущей России

НАПЕРЕКОР ЗЛОМУ РОКУ

Сегодняшний (с 2003 г.) наукоград и рабочий посёлок Кольцово (спутник Новосибирска) — удивительно благоустроенный и развивающийся муниципалитет. Он — детище команды мэра Николая Красникова, избираемого кольцовцами с 1991 года. Давайте разберёмся, как удалось совершить такое чудо.

Кольцово сейчас по населению — одна семьдесят пятая от соседнего Новосибирска. Годовой бюджет наукограда — 1,7 млрд рублей. У полуторамиллионного мегаполиса — 83 млрд. Но если умножить казну Кольцова на 75, то выйдет 127 млрд на душу населения — в полтора раза больше. Да, наукоград живёт гораздо богаче, чем Новосибирск. И строится

в нём по 4 кв. м жилья на одного жителя ежегодно, тогда как в РФ в целом сей показатель не дотягивает и до одного метра...

Попробуем проследить историю, механику и органику того, что произошло в Кольцове. Это крайне важно для понимания того, как мы должны поднимать страну в будущем, борясь с послевоенной депрессией, санкциями и последствиями более чем тридцатилетней деиндустриализации.

Итак, выборному мэру Кольцова удаётся неимоверными усилиями провести свой рабочий посёлок вокруг исследовательского биологического центра «Вектор» сквозь лихие 90-е. Он заботливо взращивает то созвездие частных фирм, иной раз — вчерашних научно-производственных кооперативов, что возни-

кают в пору гибели СССР вокруг «Вектора». Помогает им всем, чем может. Это сторицей вернётся потом, когда времена изменятся, а Кольцово станет наукоградом. Николай Григорьевич не воровал и не набивал личный карман. Всё шло в дело. В развитие Кольцово. Его команда не сносила предприятий, чтобы нажиться на продаже земельных участков. Не выводила деньги в офшоры.

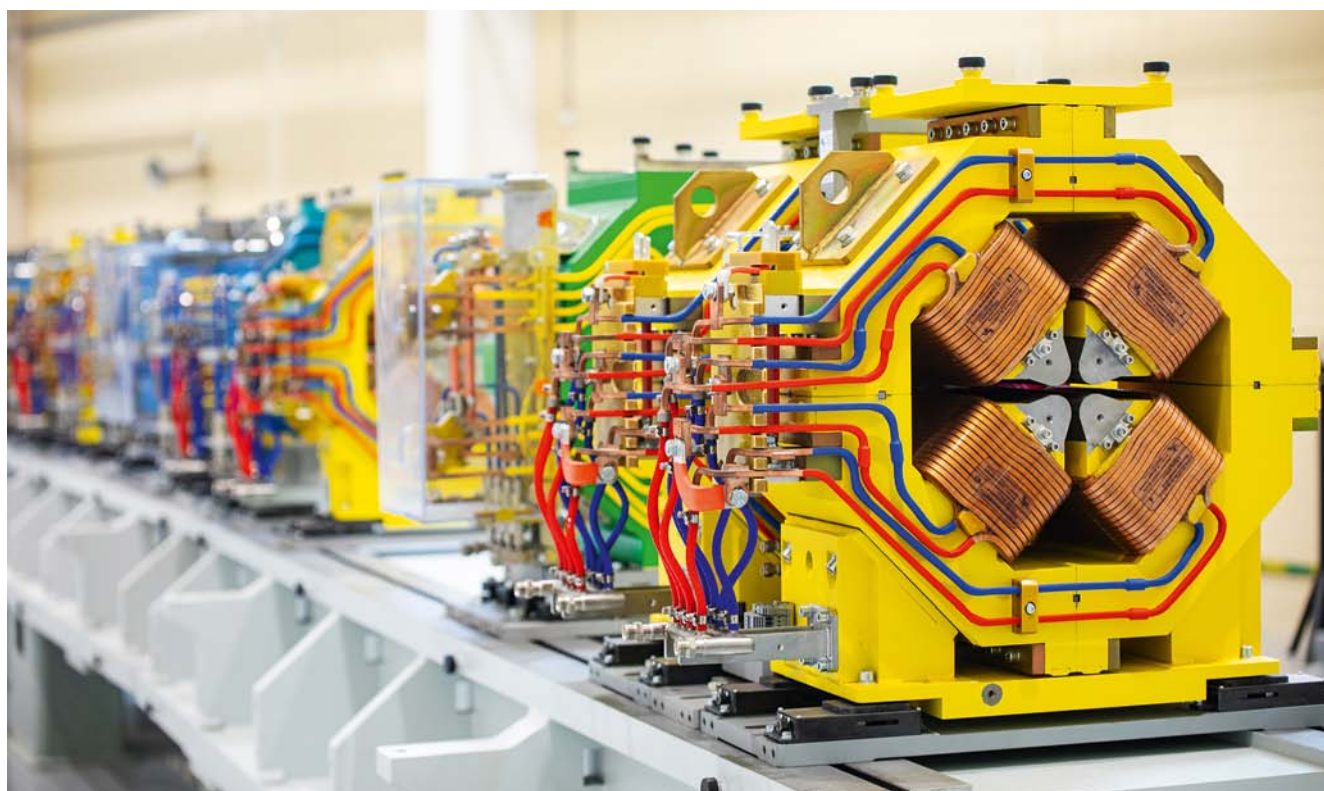
И вот в 2003 году Кольцово обретает статус наукограда. В тот момент население Кольцова — 12 тысяч душ. А бюджет составляет ничтожные 12 миллионов рублей при долгах за оплату ЖКХ в 20 с гаком миллионов. Но команда Николая Красникова не плачет, исповедуя принцип: «Дайте нам статус наукограда и всего один рубль из бюджета, а остальное мы зарабатываем сами».

За минувшие двадцать лет замысел удался. Каким же образом? На большие налоговые поступления город рассчитывать не мог. По закону местное самоуправление в РФ имеет право лишь на часть подоходного налога и на подати на имущество и земельные участки. Первоначально мэр предполагал, что Кольцово как наукоград сможет рассчитывать на возврат до половины тех податей, что собираются на его территории. И первоначально такой механизм действовал: до 2006-го Новосибирская область действительно отдавала Кольцову 5–7% от того, что фискальные органы собирали в его границах. Но когда налоговые поступления стали расти, регион отобрал у наукограда это право.

Потому у команды Красникова оставался один путь. Прежде всего, всячески развивать частное предпринимательство и производство в городе. Как можно больше привлекать сюда энергичных, дельных людей, способных развивать предприятия и платить тот самый подходящий налог. Так и поступили. И здесь мэр напоминает первых курфюрстов Пруссии, которые, не имея в активе ничего, кроме песчанистых почв, поощряли переселение к себе промышленников, негоциантов, искусных мастеров со всей Европы. В Пруссию конца XVII столетия ехали не только немцы, но и чехи, французы-гугеноты, иудеи.

В Кольцове стало развиваться «созвездие» биотехнологических компаний. Всех и не перечислить. В 2011-м начинается строительство Биотехнопарка, решение о создании коего годом ранее принимает губернатор Новосибирской области Виктор Толоконский. Возводятся и промышленные корпуса компании «СФМ-фарм». Это — Сибирский центр электронно-лучевой обработки. Первый за Уралом специализированный центр стерилизации всего, что только можно, по модификации материалов и обработке растительного сырья.

Сегодня в Кольцове приводят в пример и компанию «Вектор-Бест». Она — одна из мировых величин по части разработки, производства и внедрения технологических решений лабораторной диагностики заболеваний человека и животных. Это — генетический ПЦР-анализ, например, обширная линия клинической биохимии. Компания сильно поднимается

на производстве систем быстрой диагностики в пору охватившей мир «короны».

А вот компания «Ангиолайн». Она придумывает и производит полимерные трубки для хирургии. Например, стенты для операций на сердце и сосудах. Отличную замену дорогом импорту.

Сегодня Биотехнополис вовсю развивается. Рядом с ним возникла кузница юных кадров — лицей «Технополис», где дети совмещают школьные занятия с работой в школьном технопарке. А тут вам — и биотех, и роботика, и беспилотные летательные аппараты, и модели «умных домов», и «интернет вещей». Примечательная деталь: нынче город за свой счёт платит стипендии аспирантам в государственном центре «Вектор». Считаю, что чем больше талантливых и мозговитых людей останется здесь трудиться — тем Кольцово лучше. Тем больше возможностей для того, чтобы молодые затем становились основателями новых научно-производственных фирм. А они — умножат силу и процветание наукограда.

Тут работает классическая схема, известная по истории Кремниевой долины в США. Вокруг крупного государственного научно-исследовательско-производственного центра (здесь — вирусологического «Вектора») растёт целый мир амбициозных высокотехнологичных компаний. Биофармацевтический кластер. Потому что, как свидетельствует опыт и Америки, и Советского Союза, в больших государственных структурах создают потенциально прорывные разработки, однако доводить их до состояния коммерчески выгодной «конфетки» не умеют. Для сего требуются не скованные бюрократией частные научно-технические компании. Основанные чаще всего самими разработчиками, ведущими исследования на государственные ассигнования. Умная власть это разрешает: ибо никто не сможет развить ту или иную технологию лучше, чем тот, кто её и создал. (Слишком часто в СССР бюрократы просто складывали потенциальные прорывы в пыльные ящики, а технологии на их основе развивались на Западе, а не у нас.)

Николай Красников терпеливо сеет семена грядущего. В планах — создать и промышленный парк совместно с Академгородком. По образу и подобию того, что развивается в Дубне. Дать жизнь наукоёмкой индустрии. Впрочем, только ли ей? Еще в 2010-м начинается модернизация вошедшего в состав наукограда птицеплемзавода холдинга «Октябрьский». Уж не знаю, каким чутьем команда мэра ощутила, что в 2022-м задуют студёные ветры санкций — и стране придётся столкнуться с тем, что иностранцы откажутся поставлять в РФ племенных кур. Что надо своих разводить.

В такой дальновидности тоже нет секрета. Кольцово — город под властью не пустоголовых чиновников, не вчерашних «авторитетов» 90-х (золотые цепи на бычьих шеях), а русско-советских интеллигентов.

Они смогли пронести сквозь смуту и деградацию лучшие достижения Советского Союза. И думают они о промышленности Будущего, а не о том, как бы своровать на перекладке асфальта или уличной плитки. Опять команда Красникова напоминает Академию из романа Азимова. Она обрела силу среди обломков прежней империи, развивая прорывные технологии. Более эффективные и компактные, нежели старые.

Сам-то Николай Красников — математик, питомец мехмата Новосибирского университета, многолетний инженер и сотрудник «Вектора», автор научных работ в сфере математического моделирования и теории вероятностей. А глава городского Совета депутатов рабочего посёлка/наукограда — академик РАН Сергей Нетёсов, биолог. И рабочие тут — рабочие именно из грядущего, из шестого технологического уклада. Они-то и смогли пронести сквозь смуту и деградацию лучшие достижения Советского Союза. И думают они о промышленности Будущего, а не о том, как бы своровать на перекладке асфальта или уличной плитки. Опять команда Красникова напоминает Академию из романа Азимова. Она обрела силу среди обломков прежней империи, развивая прорывные технологии. Более эффективные и компактные, нежели старые.

Примечательная деталь: поскольку мэр Кольцова в отличных отношениях с компаниями, работающими в его городе, он привлекает их к благоустройству. Или к социальным программам. Они охотно на это идут: ведь самим же приятно жить в удобной городской среде. То тут городу помогут, то здесь. И, как рассказал нам сам Николай Григорьевич, иной раз взамен просят установить памятную табличку. Скажем, подъёмник в парке установлен на средства таких-то фирм. Шутки шутками, а за счёт таких источников в год удаётся привлечь примерно десятую часть от бюджета наукограда.

И ЛИКЕРОВОДОЧНЫЙ, И ФОТОННЫЙ УСКОРИТЕЛЬ...

Однако в условиях РФ и этого маловато. У нас самоуправление сидит на голодном налоговом пайке. Приходится ходить с просьбами к областным, а то и федеральным властям. Дайте денег, включите нас в те или иные программы развития. Что ж, Кольцову тоже приходится это делать. И тут мы видим новые грани характера Красникова. Есть в нём что-то не толь-

ко от жюль-верновского увлечённого профессора, но и от хваткого сельского хозяина. И от хитроумного князя, выстраивающего сложные отношения с Золотой Ордой.

Как получить желанное финансирование от вышестоящих властей, встроиться в те же региональные программы? Надо стать той самой курочкой, что несёт золотые яйца. Что пополняет бюджет области. И вот в 2008-м в Кольцове открывается завод группы компаний «Сибирский алкоголь» — «Сибирский ликёроводочный...». Ну смог Красников договориться с водочным королём, в прошлом — тоже советским учёным. И вот теперь в Кольцове производится высококачественная водка. Завод в один лишь только день уплачивает в федеральную и областную казну по 45–46 миллионов рублей налогов.

Ох как ругали за это тогда мэра! Дескать, сопьётся Кольцово. И к чему наукограду водочное заведение? Один чёрт, практически все налоги от него уходят в вышестоящие бюджеты, а наукограду остаётся от силы одна стопятидесятая часть от них. Но мэр рассудил иначе: если на моей территории появится обильный источник пополнения казны для области и Москвы, то и мне будет легче договариваться о включении Кольцова во всевозможные программы развития страны и области. Ведь так, в сущности, поступал и легендарный губернатор Белогорья Е. Савченко, завлекая в свою бурно развивающуюся область то сред-

ства федеральных целевых программ, то программ «Газпрома».

У Красникова сработало. Вот всего лишь один пример: в январе 2024 года соседний Новосибирск потрясли две волны тяжёлых аварий теплоснабжения. Рвались изношенные сети, не знавшие ремонта по тридцать–сорок лет. А в Кольцове такого не было. Потому как удалось мэру построить наукоград в региональную программу повышения энергоэффективности. На полученные 95 миллионов рублей летом 2023-го, отключив горячее водоснабжение на полтора месяца (и горожане отнеслись к сему с пониманием), кольцовские власти привели систему отопления в порядок, обновили трубы и котельные.

Но, пожалуй, история о том, как в Кольцове стал сооружаться СКИФ (сибирский кольцевой источник фотонов), — ещё красноречивее. Что такое СКИФ? Огромный рентгеновский микроскоп, нужный для развития многих наук и технологий. Идея скрещивания физики и биологии. СКИФ позволяет на молекулярном и даже атомном уровне наблюдать процессы, происходящие в веществе. Это — колоссальный прорыв для биологии, медицины, тонкой химии, фармацевтики, для нанотехнологий и создателей электроники. Даже моторостроители, например, тут найдут занятие: СКИФ даст им возможность наблюдать процессы в металлических частях в мельчайших деталях. По своему значению ускоритель фотонов — это как появление телескопа у астрономов XVII века. Резкое расширение возможностей учёных добывать новые знания — основу для передовых технологий. Тут происходит привлечение возможностей ещё одного новосибирского центра науки мирового значения: Института ядерной физики (ИЯФ) СО РАН, делающего начинку для СКИФа. Идея старая: ИЯФ, как мастер по созданию ускорителей, ещё в 1970-е начинал программу общих с Институтом биофизики исследований: с помощью тогдашних фотонных микроскопов исследовать загадки сокращения мышц подопытных лягушек. (Теперьшний СКИФ сильнее тех установок примерно на столько же, на сколько современные орбитальные телескопы превосходят по возможностям зрительную трубу Галилея.) В семидесятые мы грезил о том, что сможем делать машины нового типа: с искусственными мышцами, как у треножников уэллсовских марсиан...

Николай Красников изначально понимал, что даёт строительство СКИФа в его городе. Это же не стадион к футбольному мундиалу 2018-го, который затем превратится в головную боль: ищи деньги на его содержание, придумай, как заполнить. Нет, СКИФ, как установка меганауки, привлечёт в город тысячи исследователей со всего мира. Весьма качественный человеческий капитал, культурный и образованный. Никак не «ценных специалистов» из кишлаков и аулов. Эти люди принесут в Кольцово свои деньги, а кто-то тут

Что такое СКИФ? Огромный рентгеновский микроскоп, нужный для развития многих наук и технологий. Идея скрещивания физики и биологии. СКИФ позволяет на молекулярном и даже атомном уровне наблюдать процессы, происходящие в веществе. Это — колоссальный прорыв для биологии, медицины, тонкой химии, фармацевтики, для нанотехнологий и создателей электроники. Даже моторостроители, например, тут найдут занятие: СКИФ даст им возможность наблюдать процессы в металлических частях в мельчайших деталях. По своему значению ускоритель фотонов — это как появление телескопа у астрономов XVII века. Резкое расширение возможностей учёных добывать новые знания — основу для передовых технологий.

и оседет, основав новые научно-промышленные компании, обретшие возможности благодаря исследованиям на огромном микроскопе.

В Москве принимали решение вообще отпустить на строительство СКИФа сорок миллиардов и поставить его близ Новосибирска. А вот то, что именно Кольцово смогло отвести землю под стройку и подготовило нужные документы, — заслуга именно команды мэра. И маленький оплот грядущего Русского чуда получил новое дыхание...

ОЖИВШИЙ РОМАН АЗИМОВА

Кольцово под 33-летним водительством Николая Красникова — удивительный пример. Маленькая, но живая альтернатива сырьевому, деиндустриализаторскому застою. Яркое доказательство того, что русские способны на передовое научно-технологическое и социальное развитие. Вспомним стойкую тенденцию, сформировавшуюся в РФ с момента гибели Советского Союза в 1991-м. Итак, если у тебя на территории нет месторождений нефти и газа (и вообще валютоносного сырья), то ты — неудачник, депрессивная территория. А остатки развитой промышленности и науки, даже если они есть, — всего лишь гири, тянущие тебя вниз. Ибо они, мол, неконкурентоспособны. Н. Красников в Кольцове доказал обратное: можно жить и успешно

развиваться, опираясь как раз на отечественный научно-промышленный потенциал, а не на сырьевую «трубу». Можно **творчески развивать унаследованный от Советского Союза потенциал, а не сносить его ради строительства «элитного жилья» и торгово-развлекательных центров. Можно делать ставки на отличные кадры (альфа-мозги и золотые руки), а не на тонны добытой нефти.**

Николай Красников, выбираемый всенародно семь сроков подряд, напоминает одновременно и премьера Сингапура Ли Кван Ю, превратившего криминально-коррупционный мегаполис в одну из самых развитых (в том числе и промышленно-технологически) и богатых стран планеты, совершившую бросок из третьего в первый мир. А чем-то — и Александра Лукашенко, сумевшего спасти научный, индустриальный и аграрный потенциал Белой Руси. Хотя мэр Кольцова и не авторитарен, как Ли Кван Ю и Лукашенко. А в чём-то Николай Красников походит на легендарного губернатора Белогорья (Белгородской области) Евгения Савченко, сумевшего превратить свой регион во флагман развития, в олицетворение Иного для страны (1993–2020). Только у Красникова — всего один небольшой наукоград.

А чем-то Красников и его команда напомнили мне вымышленного Гэри Сэлдона из фантастического романа Айзека Азимова «Академия» («Основание»).

Помните, как Сэлдон, предсказавший распад Империи, обвинён был властями в крамоле и подрывной деятельности — и вместе с учёными подвергся ссылке на планету земного типа, но бедную природными ресурсами? Там возникла его Академия, которая, будучи лишена оружия и военного флота, имея в распоряжении лишь высокий интеллект и волю, сумела начать создание новой Империи. До предела сокращая период хаоса и смуты. Удивительно, но планетой, где расположилась Академия, в книге Азимова правит... мэ́р.

Надеюсь, что Кольцовский плацдарм Пятой империи (Руси-Ковчег) не погибнет. Даже несмотря на то, что прямые выборы в наукограде с сентября 2024-го отменены. Не хочется думать о том, что стрясётся, если заменить нынешнего мэра и ему подобных на банальных чиновников-назначенцев...

А ЕСЛИ — ДА ТАК ПО ВСЕЙ РУСИ?

Пока пример Кольцово — скорее исключение из правил. Хотя он и выступает резкой отповедью тем, кто хаёт всё русское. Мол, под Ордой вы сформировались, собственную жизнь устроить не можете, не то что в Европах. Умеем мы создавать привлекательные модели жизни и развития, черноротые, да ещё как!

Будучи футурологом, не могу не представить себе, как можно достроить «модель Кольцова» и распространить её на всю Русь.

Прежде всего, нужно возродить местное самоуправление в стране, вернувшись к прямым выборам мэров и глав муниципальных общин. Попутно совершив налоговую реформу. Пускай Москва (центр), в силу тяжести стоящих перед нею задач, берёт себе половину собираемых на территориях налогов. Пусть в центральную казну идёт рента от добычи полезных ископаемых: они — достояние всей нации и не чело́век созданы. А вот прочие налоги пусть на треть остаются в распоряжении местного самоуправления. Тогда оно будет всеми силами развивать у себя промышленность, энергетику, торговлю, транспорт и услуги, тянуть к себе инвесторов и производителей. Потому как возникнет прямая зависимость благосостояния города или района от того, сколько у него работает предприятий.

Параллельно нужно твёрдо проводить курс на новую индустриализацию и умный протекционизм. Чтобы благодаря системе таможенно-тарифных и прочих мер (как во времена «толкового тарифа» Витте–Менделеева при Александре III) было выгоднее не готовые товары в Россию завозить, а производить их на месте. И если возможностей своих деловых кругов не хватает, пусть иностранные фирмы ставят здесь свои заводы (а не сборочные ангары), под своими марками — но по-максимуму делают всё здесь. Давая работу русским и другим коренным народам страны.

Тогда новые заводы и фабрики станут подниматься не только в Кольцове, но и по всей стране. Производство выгодно? В РФ начнётся прилив убежавших из неё прежде денег. А вокруг новой промышленности, уже чистой и роботизированной, начнут возникать подопытия Кольцова. Самоуправляемые. Благоустроенные.

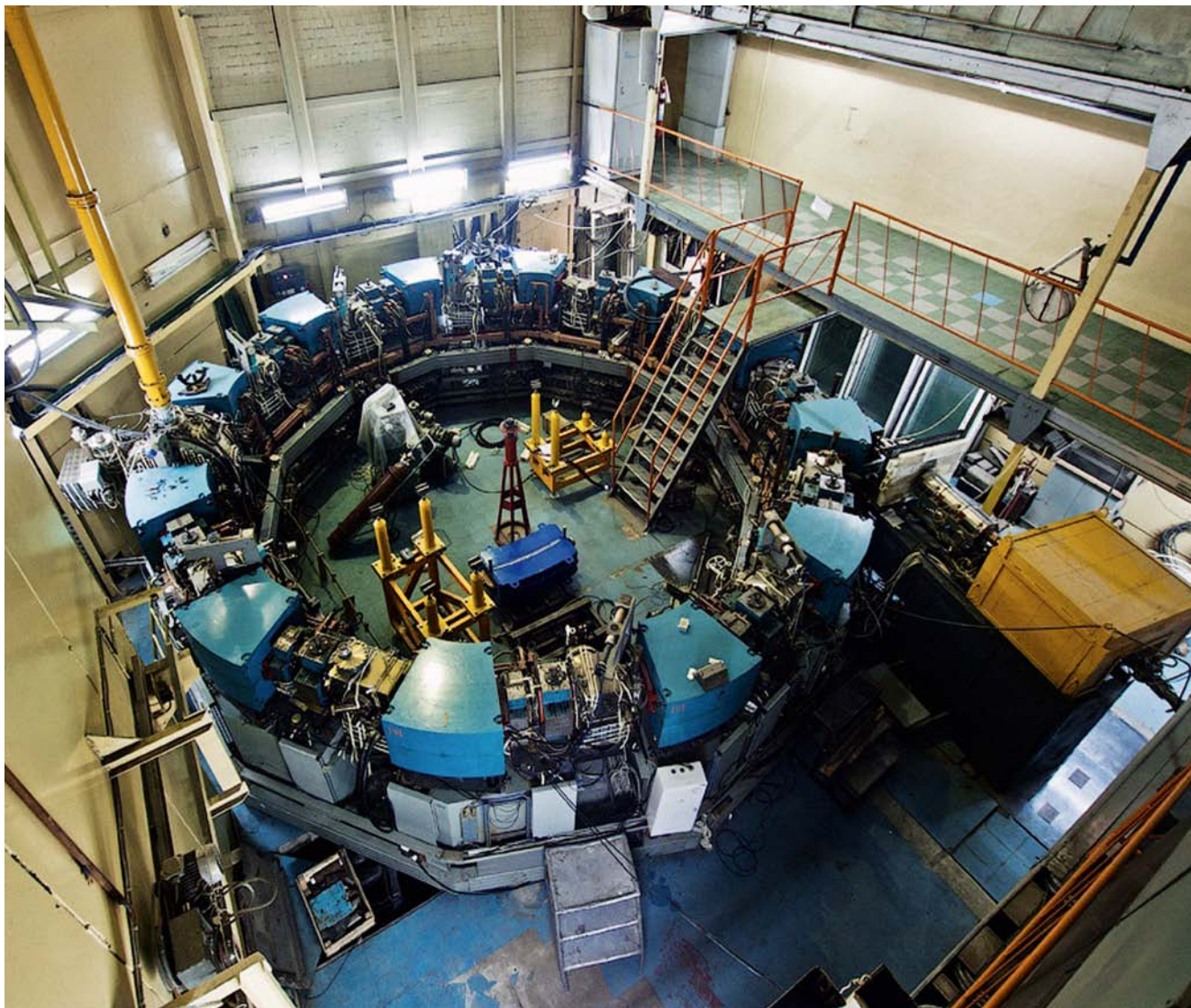
Жители таких полисов должны сами выбирать себе не только мэров, но и начальников местной полиции, и судей. Ибо они в силах их держать в тонусе. При этом должны сохраниться сильные централизованные органы внутренних дел — для борьбы с трансрегиональной и даже международной преступностью. Как и суды более высоких инстанций.

В Кольцове вижу прообраз чаемых мною городов-садов, усадебных будущеградов-футурополисов. С домами на одну семью. Просторными, удобными для трёхдетных семей. Удивительно, но нынешняя численность Кольцова (20 тысяч) точно соответствует оптимальному населению городов-садов по Готфриду Федеру. Государство при этом направляет огромные деньги на преодоление демографического кризиса. Вместо замены русских на среднеазиатов власть наша за свой счёт строит молодым семьям индивидуальные дома и отдаёт их в виде натурального беспроцентного кредита. Рождение каждого ребенка в семье — списание трети ссуды. Завела семья троих чад — дом переходит в её собственность. А модели таких домов, недорогих и быстровозводимых, давно созданы. Например, архитектором Виталием Гребневым в «Сфере грифона». Полная переработка бытового мусора на межобщинных заводах. Технологии таких заводов (где отходы сортируются на самом предприятии) есть у новосибирцев. (Но это — отдельная история.)

Тогда футурополисы вокруг центров новой индустрии, научных центров и умных агробизнесов начнут бурно расти. Дело государства — протянуть между ними автострасы и трассы скоростного наземного транспорта (например, эстакадные экранопланы Бартини–Серьёзна), развить личную малую авиацию, как на Аляске (идеи «воздушных фордов» СССР 1930-х гг.). Старые города останутся как важные культурные, научно-образовательные и научно-промышленные «ядра» в новой системе расселения.

Энергетика футурополисов? Максимальное развитие переработки органических отходов, биогаз. Где есть выходы природного водорода на поверхность (открытие уже покойного геолога Владимира Ларина) — бурить скважины и ставить газопоршневые электростанции. А где-то — и мини-атомные станции, дающие тепло и электричество одновременно. Что дополняется энергией ветра и Солнца, запасаемой впрок.

Так мы одним махом превращаем новую индустриализацию в инструмент национального возрождения и народосбережения. И хоть режьте меня — стою на этой позиции. Как показывает пример Кольцова, кадры для такого Нового курса у нас имеются...

Воспоминание о будущем: Институт ядерной физики

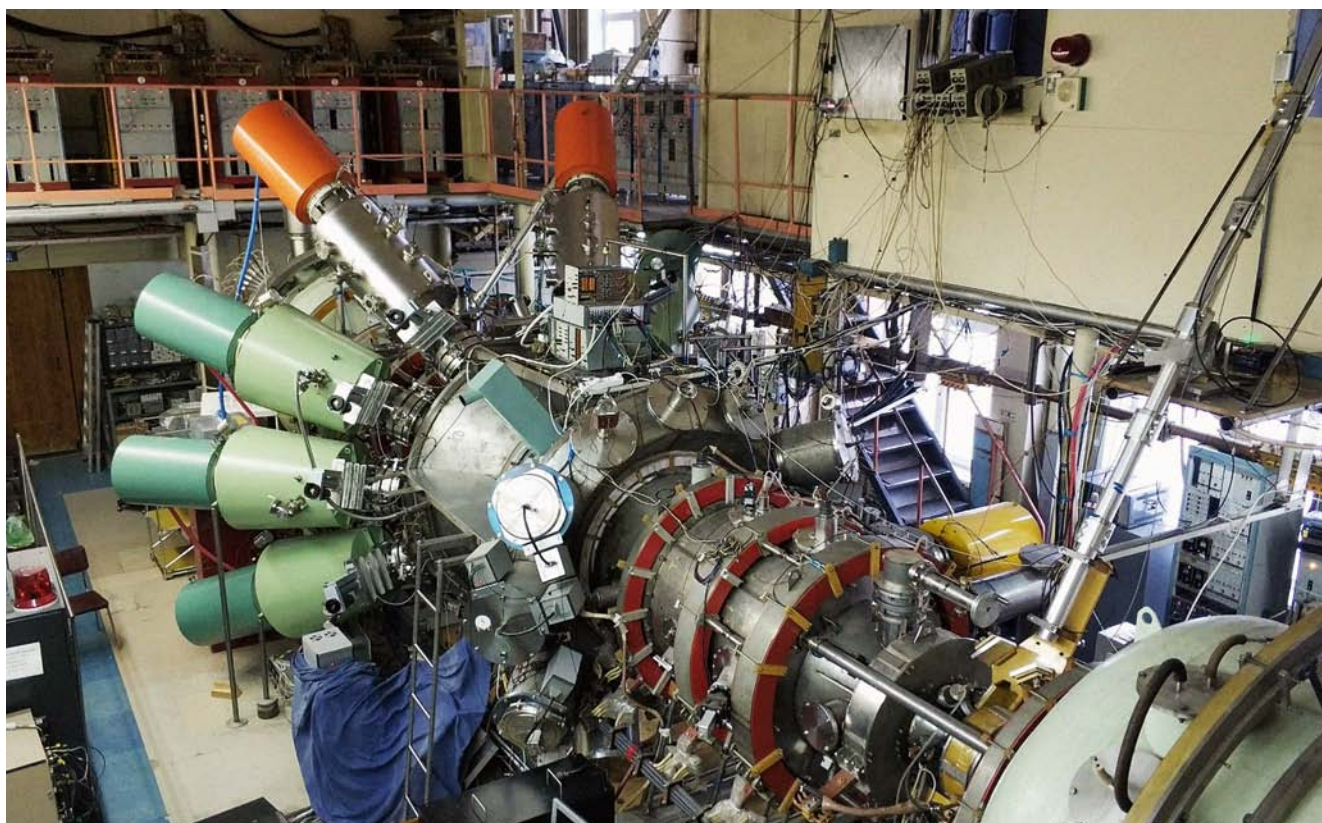
*Детище академика Будкера, ИЯФ, –
тоже модель грядущей победоносной России!*

НЕ ПЛЕСТИСЬ ЗА ЗАПАДОМ! ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНОГО РИСКА

Когда-то мы все услышали призыв Александра Проханова: отыскать и свести воедино скрижали Русского чуда, чертежи потрясающих цивилизационных успехов и Российской империи, и Советского Союза. Что ж, история наукограда Кольцова — пример живой, раз-

вивающийся и после гибели СССР. Но рядом с ним есть пускai сильно пригашенный ветрами развала и вы-рождения, однако живой пример русско-советского прорыва: Институт ядерной физики (ИЯФ) Сибирского отделения РАН.

«Андрей Михайлович неоднократно утверждал, что соревноваться с лучшими зарубежными лабора-ториями по физике высоких энергий на стандартном

пути мы не можем. Зарубежным лабораториям доступно самое различное оборудование, выпускаемое заводами, в том числе мощные высокочастотные и импульсные источники питания, сложное высоковакуумное и электронное оборудование и многое другое. Десятки специализированных фирм с высокоразвитой технологией с удовольствием возьмутся за любую предложенную им задачу и выполнят её в короткий срок и с высоким качеством. Были бы деньги у заказчика! Наш институт вынужден делать всё самостоятельно, за исключением ограниченного количества стандартных приборов. И, конечно, в таком соревновании мы проиграем и в сроках, и в надёжности. Следовательно, говорил Андрей Михайлович, для нас единственный способ не отставать, а иногда и обгонять — это искать новые, свои решения, находить подходы, неизвестные сегодня другим лабораториям. Даже если новые решения содержат в себе определённую долю риска, они всё равно предпочтительнее стандартного пути, так как последний заведомо обрекает нас на отставание...»

Так в 1988 году вспоминал основателя ИЯФ, академика Будкера, его сподвижник Алексей Хабахпашаев (1920–2006). Не плестись за Западом, рабски ему подражая, но идти совершенно неизведанными путями, буквально наперерез, а то и перепрыгивая через главного врага и конкурента! Как знакома такая философия по академику Петру Капице-старшему, по авиаконструктору Роберту Бартини, по его коллеге Олегу Антонову...

ИЯФ, основанный в 1958 году, — плод великого ядерного проекта с лицами Сталина, Берии и Курчатова. ИЯФ — не просто академический институт, но «живая молекула» великой цивилизации. Его основал выдающийся физик, «релятивистский инженер» Герш Ицкович Будкер (1918–1977). Коего чаще звали Андреем Михайловичем. Уж такова сила Русского мира в его звёздные часы: вовлекать в грандиозное, захватывающее дело представителей всех народов, превращая их в русских. Не стал исключением и уроженец черты оседлости в Подольской губернии. Его, молодого и талантливого, заметил сам Игорь Курчатов — и в 1954-м сделал руководителем лаборатории новых методов ускорения элементарных частиц в Институте ядерных исследований. А до того А. Будкер показал себя в расчётах динамики частиц в циклотроне, в расчётах эффективности уран-графитовых реакторов.

С одной стороны, ИЯФ — мировой центр создания ускорителей элементарных частиц, основы основ для добычи новых знаний о материи, о плазме (а это — путь к овладению термоядерной энергией!). С 1960-х в ИЯФ совершали паломничество светила западной ядерной науки: из Стэнфорда, ЦЕРНа, Национальной лаборатории имени Ферми.

С другой — ИЯФ выступает в роли ещё и завода, который сам себе делает оборудование. Да только ли для себя? С 1970-х Андрей-Герш Будкер превратил храм атомной науки в поставщика прикладных ускорителей для промышленности и медицины СССР.

С третьей, ИЯФ стал примером удивительной социо-инженерной технологии: этакой «республики учёных», где институт избегает закостенения, бюрократизации, постоянно омолаживается.

Теперь я понимаю слова неоднозначного генсека и бывшего шефа КГБ Юрия Андропова, сказанные в июне 1983-го: «Мы не знаем страны, которой управляем». На примере ИЯФ до боли чётко вижу: о том, что имеется в её распоряжении, не знала ни брежневская партхозноменклатура, ни нынешняя «элита».

Андрей Михайлович сгорел рано, не дожив и до шестидесяти, в 1977-м. Но помнят о нём до сих пор. И чтят память основателя. Ибо он фактически спас ИЯФ в лихую годину после развала СССР, добившись ещё в 1976-м права института на международную деятельность.

Здесь хорошо всё ложится в исследование того, как совершала прорывы сталинская модель развития.

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Станцию от печальной истории наших дней, от времени после катастрофы 1991 года. Знаете ли вы, что с момента гибели СССР и до самого 2020-го, когда институт посетил премьер Михаил Мишустин, ИЯФ не видел серьёзного финансирования из государственной казны? То есть ему пришлось продержаться долгие 29 лет за счёт собственных усилий. Несмотря на то что бюджет РФ с 1999 года буквально заливали сверхплановые нефтяные доходы, а глава государства произнёс в 2007-м знаменитую речь в Мюнхене, открывшую эру борьбы с однополярным миром, за наши национальные интересы. При этом ИЯФ не разрушился, не пошёл под застройку «элитным жильём», как это стряслось в Москве с КБ имени Туполева и Яковлева, с Институтом дальней радиосвязи. И поныне в составе этой жемчужины русской атомной науки трудятся четыре сотни научных сотрудников, семьсот инженеров и техников, почти тысяча квалифицированных рабочих при пятистах станках. Как так? А вот не смогли тут захватить власть мародёры и разрушители, спасибо той «республике Круглого стола», что выпестовал Андрей Будкер.

В лихие и застойные годы ИЯФ выжил благодаря сотрудничеству с крупнейшими научными центрами Запада и Востока: США, ЕС, Японии, Южной Кореи и Китая. Например, спасением стала совместная деятельность с калифорнийской частной компанией «Три Альфа Энерджи», занятой проблемами освоения термоядерной энергии. (Да-да, у тупых пиндосов частные предприниматели не только торговыми центрами и нефтяными вышками занимаются!) Сегодня в ИЯФ вам с гордостью покажут уникальные инъекционные накопители, важную часть термоядерных исследований, построенные на заработки от американских заказов.

Здесь вы увидите уникальную установку нейтронной борзахватной терапии раковых опухолей, созданную лабораторией Сергея Таскаева, автора 14 патентов! Увы, на деньги от сотрудничества с Китаем и Японией, а не с отечественными Минздравом и Минобрнауки. Хотя теперь и они, глядя на иностранцев, прозрели и подтянулись к делу.

А сейчас, когда государство вспомнило про ИЯФ и принялось его финансировать, его коллектив впрягся в решение новых задач. Директор института академик П. Логачёв с гордостью показал нам «начинку» для громадного СКИФа (Сибирского кольцевого источника фотонов), гигантского рентгеновского микроскопа, что сооружается в Кольцово. Рассказал о том, как они закончили работу над мощным рентгеновским микроскопом для имитации испытаний ядерных боезарядов. Подробности раскрывать не станем, заметим лишь, что полноценный взрыв на подземном полигоне на Новой Земле обойдётся в 15–20 миллиардов рублей. Реальная проба даже тактического атомного заряда — миллиарда в два. А с помощью имитатора испытаний затраты падают в сотни раз. Как раз при разработке новейших боеприпасов.

Изумительно! Многие жемчужины советской науки и оборонной промышленности, чудом дожив до времени, когда государство о них вспомнило после развала СССР и стало давать щедрые заказы, не смогли

Знаете ли вы, что с момента гибели СССР и до самого 2020-го, когда институт посетил премьер Михаил Мишустин, ИЯФ не видел серьёзного финансирования из государственной казны? То есть ему пришлось продержаться долгие 29 лет за счёт собственных усилий. Несмотря на то что бюджет РФ с 1999 года буквально заливали сверхплановые нефтяные доходы, а глава государства произнёс в 2007-м знаменитую речь в Мюнхене, открывшую эру борьбы с однополярным миром за наши национальные интересы. При этом ИЯФ не разрушился, не пошёл под застройку «элитным жильём», как это стряслось в Москве с КБ имени Туполева и Яковлева, с Институтом дальней радиосвязи. Не смогли в ИЯФ захватить власть мародёры и разрушители...

вытянуть. Оказалось, что за период сырьевого лихолетья потеряны ценные кадры, ушли или умерли исследователи и конструкторы, погибли оборудование и промышленные площадки. А вот в ИЯФ такого не случилось. И, как с горечью замечает нынешний глава института, и рабочие остались в основном те же, с которыми он трудился после того, как в 1988-м пришёл в ИЯФ после окончания университета. Огромная заслуга в сём — преемника А. Будкера на посту директора ИЯФ (1977–2015) и его ученика, академика Александра Скринского. Низкий поклон!

Вот так академик Будкер, вырвав право своего детища на самостоятельную международную деятельность ещё в эпоху «дорогого Леонида Ильича», в 1976-м, тем самым спас ИЯФ от гибели после 1991 года. Но что будет дальше? Сейчас институт возвращается под государственно-бюрократическую «вертикаль». Почти все прежние партнёры ИЯФ, благодаря сотрудничеству с которыми он выжил (Америка, ЕС, Япония, Южная Корея), нынче — страны недружественные. Контакты с иностранцами теперь рассматриваются ФСБ как государственная измена. Сегодня за решёткой оказался ряд русских гиперзвуковых аэродинамиков, обвинённых в предательстве лишь за то, что когда-то (в пору бюджетной бескормицы) участвовали в совместных с иностранцами проектах по разработке пассажирского самолёта-гиперзвуковика или публиковались в иранском научном журнале. Хотя само государство вчера толкало их: «Не ждите денег из бюджета, идите за границу и сами зарабатывайте!» Хотя и по сию пору государство, распределяя финансирование и гранты, спрашивает: «А сколько статей в иностранных научных журналах вы опубликовали? Не будет их — не будет и средств из казны!» Она история с аэродинамиками и по научному Новосибирску больно ударила.

Сможет ли ИЯФ жить в новой реальности? Сможет ли государство заменить собою заработки института на участии в зарубежных проектах? Хочется надеяться на лучшее...

МЕЧТА — ПЕРВИЧНА!

Но вернёмся к истокам чуда ИЯФ. У его основателя, Андрея Будкера, имелись все составляющие для сотворения чуда.

Прежде всего, он имел чёткую картину Будущего. Он видел Советский Союз как созидателя цивилизации Будущего. Ядерно-космической. Кто зажёт мечтой сердце будущего академика? Книга Антона Вальтера «Атака атомного ядра», изданная в Харькове в 1934-м. Всё это легло на благодатную почву сталинского промышленного рывка.

Листаю интервью А. Будкера 1969-го, 1970-го, 1974 года... Итак, надо обрести источник неисчерпа-

емой чистой энергии: термояда. Дабы не превратить Землю в подобие раскалённой Венеры, не перенасытить нашу атмосферу углекислым газом от сжигания органического топлива, не вызвать «парниковый эффект». А после этого можно вынести производство даже в космос, превратив Землю в цветущий сад, в жилище человечества. *«Вряд ли человек с его физиологией где-нибудь так прекрасно будет чувствовать себя, как на Земле со всеми её штормами, ветрами, но изумительным солнцем, изумительной зеленью. Земля примет первозданный облик: с её поверхности исчезнут поля, фабрики и заводы, она станет местом, где люди будут жить, отдыхать и радоваться, а производства разместятся за её пределами... В этом случае Земля может принять огромное количество людей. В качестве дома для проживания она необъятно велика...»* — говорил академик Будкер в 1974-м. Да, это ведь с Циолковским и русским космизмом в унисон звучит...

В январе 1974-го, разговаривая с журналистом «Недели», академик сказал: *«...Атомная энергия, по-видимому, единственный источник, гарантирующий абсолютные энергетические возможности, а вместе с ними и абсолютные возможности дальнейшего неограниченного роста промышленного прогресса...»*

Термояд, по мнению Будкера, — ключ к великому Грядущему. *«У человечества появится практически неограниченный источник электроэнергии. Люди станут всесильными!»* — восклицал он.

Наш «релятивистский инженер» жил с убеждением, что человечество овладело атомной энергией преждевременно, «не вовремя». Но именно это позволяет надеяться на такой же безумный скачок в развитии в будущем. В том же 1974-м он говорил: даже накануне открытия деления ядер урана в 1941-м признанные авторитеты атомной физики считали, что овладение новой энергией произойдёт лишь через сто лет. Например, такого мнения придерживались и Резерфорд, и Иоффе.

«Общество было совершенно не готово к освоению возможностей атомной энергии. Даже в фантастических романах доатомной эры вы нигде не найдёте намёка на использование ядерной энергии, да и вообще внутренней энергии вещества...»

...Теории атомного ядра не существовало. Теории ядерных сил, кстати, нет до сих пор. Технологически промышленность была совершенно не готова к решению проблемы, всё надо было начинать сначала. Да и потребности в атомной энергии общество ещё не испытывало...» («Академик Г. И. Будкер. Очерки и воспоминания». — Новосибирск, «Наука», 1988. — С. 39)

Именно «преждевременность» овладения ядерной энергией, вызванная Второй мировой, объясняет то, почему на атомные проекты потребовались огромные вложения, сопоставимые с национальным доходом целых стран. Но родившееся до срока дитя не умерло,

выжило — и принялось расти не по дням, а по часам. И атомные исследования себя стократно окупили, поскольку дали мощнейший толчок развитию. Атомная энергия революционизировала многие отрасли науки: и организационно, и психологически, и технически. Она дала жизнь космическим исследованиям, лазерной технике, автоматике-роботике.

Но если такое стало возможным, значит, возможен подобный Большой Толчок и в будущем. Им может стать энергия термоядерных управляемых реакций. Или получение антивещества, ещё одной могучей силы. Дух захватывает от перспектив того, какие изменения последуют дальше.

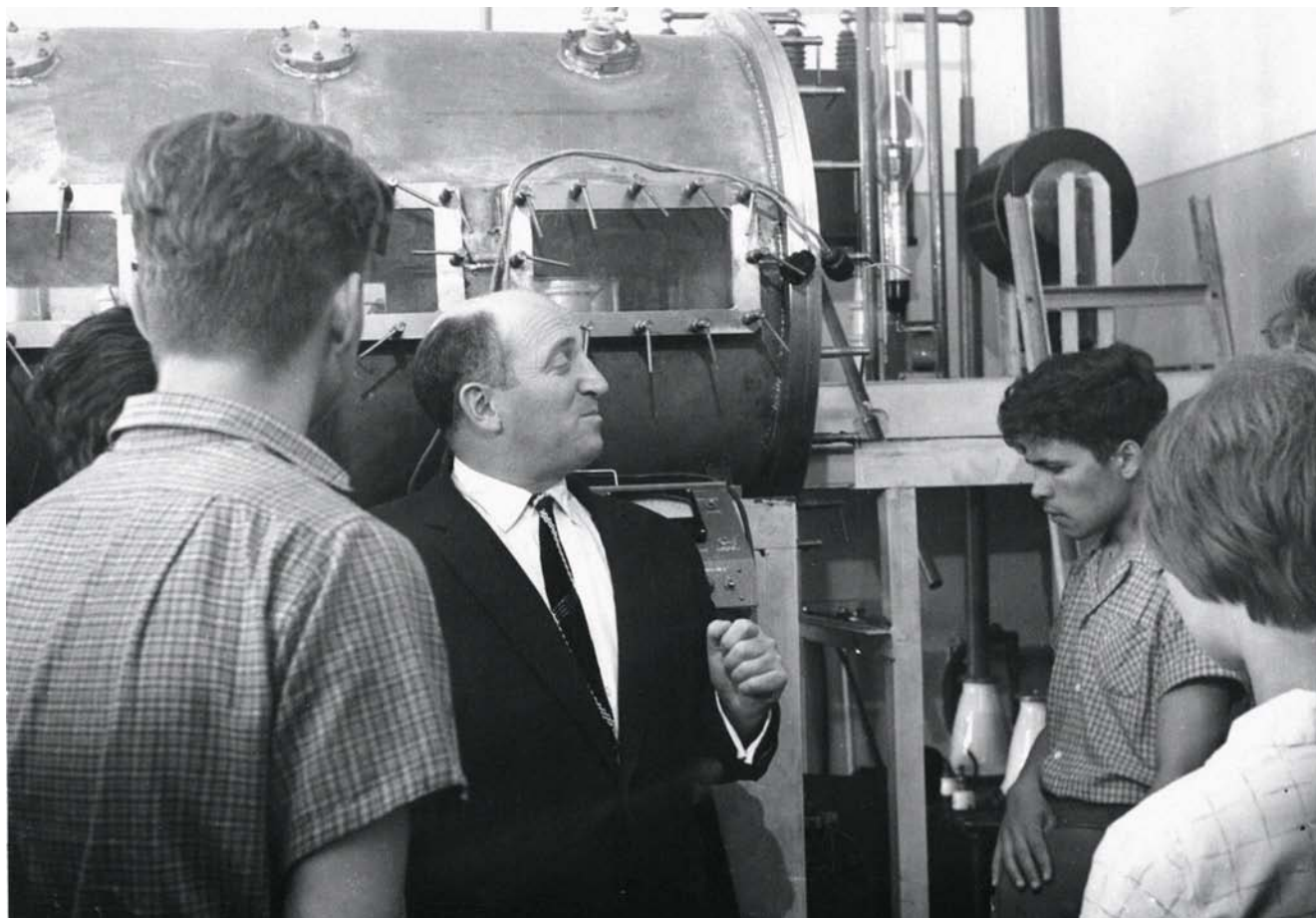
Обладая великой мечтой и живым воображением, Андрей-Герш Будкер чётко выделил главную задачу: для создания новой цивилизации необходимо овладеть термоядерной энергией. А для этого СССР требуются мощные ускорители частиц. Этакие «микроскопы» для получения новых знаний о материи, без коих не создашь прорывных технологий. И он сосредотачивает свою деятельность именно на ускорителях, причём в обществе восьми сотоварищей-одержимых в курчатовском институте. И вот вам — вторая составляющая чуда ИЯФ и Будкера.

Не буду углубляться в сугубо физические подробности. Здесь важно иное. Сперва предложив ускорители

на стабилизированном пучке электронов и убедившись в том, что воплотить идею пока невозможно, Андрей Михайлович предлагает ускоритель на встречных пучках. Так энергия их столкновения намного выше, так больше узнаешь. И с яростной энергией принимается за воплощение идеи. А когда не находит понимания в Москве, в 1958-м уезжает в Сибирь, создавать ИЯФ и обрести возможность творить. Не ради яхт и вилл — ради Великого Дела.

КАК РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

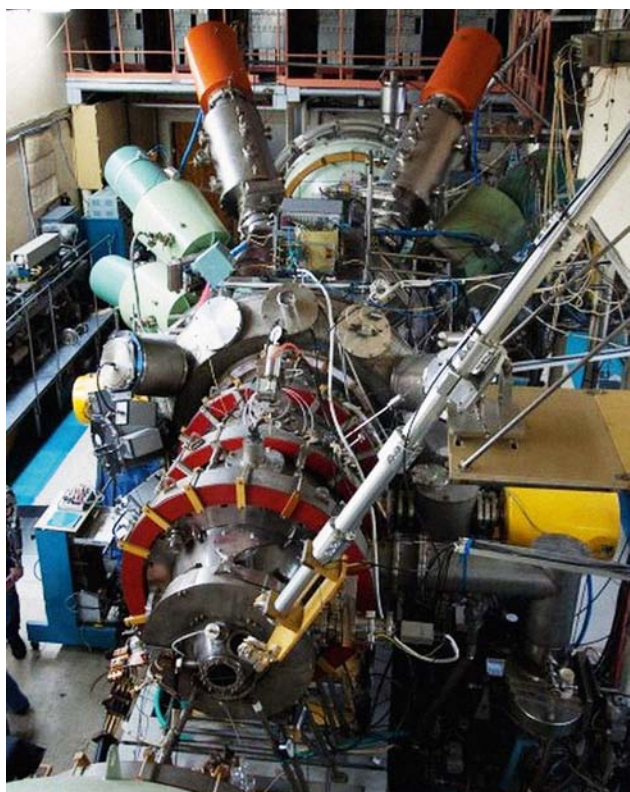
Там Будкер и создаёт свою модель управления. Ещё одну составляющую взлёта и силы института. Все эти администраторы от науки, завхозы и финансисты не должны стеной окружать директора института. Нет, прежде всего он должен общаться с учёными, исследователями, занятыми главным делом. Даже с самыми младшими по рангу. Для сего Будкер вводит ежедневный круглый стол в полдень. (Как развивалась эта антибюрократическая модель управления, годная и для государственной власти, — тема особая.) Принцип Андрея Михайловича: мы в институте не просто точим деталь в цеху или кормим людей в столовой, мы все решаем сверхзадачу — овладеваем термоядерной энергией.

«Если я окружу себя аппаратом, то аппарат, естественно, повернётся ко мне лицом, и кажется, мягко выражаясь, спиной к членам совета. Если я, наоборот, окружу себя членами совета, то аппарат, находясь снаружи первого круга, всё равно повернётся лицом ко мне, но теперь он невольно будет повернут лицом и к членам совета», — любил говаривать основатель института. Как вспоминал Алексей Хабахпашаев (1920–2006), заведующий лабораторией ИЯФ, Будкер всячески боролся со «старением» института. Он даже реорганизовал учёный совет, дабы за круглым столом оказалось больше тех, кто имеет постоянные и прямые контакты с директором, — но при этом оказывает влияние на жизнь ИЯФ. Ради этого учредили три секции учёного совета: по физике элементарных частиц, ускорителям и термоядерному синтезу. В состав «рыцарей круглого стола» ввели ряд молодых, наиболее способных сотрудников. Каждая секция собиралась за одним и тем же столом в полдень один раз в неделю, совет института — дважды в неделю. Так круг научных сотрудников, принимавших участие в заседании совета или его секций, расширился более чем в два раза.

Кадры исследователей Андрей Михайлович отбирал сам, любовно искал выдающиеся таланты. Вчитаемся в воспоминания Игоря Мешкова, членкора РАН, лауреата Государственной премии РФ (2001) за цикл работ

«Метод электронного охлаждения пучков тяжелых заряженных частиц»:

«...Саша (будущий академик Скринский, преемник Будкера. — М. К.) затащил меня на лекцию профессора Будкера, которую старательно афишировали в МГУ...

На той лекции Будкер рассказал нам о релятивистском стабилизированном пучке (если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что я буду работать над этой физической задачей, я бы удивился и не поверил) и немного о том, куда нас зовёт, — о Сибири. И неожиданно провёл письменный экзамен. Заинтересовавшихся Сибирью было больше 150 человек, а на собеседование после письменного экзамена отобрали не больше шести. В конечном счёте в лабораторию Будкера попали всего четверо: я, А. П. Онучин, С. И. Мишнев и покойный С. Г. Попов. Такой жёсткий был отбор кадров в ИЯФ. И это одна из отличительных черт Будкера-руководителя.

После такого испытания я ещё сходил на собеседование в Министерство среднего машиностроения СССР (центральный орган, осуществлявший функции по управлению атомной отраслью промышленности и обеспечивавший разработку и производство ядерных боезарядов. — Ред.). Меня там спрашивали об общественной работе, о туризме и проч., но только не о физике... Сделав выбор было нетрудно.

А. М. Будкер сам распределил нас по направлениям. Я попал на ускорители, а моим главным учителем физики стал Б. В. Чириков. В Москве я проработал до 1961 г., в Новосибирск приехал 13 ноября с чемоданом, рюкзаком и лыжами. Здесь меня уже ждала двухкомнатная квартира: решение жилищного вопроса для своих научных сотрудников — это тоже будкеровский почерк...»¹

ИЯФ стал организатором развития и физфака Новосибирского университета, и физико-математической школы в Академгородке. После третьего курса студенты-физики из ведущих вузов СССР приглашались на работу лаборантами в ИЯФ. Продолжая числиться студентами, они учились профильным предметам у практиков, сотрудников института. А не у оторванных от жизни преподавателей. Так работала кузница кадров для прорыва.

Все лаборатории в ИЯФ были именными, под ярких руководителей проектов. Лично отвечавших за их успех или неудачу. Если глава лаборатории уходил, не оставив смены, — ее расформировывали и передавали ресурсы другим, тоже именным. Поощрялось создание временных творческих коллективов: под решение определённой задачи. Так предотвращалось окостенение науки в институте, велось её постоянное омоложение. Как это контрастирует с нынешней эпохой безликих бюрократических «гос-» и «объединённых корпораций»!

¹ <https://scfh.ru/news/talant-i-absolyutnaya-vera-v-svoyu-schastlivuyu-zvezdu/>

Опираясь на своих «рыцарей» и антибюрократическую систему управления, Будкер применял излюбленный принцип: не плестись за Западом, а искать нетривиальные решения и революционные подходы. Выигрывать за счёт новых идей и виртуозной организации дела. Не подражать кому-то — а быть первопроходцем. Ведь наш академик признавался, что, взявшись за решение той или иной задачи, он никогда предварительно не изучал соответствующую научную литературу. Почему? Чтобы не получить «шоры» на глаза, чтобы не закрепить свой ум, свои творческие способности.

«...Сначала обдумай проблему сам, найди одно или несколько своих решений, взвесь их сильные и слабые стороны. И только потом посмотри литературу по этому вопросу, сравни описанные подходы со своим и затем остановись на лучшем. Если начинать всё с литературы, то принципиально нового ничего не будет. В лучшем случае родится модернизация старого...» — вспоминал стиль основателя ИЯФ Алексей Хабахпашаев.

«Каждой новой разработкой А. М. Будкер увлекался как первой, а на начальном этапе обсуждения шли непрерывно день за днем. Андрей Михайлович привлекал к обсуждению очень широкий круг людей, имеющих отношение к данной проблематике...» — вспоминал в 1988-м инженер ИЯФ Эмиль Трахтенберг. Будкер внушал: нет довлеющих авторитетов, мы можем всё.

Знаете, что мне это напоминает? С одной стороны, создателя современной автопромышленности Генри Форда, не терпевшего слов «Это невозможно». С другой — по организации мозговых штурмов — Иосифа Сталина. Именно так последний организовал антикризисный курс в авиационной индустрии СССР, начав всё с исторического совещания в Овальном зале Кремля в начале 1939-го...

Сегодня эти традиции живы. Отмечая в 2018-м столетие со дня рождения основателя ИЯФ, его нынешний глава, академик РАН Павел Логачев заявил:

«Одно из главных отличий Института ядерной физики СО РАН — способность собирать талантливых и честных людей вокруг большой и новой задачи, ободрённое чувство ответственности, совмещённое с возможностью принятия совершенно новых оригинальных подходов. И наши профессионалы, безусловно, способны передать эти качества новому поколению, но сделать это можно только конкретной работой — создавая и реализуя амбициозные и в чём-то даже фантастические проекты. Такими проектами для ИЯФ СО РАН являются: «Супер С-тау фабрика» и комплекс плазменных установок ГДМЛ...»

Для справки: «Супер С-тау фабрика — ускорительный комплекс, предназначенный для проведения экс-

«Если я окружу себя аппаратом, то аппарат, естественно, повернётся ко мне лицом, и кажется, мягко выражаясь, спиной к членам Совета. Если я, наоборот, окружу себя членами Совета, то аппарат, находясь снаружи первого круга, все равно повернётся лицом ко мне, но теперь он невольно будет повёрнут лицом и к членам Совета», — любил говорить основатель института.

периментов со встречными электрон-позитронными пучками в диапазоне энергии от 2 до 5 ГэВ с беспрецедентной светимостью — $10^{35} \text{ см}^{-2} \text{ с}^{-1}$, на два порядка превышающей достигнутую сегодня в мире в этом диапазоне энергию. Концепция нового коллайдера базируется на новом методе повышения светимости — CrabWaist, предложенном и разработанном специалистами INFN (Италия) и ИЯФ СО РАН...»²

«МОЛЕКУЛА» ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОРЫВА

Наконец, последняя составляющая чуда: А. Будкер выступил и как промышленный деятель. Не будет ИЯФ «храмом» только чистой науки, создадим прикладную часть. При нём начинается производство ускорителей для промышленности, геологии, медицины. Например, для обработки зерна в хранилищах, когда излучение убивает амбарных насекомых. Такая установка в СССР работала на портовом элеваторе в родной мне до боли Одессе. И если вы хотите увидеть ту же технологию в современном виде — посетите павильон «Атомная энергия» выставки «Россия» на ВДНХ. Прикладные ускорители ИЯФ обрабатывали полимеры и создавали сверхпрочные оболочки для кабелей связи и энергетики. Они обеззараживали сточные воды и очищали питьевую влагу без её хлорирования. Резали и сваривали металлы лучом частиц. Создавались ускорители для поиска полезных ископаемых, для неразрушающего контроля бетонных и металлических конструкций. Будкер мечтал о том, что с помощью его ускорителей можно будет добывать из воздуха миллионы тонн азотных удобрений, творить невиданные искусственные материалы, новые молекулы и даже атомные ядра, получив в итоге ещё один мощнейший источник энергии — антивещество.

На прикладных работах в 1966–1969 гг. ИЯФ заработал 15 миллионов ещё тех рублей. Имея такой «приварок», А. Будкер, как и нынешний мэр Кольцова

² <https://inp.nsk.su/nauka/issledovatel'skaya-infrastruktura/proekty/super-c-tau-factory>

Николай Красников, переманивал к себе талантливых специалистов со всего СССР. Приговаривая: «Ты у меня и зарплату будешь иметь на 300 рублей больше, и каждый год сможешь ездить в научные командировки за границу». Красноречивый факт: промышленная деятельность института в семидесятые давала доходы, покрывающие почти половину затрат на его фундаментальные научные исследования!

Ведь ИЯФ уже в семидесятые годы смог выйти на внешний рынок со своими прикладными ускорителями. Не с сырьём, не с калошами, подчеркнём. В 1988 году Эдвард Гинзтон, тогда — председатель научного совета американской компании Varian (и поныне производящей высокотехнологичную медтехнику), светило в области СВЧ-электроники, говорил: *«Внедряя машины для радиационной технологии вне СССР, он смог заработать валюту, которая позволяла обеспечивать институт зарубежной аппаратурой...»* («Академик Г. И. Будкер. Очерки и воспоминания». — «Наука», Новосибирск, 1988. — С. 182). Если бы не «ядерный удар» в виде расчленения Советского Союза и последующих катастрофических «реформ», то на основе ИЯФ в Новосибирске мог возникнуть целый кластер компаний, что создают и производят промышленные ускорители и самую разнообразную технику на их основе. Примерно так же, как сейчас существует созвездие биотехнологических частных компаний, вышедших из стен государственного научного центра (вирусы и молекулярная биология) «Вектор» в соседнем Кольцово. Да, основатель ИЯФ отличался ещё и завидной дальновидностью в экономике! Чем не модель для грядущей русской индустриализации шестого технологического уклада?

Расчёт ещё конца 1960-х оказался верен. Итак, ИЯФ идёт к «священному Граалю» атомной физики — к созданию управляемого термоядерного синтеза. Но поскольку дорога к нему — дальняя, то, двигаясь по ней, институт способен «искрить» удивительными технологиями, что возникают «попутно», ради достижения главной цели. Если институт обладает великолепной машиностроительной базой наукоёмкого производства,

Красноречивый факт: промышленная деятельность института в семидесятые давала доходы, покрывающие почти половину затрат на его фундаментальные научные исследования! Ведь ИЯФ уже в семидесятые годы смог выйти на внешний рынок со своими прикладными ускорителями. Не с сырьём, не с калошами, подчеркнём.

то к чему ей простаивать после исполнения заказов самого ИЯФ? Андрей Будкер здесь поступал аналогично творцам того же Космического проекта. Да, мы хотим достичь Марса и других планет Солнечной системы, вырваться во Вселенную. Но пока мы заняты главной миссией, то породим массу новаций, нужных на Земле здесь и сейчас: спутниковые системы связи, навигации, картографии, передовую микроэлектронику (годную хоть в станки, хоть в авто, хоть в бытовую технику), новейшие — лёгкие и прочные! — конструкционные материалы, мини-компьютеры и т.д. Как видим, ИЯФ 1960-х повернул на тот же курс.

Но точно так же мне видится организация умной промышленности в грядущей Руси-Ковчеге, Пятой империи. Пусть, скажем, существует один из титанических мегапроектов. Возьмём для примера создание следующей ступени эволюции человека. В ходе работы над ним неминуемо возникнет сонм биомедицинских прорывных разработок. Как, впрочем, и электронных, информационных, химических, биофизических. Новому человеку понадобятся роботика, целебная, биоактивная пища, системы очистки и биоактивации воды, здоровые и быстровозводимые жилища новой эры, их системы жизнеобеспечения, чистая энергетика, новые виды транспорта. Технологии полной переработки отходов и мусора (автотрофная экономика). И всё это тотчас же превратится в новые предприятия всех форм собственности, предлагающие людям отличные коммерческие продукты! Не говоря уж о том, что те же технологии, выходящие из недр мегапроекта, поддержат иные проекты развития. Например, новой (усадебно-футурополисной) урбанизации, нового аэрокосмоса, футуристических Вооружённых сил и прочая. Возникнет великий синергетический эффект. Впрочем, и новый проект космической экспансии России в него органично вливается. А ИЯФ окажется в системе таких проектов.

Считаю, что Будкер с ИЯФ выступили как развитие великого и футуристического Сталинского проекта, они — плоть от плоти его. Знаете, как академик отыскал того, кто стал его опорой в промышленных планах? В 1958 году Андрей-Герш Будкер знакомится с выдающимся директором Новосибирского турбогенераторного завода Александром Нежевенко (1902–1977). Он ведь в юности — доброволец Красной армии, тоже был чадом сталинской индустриализации, четверть века трудившимся на Харьковском электромеханическом и уже оттуда перешедшим на работу в Новосибирск. Его-то «релятивистский инженер» Будкер и переманивает к себе. И не ошибается в выборе!

Считаю, что точно так же в грядущей Великой научно-индустриальной России «звёзды» новой промышленности протянут руки исследовательским научным центрам.

ОТ АТОМА – К РУССКОЙ МИКРОЭЛЕКТРОНИКЕ

В наши дни ИЯФ продолжает выполнять важнейшую миссию — спасения страны от электронной блокады и отсталости. С началом украинской кампании в 2022-м РФ лишилась возможности импортировать микросхемы. И тогда власти приняли решение: производить свои чипы в Зеленограде. При этом задействуя безмасочную технологию их производства: отечественную разработку, не используемую нигде в мире. Тем самым избавившись от зависимости от архидорогого оборудования, производимого нидерландской компанией ASML. Работа ведётся в стенах МИЭТа — Московского института электронной техники.

Но для этого потребовался мощный источник синхротронного фотонного излучения, подобный кольцовскому. Тогда приняли решение: достроить в Зеленограде синхротрон-ТНК (технологический накопительный комплекс), сооружение коего началось ещё в 1984-м и практически закончилось в 1991-м. (Его излучение планировали применять и для «выжигания» чипов.) Однако в 2014-м всё заморозили: в правительстве РФ считали, что можно обойтись закупкой электроники на Тайване, своё производить, мол, нерентабельно. СВО быстро вылила ушат холодной воды на голову. Западники стали издевательски показывать электронику тайваньского, голландского и американского производства в добытых обломках

наших «Калибров», X-101 и «Искандеров». Пришлось, бездарно потеряв десятилетия, возвращаться к советскому проекту, достраивать синхротрон.

И тогда выяснилось, что ИЯФ сохранил у себя оборудование для него, произведённое ещё в 1992–1996 годах. В декабре 2023-го директор института академик Павел Логачёв заявляет: *«Технологический накопительный комплекс будет востребован для разработки отечественной технологической цепочки производства микроэлектроники. Это будет основной инструмент, который позволит создавать, испытывать и отлаживать технологию так называемых литографов, которые делает фактически одна компания в мире (голландская ASML. — М. К.). Нашим заказчиком является Курчатовский институт, и мы очень тесно работаем с их командой над этой большой и важной для страны задачей»*³.

Вот так славное детище Атомного проекта Сталина, выжив всем смертям назло, теперь помогает нам обрести независимость в создании русской микроэлектроники. В этом — лучший ответ тем кретинам, что годами талдычат о том, будто все эти академические институты бесполезны, что сказками о термояде нас-де десятилетиями кормят...

Созидая Великую Россию, полезно хорошо изучить опыт, прежде всего, отечественных прорывов. А не только американские или японские «истории успехов»...

³ <https://3dnews.ru/1098017/v-zelenograde-vosstanoviyat-sinhrotron-i-prisposobyat-dlya-proizvodstva-peredovih-mikroschem>

/ Денис СТУПНИКОВ /

«Песни гордые про тесто»

*Против чего протестуют традиционалисты
из «Алисы», «Калинова моста» и «25/17»*

«Рок — это протест». Более сомнительной аттестации отечественной рок-музыки слышать ещё не приходилось. Да, глупо отрицать, что русский рок стал популярен на волне роковых для нашего общества изменений, вызревавших в нашей социальной жизни с середины 80-х. Но уже тогда происходила чудовищная подмена понятий. Хрестоматийный пример — песня группы «Кино» «Перемен», которая благодаря патетичному эпилогу фильма Сергея Соловьёва «Асса», плохо вяжущемуся с тональностью основной событийной канвы ленты, стала восприниматься как призыв к низвержению основ. Между тем Виктор Цой, как человек восточный, интровертный и созерцательный, писал, прежде всего, о переменах внутренних — своего рода дао, необходимом для достижения внутренней гармонии.

Даже те, кто сочинял в 80-е бунтарские гимны, после развала СССР как-то резко остепени-

лись и стушевались. Яркий пример — Михаил Борзыкин, выдвинувший дерзкий лозунг «Мой папа — фашист» и записавший под брендом своей группы «Телевизор» несколько крайне пессимистических альбомов в смутные 90-е. А начавшаяся в 1994 году чеченская кампания ввергла наших рокеров в какой-то ступор. В первые её годы лишь Юрий Шевчук, Гарик Сукачев да Александр Ф. Скляр эпизодически откликались на неё песнями, а более массовый характер это явление приобрело лишь на рубеже веков, когда проблема была уже близка к своему решению.

Своеобразная мода на «песни протеста» возникла в 2011–2012-х годах на фоне «болотных» и «белоленточных» настроений. Осатаневшие от сидения в скучных офисах серые клерки ринулись на митинги, чтобы почувствовать себя приобщёнными к «революционному» движению. Но это был уже настоящий фарс — как и поводы для злободневных песен, вроде

возмущения по поводу призрачной перспективы вырубки Химкинского леса ради строительства автотрассы или «защиты» страдавших творческим бессилием акционисток из группы Pussy Riot, устроивших шабаш в храме Христа Спасителя.

Конъюнктурщики от музыки снимали пенки, а при первых же грандиозных переменах в стране сбежали за границу и уже оттуда брызжут слюной. Насколько же внушительнее их оставшиеся на Родине коллеги-традиционалисты из славянофильских групп «Алиса», «Калинов мост» и «25/17», которые, ничуть не изменив своим убеждениям, вдруг начали писать очень неудобные песни, которые еще предстоит как следует осмыслить.

КОНСТАНТИН КИНЧЕВ КАК ДУДКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Ранние песни Константина Кинчева (вошедшие в 1996 году в альбом «Алисы» Jazz) подёрнуты импрессионистической дымкой и предельно далеки от социальности. Проблески бунтарства можно при желании усмотреть в первом альбоме группы «Алиса» «Энергия» (1985), но здесь позиция её лидера надёжно закамуфлирована общим ёрническим настроением записи и отсылками к Шарлю Бодлеру, Николаю Островскому и Михаилу Булгакову.

Во второй половине 80-х Кинчев, судя по всему, ещё лелеял надежды на позитивные изменения в рамках советского режима. Вместе со своим коллегой из питерской группы «Объект насмешек» Александром «Рикошетом» Аксёновым он даже хотел создать политизированное движение «Красный клин» — альтернативу стремительно выдыхавшемуся комсомолу. Название очевидным образом отсылало к знаменитому агитплакату авангардиста Эля Лисицкого «Клином красным бей белых» (1920). И этот артефакт, и такие песни «Алисы», как «Время менять имена», можно было трактовать и в символистском ключе — как знаки устремлённости к иным мирам.

Всё в одночасье изменилось осенью 1987 года, когда в газете «Смена» вышла одиозная статья Виктора Кокосова «Алиса» с сохой чёлкой». Выполняя соцзаказ, журналист в вульгарно-социологическом ключе описал концерт «Алисы» в питерском ДС «Юбилейный», приписав Константину Кинчеву фразу «Хайль Гитлер, на том берегу». И хотя факт произнесения этих слов был потом официально опровергнут экспертизой, за Константином Кинчевым по-

тянулся шлейф неудобного властям «фашиста». Об этом он с некоторой гордостью спел в знаменитом манифесте «Всё это рок-н-ролл»: «Им опять за обедом стал костью в горле очередной рок-н-ролл». Поклонники понимающе кивали и переименовывали строчку как «Костей в горле».

В августе 1991 года Константин Кинчев был на баррикадах и пел защитникам Белого дома. Позже он удостоился аудиенции у Бориса Ельцина, которого тщетно подбивал показать рокерскую «козу» для совместного фотоснимка. Медаль за защиту Белого дома Кинчев, впрочем, вернул властям в знак протеста против чеченской войны. Но в своих песнях 90-х он скорее расправлялся с внутренними бесами, нежели с внешними.

Очередное превращение Кинчева в трибуна произошло в 2000 году. Как и тринадцатью годами раньше, это случилось во многом под давлением внешних обстоятельств. Название альбома «Солнцеворот» «Алиса» решила проиллюстрировать в дизайне CD вышивкой мастерицы Екатерины Маньшавиной по мотивам круговой застёжки с орлиными головами для плаща, изготовленной ещё в V веке. Тогдашний программный директор «Нашего радио» Михаил Козырев наотрез отказался поддерживать альбом, усмотрев в графическом символе с обложки диска свастику. Предложение Константина Кинчева разместить на тираже дисков наклейку с цитатой из своей песни «Тоталитарный рэп» «я просто антифашист» было отклонено.

Эти огульные обвинения помогли Кинчеву в дальнейшем ещё чётче сформулировать свою позицию. Фраза из его песни 2003 года «Грязь» «ну а я у них считаюсь фашистом» была противопоставлена параноидальным фобиям тех, кто «умудрялись даже в дожде усмотреть Холокост». Этих либерал-фашистов Кинчев обвинил в развале великой советской империи: «Тихой сапой точили строй, шито-крыто трясли страной». Русофильская песня этого же периода «Небо славян» спровоцировала новые обвинения в «фашизме»: дескать, уже и небеса решили «узурпировать»! Но Кинчев здесь всего лишь вступался за русскую нацию, которая, по его словам, как индейцы, была лишена своей идентичности. **«Здесь слово “русский” не вполне политкорректно, вот “россиянин” — это “чисто” и “конкретно”»,** — съеззит он по этому поводу в 2005 году в песне «Черный».

Новый повод продемонстрировать бунтарский дух Константину Кинчеву дала на-

грянувшая в 2020 году пандемия коронавируса. Из-за своих непримиримых высказываний по поводу «цифрового концлагеря» и «сегрегации населения» по принципу наличия пресловутых QR-кодов он фактически оказался персоной нон грата. В итоге концерты «Алисы» отменялись один за другим по звонку сверху даже там, где массовые мероприятия худо-бедно проводить позволялось. А в конечном итоге Кинчев и сам отказался выступать в любых залах, где проход на концерт осуществлялся по прививочным QR-кодам.

«Ковидный» цикл песен Константина Кинчева был включён в альбом «Алисы» «Дудка», вышедший уже осенью 2022 года. Название диска многомерно и одной из своих сторон, безусловно, отсылает к ситуации, когда настоящий кислород стал наивысшей ценностью. Кинчев, переболевший коронавирусом в тяжёлой форме, не мог не испытать этого на себе. Тем не менее песни эти были направлены не против пандемии как таковой, а против насильственной вакцинации и попыток сломить волю людей запугиванием их новой чумой.

Социальное недовольство новой сегрегацией исчерпывающе описано в песне «Взрыв (все по швам)». Среди основных поводов для народных волнений здесь называется противоречие между волей людей и драконовскими законами, а также недостаточная гибкость властей перед вызовами нового времени («взрыв, потому что время застыло в башне Кремля»). В то же время Константин Кинчев категорически отвергает идею протеста ради протеста и противопоставляет проявления недовольства у патриотов и либералов, русских и европейцев: «Здесь — это суровый оскал, там — это визг». Защита жизненно важных ценностей против истерики, чувство собственного достоинства против произвола... К тому же в альбоме «Дудка» вновь Кинчев поднял свою излюбленную тему притеснения русских в своей стране, объявив это досадное обстоятельство основной причиной народного недовольства: «Взрыв, потому что русским нигде не осталось земли».

Среди основных поводов для народных волнений Константин Кинчев называет противоречие между волей людей и драконовскими законами, а также недостаточную гибкость властей перед вызовами нового времени («взрыв, потому что время застыло в башне Кремля»).

К другой — не менее острой — песне «Я был вчера убит» из альбома «Дудка» был снят видеоклип с хроникой народных волнений на Западе. Однако Кинчев явно дистанцируется от этих событий, и название песни можно понимать как переживание за судьбы мира (дескать, я вчера был просто убит этими новостями). В песне «Дежавю» появляется пресловутый термин «обнуление», но только затем, чтобы сделать глобальный вывод: «Слежу за трендом весь мир под ноль оцифровать». Ни о каком насильственном свержении режима здесь нет даже речи: нынешнему Кинчеву предельно чужд революционный путь. «Я предтеча всех контрреволюций», — поёт он в песне «Кислород».

Протест Константина Кинчева, как у первых христиан, **«брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной»** (Еф. 6:12). Главное его сопротивление — это молитвенное отшельничество в ладожских лесах, которое названо в песне «Волчий Rock-n-roll» «партизанским скитом». Порою всё же может показаться, что в ситуации с теми же QR-кодами музыкант чересчур бескомпромиссен: «Когда под нож вели барана, баран не чувствовал подвох — послушно шёл и так же, как баран, издох» («Страх и контроль»). Но в заглавной песне альбома «Дудка» он поёт: «Всё вокруг история, я дудка её. Дую, ретранслирую, пою, ё-мое».

Еще конкретнее тема народного протеста раскрывается в совсем свежем альбоме «Алисы» «Гойда» (2024). Апокалипсис в песнях этого диска уже свершился, и огненные чаши гнева уже пролились. Русский бунт здесь выглядит содержимым одной из этих чаш. Константин Кинчев апеллирует здесь к русской классике, исполняя песню «Суд» на стихи А. К. Толстого о «втором пришествии» Степана Разина и используя «Сказанье о народном восстании» Ивана Болотникова из поэмы Натальи Крандиевской «Наша древняя столица» в песне «Отпетый и опасный». Причём в былинный распев Кинчев внедряет ковидные реалии: «А у нас здесь все прокапаны от ОРВИ».

Итак, Константин Кинчев никогда не стремился быть последовательным выразителем протестных настроений. Тем не менее тучи над ним периодически сгустились настолько, что он ощущал себя, будто, по словам Виктора Цоя, «весь мир идёт на меня войной». Тогда он достойно держал удар и позволял себе нелिцеприятно высказываться о тех,

кто берёт нас под тотальный контроль, и придавать своим словам эсхатологическое измерение, которое ощутимо даже в его песнях на тему «русского бунта».

НАРОД-ГОСУДАРЬ ДМИТРИЯ РЕВЯКИНА

Основатель группы «Калинов мост» Дмитрий Ревякин тоже сделал эсхатологию основной сферой своих интересов. С Константином Кинчевым его связывает давняя дружба. При всём сходстве творческих подходов обоих музыкантов — очевидны и различия. Дискографию группы «Алиса» удобно рассматривать как единое целое — особенно с учётом того, что Константин Кинчев часто оставляет в своих песнях «гиперссылки» на свои ранние произведения. А Дмитрий Ревякин постоянно начинает будто бы с нуля, признаваясь, что каждый последующий альбом «Калинова моста» не должен быть похожим на предыдущий. А ведь есть ещё и регулярно выходящие сольные альбомы Дмитрия Ревякина, которые представляют собой абсолютно самостоятельную логику развития поэтической (и политической) мысли.

В отличие от Константина Кинчева, крайне не любящего анализировать сочинённые песни, Дмитрий Ревякин не чужд классификации своего творчества. Исходя из авторского замысла дискография «Калинова моста» разделяется на пять этапов. К протестным настроениям

прямое отношение имеют только два из них — второй «антисоветски-максималистский» (1986–1988) и последний — «эсхатологический», который, по мнению Ревякина, начался в 2000 году и будет длиться до гроба.

«Антисоветский» период «Калинова моста» относится скорее к разряду курьёзов. Песни из него вошли только в первый альбом «Калинов мост» (1986) и отнюдь не являются «визитными карточками» группы. Предмет критики здесь зыбок и смутен. В песне «С боевыми глазами» говорится: «На звериный оскал отвечали плевками». Речь здесь не столько о попытках сопротивления режиму, сколько о желании докопаться до высшей правды.

Богоискательство приводило зачастую Дмитрия Ревякина в немыслимые дебри, создававшие идеальную почву даже для обвинений в экстремизме. До конца 90-х он позиционировал себя как язычник, а потом попал в секту «Церковь истинно-православных христиан России» под попечительством старца Амвросия Сиверса, члены которой сошлись на животной ненависти ко всему советскому. Влияние этих идей прослеживается в альбоме «Калинова моста» «Ледяной поход» (2007), в частности — в песне «Фройлен, прощайте».

Дальнейшее творчество «Калинова моста» озарено светом подлинного православия, хотя его проблески были и в том же «Ледяном походе» — в песнях «Яволь» и «Челом», которые вполне тянут на зарифмованные молитвы.

При этом для Дмитрия Ревякина не менее важна геолокация — в том смысле, что каждая песня неразрывно связана с пейзажем, её вдохновившим. Без этого ключа вообще нет смысла анализировать творчество «Калинова моста».

Но не надо забывать, что Дмитрий Ревякин уже много лет живёт в Москве, напряжённый урбанизм которой бьётся нервной пульсацией в самых его ошетененных песнях. Произведения, собранные в недавний альбом «Калинова моста» «Холсты» (2022), написаны в разные годы и в разных регионах. И здесь очень интересно проследить, как меняется настрой Дмитрия Ревякина в контексте интересующей нас проблемы русского бунта.

Открывающая альбом вещь «Четыре стороны» написана в Москве 7 июля 2014 года в период проведения фестиваля «Нашествие». В ней Дмитрий Ревякин поёт о том, как «хоронится низинами скулёж», — очень меткая характеристика вечного нытья и недовольства тех жителей мегаполиса, которые пребывают на метафизическом дне, но считают себя при этом пупом земли. Также созданный в Москве «Мёд», где зафиксирована полная дезориентация электората и бессилие перед ним властей предержащих: **«Где укрыться от напасти? — Всё смешалось, кто куда. Ловит блох безумный пастырь...»**

«Камушек», несмотря на то, что повествует о Каме, написан в поезде «Москва — Питер». Связанная с притоком Волги вселенская гармония нарушается ощущением прорехи в государственном устройстве нашей страны. Строчка «Сказка — ложь, сочинитель плох» — наверняка примерно об этом. На концертах данную фразу Дмитрий Ревякин исполняет

глумливым голосом, зажав рукою нос, что усиливает впечатление о нём как о скоморохе, режущем правду-матку перед грозным царем.

Как видим, с сильными мира сего Дмитрий Ревякин не церемонится, но какая же альтернатива им предложена? Как ни странно, идеал он, будучи человеком далеким от «демократических ценностей», видит всё же в «народной власти». Об этом прямым текстом говорится в песне «Даёшь!»: «В борьбе с господами окрепнуть... Даёшь, брат, народную власть!» Удивительно, как музыкант, говоривший 15 лет назад о необходимости «десоветизации», вернулся к наивному максимализму первого «бунташного» периода «Калинова моста», развернув при этом оружие на 180 градусов.

«Если в песне «Без тебя» явлен плач землевдовы (по царю-государю, по народу?), то в рок-манIFESTE в духе раннего «моста» 80-х «Даёшь» ясно даётся понять, что Государь и есть Народ («Даёшь, брат, народную власть!»). И всё это с подчеркнутым антибуржуазным («советским») пафосом. А следующая многочастная композиция «Воздух золотой» показывает, как народ через безвременье саранчи-олигархов «лихих девяностых» возвращается к «ощущению страны под собой», — пишет об альбоме «Холсты» филолог Евгений Богачков.

Песня «Даёшь!» была написана в Новосибирске и, вероятно, вобрала в себя идеализированные представления о «Сибирской республике», которую пытались построить в этих краях в годы Гражданской войны. Сразу вспоминаются неотмирные утописты, вроде Велимира Хлебникова, бродившие по России с котомкой мятых стихов в поисках лучшей доли не для себя, но для всего народа. Недаром сквозь

строки «Даёшь» просвечивает хлебниковское «Свобода приходит нагая» из поэмы «Война в мышеловке». Сравните у Ревякина: «**Правда души взыскует: да будет народ-государь!**» И у Хлебникова: «Да будет народ государем, всегда, навсегда, здесь и там!»

Приём интертекстуального включения лирики Велимира Хлебникова в современную славянофильскую песенную поэзию не нов. За два года до альбома «Калинова моста» «Холсты» вышел диск философа, публициста, члена Изборского клуба и исполнителя собственных песен Виталия Аверьянова «Империя зла. Второй час песен» (2020), в котором было несколько композиций, объединявших авторское и хлебниковское слово. Наиболее созвучной Дмитрию Ревякину оказалась песня «За Хлебникова», в которой фрагменты из хлебниковских «Не шалить!» и «Уструга Разина» соединены с аверьяновскими прозрениями бывалого евразийца: «Из-за моря тянет дымом, из-за Волги Третьим Римом, не в торговле торжество, не в богатстве божество!» И Ревякин, и Аверьянов добиваются схожего эффекта: выдвигая народ на авансцену истории, они возвращают России статус Третьего Рима и снимают с неё навлечённое порочной элитой проклятье «Империя Зла». **«В жизни народной всё зависит не от отдельных высоких лиц и каких-то мгновенных превращений, а от народного самосознания, потому что в конечном итоге — что хотим, то и получаем»,** — справедливо замечает протоиерей Владислав Свешников в книге «Прикосновение веры».

По большому счёту, бунт Дмитрия Ревякина не имеет под собой ни социальной, ни экзистенциальной подоплёки. Собеседниками поэта оказываются даже не его современники, а могущественные представители потустороннего мира, пейзажи глубинной России, великие поэты прошлого масштаба Велимира Хлебникова, стрелы минувших лет, вечные звёзды над измученной Россией. В какой-то момент одним из таких собеседников оказывается народ, который, наконец, должен занять подобающее ему место в историческом процессе. Вряд ли это должно быть достигнуто путём революционного переустройства. Скорее, напротив, это грозное предостережение в духе Иисуса Христа: «Не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. 5:14). «Социальная справедливость вне и помимо Христа — мертвый миф», — напоминает протоиерей Владислав Свешников.

«25/17» – ГРАЖДАНЕ РОССИМОНА

«Когда умрут наши костры, вас станет знобить...» С помощью таких строк Дмитрий Ревякин озаботился поиском преемников ещё на первом — как раз «бунташном» — этапе своего творчества в 1987 году в песне «Сибирский марш». Ту же самую фразу с незначительными изменениями (спев «задуют» вместо «умрут») спел и Константин Кинчев в 2007 году в составе своей песни Rock'n'Roll. Преемники у обоих нашлись — группа «25/17» из Омска, изобретательно смешивающая рок, рэп и электро-року. Символично, что и они сделали в итоге кавер-версию «Сибирского марша», как бы «задокументировав» своё преемство.

С Дмитрием Ревякиным «25/17» записали заглавную песню «Подорожник» для своего альбома «Русский подорожник». Ей поразительно созвучен альбом «Калинова моста» «Холсты» — те же странствия по русским дорогам, то же выплетание индивидуальной творческой стези, вдохновлённой родными пейзажами: «А когда излечит раны русский подорожник, света белого держись, путь сочиняй».

Диск «Русский подорожник» вышел в 2014 году, а чуть раньше был издан в интернете отдельным синглом совместный сингл «25/17» и Дмитрия Ревякина «Рахунок», вызвавший в России настоящий скандал. Дело в том, что песня сочинялась по горячим следам Евромайдана, и неудивительно, что у эмоциональных рокеров впечатления от происходящего толком не отфильтровались. Слушатели не обратили внимание на то, что слово «рахунок» переводится с украинского как «счёт» (дескать, за Майдан для всей Украины настанет неминуемая расплата), но зацепились за упоминание в тексте «команданте Яроша». Спустя семь лет

С сильными мира сего Дмитрий Ревякин не церемонится, но какая же альтернатива им предложена? Как ни странно, идеал он, будучи человеком далёким от «демократических ценностей», видит всё же в «народной власти». Удивительно, как Дмитрий Ревякин, говоривший 15 лет назад о необходимости «десоветизации», вернулся к наивному максимализму первого «бунташного» периода «Калинова моста», развернув при этом оружие на 180 градусов.

после появления песни Дмитрий Ревякин признавал: «Не надо было Яроша этого приплетать, конечно. Надо было рифмовать “ярость”, вот и появился “Ярош”. Хотя бы спеть “группенфюрер Ярош”».

«25/17» действительно могут казаться порою слишком тёмными, туманными, ускользающими от любых характеристик и трудно причисляемыми к тому или иному лагерю. «Пацаны, которые каждый день жертвуют собой, не получили окопных песен, а польские организации не получили собранных с европейских концертов денег для украинских беженцев, — писал об альбоме «25/17» «Неизбывность» их единомышленник — рэпер Рич (Ричард Семашков). — Кстати если кого-то интересуют полутона, то можно вспомнить, как группа передавала деньги на гуманитарку для Донбасса, из-за чего «ВК» чуть не заблокировал их полумиллионный паблик. Но это так — для тех, кто решил вычеркнуть группу из Русского мира.

В этом отсутствии декларативного пафоса и прямого ответа на вопрос «с кем ты?» нет ни снобизма, ни страха, ни желания отсидеться в кустах. Да, «25/17» — адепты Русского мира, но они постоянно проверяют на прочность его ценности. «Мы народ-богоносец, мы — народ-победитель. Будем резать друг друга, а вы поглядите: как мы режим друг друга за всеобщее счастье, и последний из нас перережет запястье», — смело спели они в «Последнем из нас» из альбома «Русский подорожник», как бы предостерегая русских патриотов от превращения в шовинистов.

В самой острой песне «25/17» «Россимон» из их альбома «Неизбывность» (2022), написанной уже после начала спецоперации, автор текста Андрей «Бледный» Позднухов использует образ Егора Летова «лёд под ногами майора»

Слой за слоем «25/17» снимают шелуху человеческих мнений, чаяний и амбиций, чтобы доискаться до высшей правды — Божией... В свежем сингле «Пропаганда» «25/17», подобно Константину Кинчеву, апеллируют к народному гневу, который в песне принимает образ спящего медведя. Чтобы не разбудить свирепого зверя, Бледный предлагает не лить ему «мёд в уши» — то есть не заниматься лакировкой действительности.

как символ тотального отчуждения и нетерпимости: **«Мысленные волки на охоте — стаями, а все так ждали весну, но не растаяли, мы под ногами лёд, и в наших душах лёд. Ну что ж, давай решай, кто сегодня умрёт».** Из этой фразы следует, что любой протест человек оборачивает против себя же. На это намекает православный символ мысленного волка, который встречается, например, в молитве ко святому Причащению святителя Иоанна Златоуста и воплощает сферу душевных и умственных интенций человека, ставящих заслон между ним и Богом.

Задача участников «25/17» — восстановить это утраченное единство путём выстраивания сложнейшей поэтической системы с языковыми курьёзами, встроенными в неожиданный контекст публицистическими лозунгами и апелляциями к произведениям мировой культуры. К пафосу музыканты безжалостны, уничтожая его любыми доступными методами. Как это работает, хорошо видно на примере песни «Остаться» из альбома «Неизбывность». Рассуждая о том, насколько трудно просить прощения первым, Андрей Бледный высокопарно заключает: «Я, конечно, дойду, ведь я мужчина-воин». Но тут же сам напрочь перечёркивает возникшую было патетику в следующей уточняющей фразе: «Так, на арене стоя, думал про себя клоун». Слой за слоем «25/17» снимают шелуху человеческих мнений, чаяний и амбиций, чтобы доискаться до высшей правды — Божией.

Современный общественно-политический дискурс видится Андрею Бледному проявлением дурной бесконечности: **«Составляют списки, кричат — победа близко, составляют списки те, кто составляет списки»** («Россимон»). Декларативно примкнуть к одному из лагерей он не может при всём желании, потому что ситуацию всеобщей ненависти он описывает в духе фильма «Расёмон» Акиры Куросавы (по новелле Рюноске Акутагавы «В чаще»), когда «правд» много, и синтезировать из них одну не представляется возможным.

Однако Андрей Бледный ни на миг не забывает о том, что вся полнота истины может быть только в Боге. Именно дерзновенная попытка взглянуть на происходящее с точки зрения Всевышнего и приводит к рождению неприглядного образа современной России как расколотого на части «Россимона». «Ответь мне, Господи, нас можно ещё спасти?» — задает он главный вопрос в этой песне. И горько

описывает вырождение принципа симфонии церкви и власти в песне «Кесерь»: «Христос умывает руки, Пилат умывает руки, мы кесарю платим налоги и живём, как кобели в поисках суки».

В свежем сингле «Пропаганда» «25/17», подобно Константину Кинчеву, апеллируют к народному гневу, который в песне принимает образ спящего медведя. Чтобы не разбудить свирепого зверя, Бледный предлагает не лить ему «мёд в уши» — то есть не заниматься лакировкой действительности. При всём своём критическом запале, музыканты выражают в песне веру в светлую судьбу своей Родины: «И что бы там ни мямлили, что бы ни голосили, заколосятся лилии — слава России».

Позиция «25/17» может показаться предельно уязвимой. Правым в их песнях может не хватать декларативной созидательности, а левым — предметного разрушительного пафоса. Тем не менее русофильская и православная направленность музыкантов обнаруживается при тщательном анализе всех уровней сложно выстраиваемых текстов. В конечном итоге протест участников группы направлен против надшей природы человека, успех исцеления которой они видят только в выстраивании обратной перспективы — от милостивого Бога к окончательно запустевшему человеку.

РАСПЕВАЮТ ЧТО ПОПАЛО, А ПРО ТЕСТО ПЕСЕН МАЛО

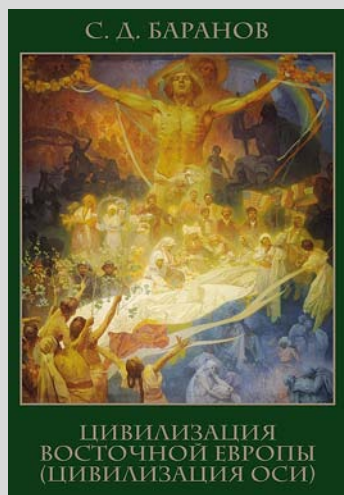
Современные песни протеста музыкантов, пытающихся сделать себе на этом имя, по большей части настолько убоги, что производят впечатление скроенных по одним и тем же лекалам. Неудивительно, что время от времени такие мёртвождённые опусы подвергаются пародиям. Едва ли не самая остроумная из них «Песня про тесто» была исполнена дуэтом «Иваси» ещё в 1987 году как здоровая реакция на хлынувшие с началом перестройки потоки огульной критики против советской власти: «Будем петь мы повсеместно песни гордые про тесто... Распевают что попало, а про тесто песен мало...»

При всём комическом эффекте омофона «протеста — про тесто» на этом созвучии легко выстраивается созидательная концепция. Отчасти подобные смыслы заложены и у «Иваси»: «Все мы сделаны из теста — из единого куска». В этом ощущении единства и таится наше

спасение. Вспомним Александра Башлачёва, который тоже на раннем этапе баловался протестными песнями вроде «Палаты № 6» («плюю в лицо слуге по имени народ — мне нравится БГ, а не наоборот»), которую к концу жизни просто мечтал забыть навсегда. А пришёл он к всеобъемлющему евхаристическому образу теста (песни «Тесто» и «Мельница»), хлебы из которого накормят всех, чтобы «каждому, каждому стало светло».

«Алиса», «Калинов мост» и «25/17», будучи адептами Русского мира и продолжателями идей Башлачёва, преследуют ту же цель. Не следует чесать их под одну гребёнку, ведь, например, Дмитрий Ревякин, в отличие от монархиста Константина Кинчева, уповаает на «народную власть», а Андрей Бледный не согласен с кинчевской идеей ухода в скит как панацеи от всех бед: «Уйти в Тибет, сбежать в леса и жить в скиту, но где бы ты ни скрылся, всё равно тебя найдут» («Россимон»). Но их роднит умение месить тесто (как символ связи с Богом) на дрожжах протеста против всего того, что угрожает их Родине, — в частности, власти капитала и либерал-фашизма. Слушателям в этом процессе отводится роль кадушки, которая способна вместить это тесто и сберечь его до выпекания в печи испытаний. Понятно, что таких вдумчивых ценителей очень мало, но ведь многое зависит от количества пекарей-просветителей и качества их работы.

Сергей БАРАНОВ. Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). — М.: *Институт наследия*, 2024. — 578 с.

В фундаментальной монографии автором обобщены современные подходы и результаты исследований в области теории цивилизации. При этом даётся критически их анализ и предлагается собственная теоретическая модель, что делает книгу важным фактом отечественной научной мысли. Обосновывается осевой характер цивилизации Восточной Европы, её возможное будущее в контексте отношений с другими цивилизациями. Основой для сборки исследования выступают духовная антропология и историосо-

фия в рамках русского персонализма. Формулируется и обосновывается теория об особом, осевом типе личности, носителями которого являются народы Восточной Европы. Используются эмпирические данные преимущественно на материале России и восточнославянского ареала. Монография рекомендована специалистам в области философии, культурологии и социальной теории, экспертам и специалистам, интересующимся темами российской и славянской цивилизации.

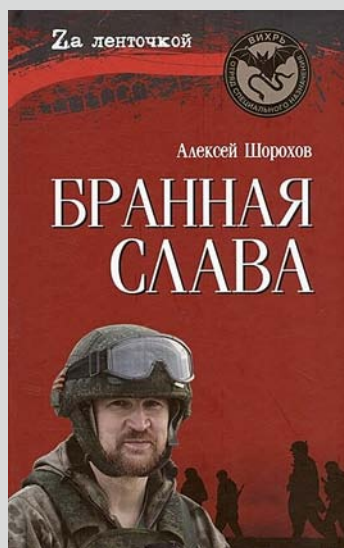
Валерий КОРОВИН. После «Украины». — М.: АСТ, 2024. — 352 с.

Потеря Украины в 1991-м, «оранжевая революция» 2005-го, Майдан 2014-го — всё это вехи на пути к большой войне, которую готовил Запад, поставив российское руководство перед неизбежным вынужденным решением февраля 2022 года. Но ловушка, в которую попала нынешняя российская элита, как утверждает автор, не фатальна.

Что останется на месте бывшей Украины после завершения процесса демонтажа этого остаточного несостоявшегося государства? Как переформатировать пространство, населённое множеством

народов, избежав при этом кровавых междоусобиц и конфликтов? Что станет с экономикой, промышленностью, населением бывшей Украины? Какова роль США и России в определении будущего этого многострадального пространства?

Позиция автора однозначна: будущее бывшей «Украины» в составе Большой России: в этом залог мира, гармонии и развития. Автор даёт в книге созидательный сценарий, разбирая перспективы нового славянского возрождения — не только для юго-запада Руси, но и для Восточной Европы в целом.

Алексей ШОРОХОВ. Бранная слава. — М.: Вече, 2024. — 384 с.

Автор книги — русский поэт, прозаик. С января 2023 года пошёл воевать добровольцем в отряд специального назначения «Вихрь» 7-й Георгиевской разведывательно-штурмовой бригады Союза добровольцев Донбасса. Ранен в боях под Бахмутом. Награждён правительственными наградами. Перед тем как пойти на фронт, автор много лет колесил по ДНР и ЛНР с гуманитарными «буханками», стал организатором проекта «Буханка для Донбасса». Появился цикл донбасских стихов.

— А вот с прозой получилось интересней, — говорит Алексей. — После ранения,

когда нас уже везли санитарным Ил-76 в Москву, я вдруг почувствовал неотвратимое желание описать всё это. Просто пальцы сводило на правой руке — левая после осколочного ранения была забинтована...

Пролившаяся на бумагу «окопная правда» Шорохова публиковалась фрагментами в «Литературной газете», газетах «Слово», «Завтра», в журналах «Кубань», «Москва», в нашем «Изборском клубе». И вот — вышла сама книга «Бранная слава», в которую вошли одноимённая повесть, военные рассказы и фронтовой дневник писателя.

Хронология мероприятий клуба

18 августа 2024 года

В Туруханском районе Красноярского края в посёлке Курейка по инициативе местных жителей и при поддержке муниципальной администрации установлен памятник Сталину. Фигура в полный рост (высота памятника 3,5 метра) появилась на месте бывшего музея советского вождя, который отбывал ссылку в этих краях в 1914–1917 гг. Автор памятника — уроженец здешних мест Михаил Красильников.

Торжественное открытие возглавили руководитель Туруханского района Олег Шереметьев, российский писатель Александр Проханов и спонсор проекта — воронежский предприниматель Геннадий Чернушкин. Историк Николай Сапелкин, один из главных инициаторов создания и установки памятника в Курейке, сообщил, что в ссылку Сталин «приехал марксистом-западником, а уехал русским патриотом», именно там он «полюбил глубинную русскую жизнь охотников, рыбаков, крестьян».

В современной России скульптура в Курейке стала первым официальным памятником генералиссимусу. Существовавшие на момент его открытия монументы Сталина в Нижегородской и Псковской областях имеют неофициальный статус (установлены в пределах частных владений).

Сентябрь 2024 года

Продолжается шествие по стране легендарной рок-оперы «Хождение в огонь», написанной членом Изборского клуба Александром Агеевым на стихи Александра Проханова, о чём мы уже неоднократно писали. На этот раз оперу принял город-герой Волгоград, в котором 4 сентября в Волгоградской государственной филармонии прошёл очередной премьерный показ. А 6 сентября поста-

новку оперы можно было увидеть в Ростове-на-Дону в Ростовской государственной филармонии.

Первая премьера рок-оперы состоялась в апреле 2023-го в Луганске, затем было резонансное представление в Нижнем Тагиле, в сборочном цехе знаменитого «Уралвагонзавода», далее рок-оперу увидели жители Екатеринбург, Коврова, Омска, Нижнего Новгорода.

27–28 сентября 2024 года

27 сентября, в праздник Воздвижения Креста Господня, группа членов и экспертов Изборского клуба вместе с активом движения «Переправа» участвовала в торжественной литии в часовне Державной Божией Матери у Изборского холма, посвящённой семнадцатой годовщине установки на Псковской земле Изборского креста. Перед этим состоялось завершающее заседание форума движения «Переправа», в котором приняли участие постоянные члены Изборского клуба Александр Нотин и Виталий Аверьянов.

28 сентября на площадке Псковского академического театра драмы имени А. С. Пушкина прошла конференция «IV Собор Русского мира», в которой также приняли участие Аверьянов и Нотин. В роли ведущего конференции выступил секретарь Движения Русской мечты Дмитрий Сагал. Из других членов клуба в конференции приняли участие Сергей Баранов, Фёдор Папаяни, ряд членов клуба выступили дистанционно (в видеоформате). На Соборе был представлен тизер фильма Александра (Хирурга) Залдастанова об Изборском холме. Для выступлений участников лейтмотивом послужила тема региональной идентичности Псковщины и значения для России Изборского холма.

7 октября 2024 года

После тяжёлой болезни ушел из жизни один из ведущих экспертов Изборского клуба, соавтор большинства коллективных клубных докладов и постоянный автор нашего журнала замечательный историк и писатель Александр Елисеев. Прощание и отпевание состоялось 12 октября в Первой градской больнице.

Памятник Сталину в Туруханском районе Красноярского края в посёлке Курейка.

/ Владимир ЕЛИСТРАТОВ /

«И живы мы духовной жатвой...»

* * *

Россия — ты зала вокзального табор,
Октябрьской ночи белесый перрон.
Ты — спящий ребенок, прокуренный тамбур
И звезды, впитавшие сладкий гудрон.
Ты — бьющая крыльями, сердцем и лбами.
Ты — верный до гроба, нетрезвый мой друг.
Россия, позволь мне коснуться губами
Надорванных вен синеглазых старух.
Ты — тамбур. Ты — ночь металлических стонов.
Ты — полка, достоинством в жёсткий аршин.
Здесь мучился в слове рабочий Платонов
И шурился в дыме крестьянин Шукшин.
Ты — скорый, плацкартный, товарный, дрезина...
Ты — вечно бегущая в стёклах вода.
Ты — пани с ногойкой, ты — оспа грузина,
Гармошка арийца и стоны жида.
Ты — мглистые дали и тяжкие птицы,
Чью муку унять мне, о Господи, дай.
Россия, ты плечики той проводницы,
Что утром шепнула: «Вставайте, Валдай».

ЛОМОНОСОВ

Он триста лет живёт на свете,
Помор в версальском парике,
В своём небесном кабинете
С пером отточенным в руке.

Он пишет страстно и бесстрашно
Большую Книгу Бытия.
В ней всё во всём: дворец и пашня,
И Бог и Царь, и Ты и Я.

Там — атом, Марбург, смальта, оды,
Там — бездна звёзд, высокий штиль,
Псалмы, и брани, и народы,
И Универа светлый шпиль,

Загадка южной мандрагоры,
Сиянье северной зимы,
В ней — Моховая, Холмогоры
И Воробьёвые холмы.

Мужик архангельский в камзоле,
Чертя российские ерЫ,
Поёт, как дед его, о Воле,
Пронзая сферы и миры.

И живы мы духовной жатвой,
И Универа шпиль блестит,
Покуда в небе наш Вожатый
ЕрЫ российские чертИт.

ОБ АВТОРЕ

Владимир Станиславович ЕЛИСТРАТОВ

Родился в 1965 году. Филолог, языковед, доктор культурологии, заслуженный профессор МГУ, писатель и поэт. Один из ведущих экспертов Изборского клуба, постоянный автор нашего журнала.

Лауреат премии имени И. И. Шувалова I степени. Автор более 900 научных, публицистических работ. Автор 20 книг, среди них несколько романов, сборников рас-

сказов и эссе. Автор словарей языка В. Шукшина, И. Тургенева, Н. Лескова и Н. Гоголя, также автор специальных лексикографических исследований и словарей («Толковый словарь русского сленга», «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века», «Арго и культура», «Язык старой Москвы», «Словарь крылатых слов (русский кинематограф)»).

Стихотворные сборники «Московский Водолей», «По эту сторону Стикса», «Духи мест».

* * *

Мы были молоды, как боги,
Седьмую вскрывшие печать.
Поставить точку в эпилоге
Нам было проще, чем начать.

И шло застолье без печали,
Всё из надежд и новостей,
И мы совсем не замечали
Иных пришествия гостей.

Мы ели, пили, говорили
О будущем и о былом.
А Зло с зрачками цвета пыли
Сидело тихо за столом.

И Ложь, блудливыми белками
Мерцая в глубине стола,
Большими жадными глотками
За наше здравие пила.

И Смерть с глазами, как водица,
Присела скромно на скамье.
И вот мы стали расходиться,
Кто — так, а кто — в Небытие.

И на каком-то пошлом тосте,
Ни к городу и ни к селу,
Я вспомнил вдруг, что были гости,
Так и не севшие к столу.

* * *

Быть русским — значит верить в чудо
И знать, что чуду не бывать,
Плыть в никуда, быть ниоткуда
И голод тёткой называть.

Ковать мечи, ковать орала,
Лить пушки, лить колокола.
И на восток всё течь с Урала,
Как закипевшая смола.

Жевать солёную конину
На евразийских сквозняках.
Любить до слёз грузинку Нину,
Писать комедию в стихах.

Идя на крест, молиться Ладе,
Быть Василиском-васильком.
Берёзку перед смертью глядя,
Играть алтайским желваком.

Держать, как паузы, эпохи.
И с каждым мигом быть другим,
И быть нагим на первом вдохе,
И на последнем быть — нагим.

РАЗМЫШЛЕНИЯ АНГЛОСАКСА

*Я — римский мир периода упадка...
Поль Верлен, перевод Б. Пастернака*

Я гордый англосакс, курящий у камина.
В пакгаузах моих — немерено добра.
Там двести фунтов хны, там триста фунтов тмина.
И — сколько не скажу — там фунтов серебра.

Я биржи изучил отливы и приливы.
Я сэр и джентльмен, мне чужды миражи.
Мой верный грум Мумбас — весь цвета спелой сливы.
Наложница моя — племянница раджи.

Меня повсюду чтут — в Шанхае и Каире,
И каждый подражать мне жадно норовит.
И даже где-то там, в заснеженной Сибири,
Английский носит съют татарский москвит.

На всё на свете есть рассчитанная такса:
На хну и серебро, наложницу и тмин.
Да, очень тяжело ты, бремя англосакса.
Гори, гори, сияй, мой лондонский камин.

* * *

Автобусы вздыхают, как киты.
В фонарных нимбах — снежные стрекозы.
И мы уже со старостью «на ты».
И пьём с ней за здоровье варикоза.

Очки в чехле — как вальтер в кобуре.
Валокордин — сто грамм перед атакой.
Давно пропето «до» и спето «ре».
Споём же «си» — и Вечности Итака.

Дай Бог всем Одиссеям Пенелоп.
И ни корнета нет, ни комиссара.
И длит свой нескончаемый галоп
Щемящая российская сансара.

* * *

О, как нам жить, славянам и не очень
И не славянам... Буду вновь неточен,
Когда скажу, что чёрт его поймёт...
Мы водку пьём и бродим у обочин,
Наш дом уныл и наскоро сколочен,
И на мансарде стынет пулемёт.
Мой друг еврей сегодня носит сидор,
Учёный муж разводит толстых выдр,
Весь в упоении сельского труда.
Другой мой друг был комсомольский лидер,
Теперь он стал американский пидор
(У рифмы брак, но символ хоть куда.)
Всё посмешалось в знаках Зодиака:
Нетрезвый Лев глядит глазами Рака,
Кассиопея стала туалет,
И таракан у мусорного бака
Разруху нашу празднует, собака,
И весь сияет, словно эполет.
Так в чём же суть? И как пройти к Главлиту?
И не вредить, как Федра Ипполиту,
И не бояться сплетен и засад?
А суть лишь в том, чтоб петь свою Лолиту,
Не поддаваясь сплину и колиту.
И в этом суть. И ветер треплет сад.

ЛОЛО

Течёт мимо джунглей, неба и свай,
Как змея древнего след,
Течёт таиландская речка Квай
Уже миллионы лет.

В джунглях птицы слышится крик,
Словно кричит человек.
В доме на сваях живёт старик,
Которому скоро век.

Старик целый день лежит и лежит,
Куря, в своем гамаке.
Река цвета хаки под ним бежит.
А что ещё делать реке?

Воздух в джунглях удушливо-густ.
Старик смеётся: «Тепло».
У старика есть ручной мангуст.
Мангуста зовут Лоло.

У старика я прожил три дня.
Как ни крути, а срок.
Мангуст на плече сидел у меня,
Тёплый ручной зверёк.

Лоло мой ласков, как сто собак.
Лоло бесконечно добр.
Смешно чихает на злой табак.
Ловит и душит кобр.

Мой приятель с берега Квай
Очень смьшлён, хоть мал.
Я ему говорил слова,
А он меня понимал.

Мы болтали. Текла река.
И время с рекой текло.
И вот в последний, третий закат
Я предложил Лоло:

«Давай, когда мы умрём, родной,
И вновь родимся когда,
Я стану тобой, а ты станешь мной,
И ты приедешь сюда».

Лоло подумал, мне в ухо дыша
И глядя в течение Квай,
Бегущее, как по сансаре — душа,
И тихо сказал: «Давай».

А утром катер меня унёс,
Вспенив Квай за бортом.
Старик улыбнулся, наморщив нос.
Лоло помахал хвостом.

И вот я живу. И тяжело когда
И мрачен мой дом и пуст,
Я говорю себе: «Не беда.
Ты справишься. Ты — мангуст!»

* * *

Мы выйдем рано. Будет хмарь —
Как бы свинец в извёстке,
Нетрезвый йодистый фонарь —
Как перст на перекрёстке.

И мы пойдём туда, где лес
Чернеет на болоте,
И камня брошенного плеск
Туман, как вор, проглотит.

И будет бить нас по щеке
Сырого ветра плётка.
И будет всё на волоске,
И Водолей — не тётка.

Но мы услышим, я и ты,
За Яузской заставой,
Что прокричит нам с высоты
Вороний бог картавый.

Он крикнет, принц небытия,
Картавый бог вороний,
Что в бытии ни ты, ни я —
Никто не посторонний,

Что жизнь мучительно трудна,
И всё-таки прекрасна,
Что в этом мире ни одна
Молитва не напрасна,

Что будет послан нам судьбой,
Кто снимет боль рукою.
Вот что услышим мы с тобой
За Яузой-рекою.

Всё будет странно: и рассвет,
И лес, и ворон вещей,
И что на свете счастья нет,
Но есть другие вещи.

ОВСТУГ

Россия. Осень. Утро. Овстуг.
Безмолвных лип чугун литой.
Кутьей морозной пахнет воздух
И тих, как колокол пустой.

Чуть серебрится абрис тучи,
И кашель слышен за версту.
Тревожный жаворонок Тютчев
Идёт в беседку по мосту.

Балкан распоротое брюхо.
Раздрай славянский. Крымский срок.
Всё просчитал он зло и сухо.
Всё он предвидел. Всё предрёк.

И что ж? В намеченные сроки
Отозвались его слова.
И он устал, как сто пророков.
Он стар. Денисьева мертва.

Туман слоится, наползая,
И гул вселенский в голове.
И хищно-нежная борзая
Дрожит на цыпочках в траве.

И снова рифмы-самозванцы
Стучатся в снежные виски.
И нервно скомканные стансы
Плывут, как в Вечность, под мостки.

ЯХРОМА

В городишке Яхроме
Улицы неровные.
Ты смотри, не охромей,
Если пропил кровные.

Ну а если ты тверёз,
Знай, что яхромчаночки
Постройней твоих берёз
И на щёчках ямочки.

Кто бродил по Яхроме,
По холмистым улицам,
Тот ни в хвори, ни в тюрьме
Никогда не хмурится.

А кому в том городке
Улыбнулись ямочки,
Тот проскочит належке
Все ножи да пьяночки.

Ой, ты Яхрома моя,
Яблони да ясени,
Тут некрашена скамья,
Где яснее ясного,

Для чего мы в мир зашли,
Как шофёр впельменную,
И зачем горят вдали
Звёзды неизменные.

Так что, брат, не охромей,
Если пропил кровные:
В городишке Яхроме
Улицы неровные.

ПЕТЕРБУРЖЕНКИ

В петербурженках брезжит такое,
Что прогонит и скуку и злость.
Не даёт мне ни сна, ни покоя
Невских девочек лёгкая кость.

Словно вышли из старенькой книги
И гуляют над невской волной
Серых глаз изумлённые миги,
И мантилька, и локон льняной.

Даже если по моде одеты,
Всё равно они — в стиле ретро.
Безнадёжно их любят кадеты,
И поэты тиранят перо.

И живи я пораньше лет на сто,
Я бы тоже страдал при свечах,
Это имя осеннее «Настя»
Всё шептал бы и к Святкам зачах.

Но по-прежнему больно и сладко,
Хоть сменился эпох коленкор.
Безответно тоскует крылатка,
И в душе — сероглазый укор.

В петербурженках брезжит такое...

* * *

Счастлив я, что бывал в Африканской земле,
Что кормил на заре крокодила,
Что в Непале, как делящийся взрыв в хрустале,
Мне тибетское солнце светило,

И что в рис камбоджийский я сыпал кунжут,
Что горчила рециной Эллада,
И в Израиле чуял библейскую жуть
Неизбежного в мире разлада,

Что в сандаловом пекле на Ганге-реке
Ворошил погребальные угли,
И что утром, в туманном его молоке,
Пробирался сквозь тайские джунгли,

И цедил я, как виски, неоновый китч,
И качал бедуинские ясли,
И музейную тишь, и восточную дичь
Видел в жизни я много — и счастлив.

Но я счастлив стократ, что видал в полынье,
Как звезда по-рубцовски грустила,
Что Москва меня, в жадном своём гомонье,
В свою чистую веру крестила,

Что глядел я в российский небесный затон
И с березкой болтал, как с живою,
И вдыхал, издавая на выдохе стон,
Русской речи морозную хвою.

* * *

Он был в пути уже полвека,
И тяжёлый был его рюкзак.
— Скажи, прохожий, близко ль Мекка?
— Ты не туда идёшь, чудака...

Он вытер лоб, поправил ворот.
Закапал грустный русский дождь.
— Скажи, далёко ль Вечный Город?
— Он там, откуда ты идёшь.

— Да, — произнёс он, — дело худо... -
Скорей устало, чем скорбя.
— Скажи мне, где Пресветлый Будда?
— Он слишком светел для тебя.

Прохладный дождь по жаркой коже
Стекал с лица его на грудь.
— Прощай, — сказал ему прохожий, —
Иди уже куда-нибудь.

И он побрёл в свои печали.
И русский дождик стал снежком.
И больше люди не встречали
Скитальца с тяжким рюкзаком.

РОССИЯ ВСЕГДА ПРАВА

В. Аверьянову

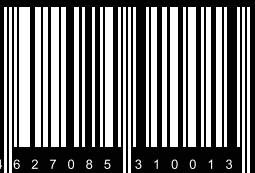
Россия всегда права,
Как прав её чернозём,
Права, как полынь-трава,
Пустившая корни в нём.

Права, как звезда над ней
На млечном тракте-пути,
Которой всегда видней,
Куда и зачем идти.

И если звезду и траву
Вдруг топчет король колбас,
Его, как и раньше, порвут,
Вологда, Крым, Донбасс.

Россия права всегда,
Как правы её кресты,
Права, как права звезда
Полынной её мечты.

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3